Р. Э. СЕВОРТЯН

АРМИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ РЕЖИМЕ СТРАН СОВРЕМЕННОГО ВОСТОКА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Р. Э. СЕВОРТЯН

АРМИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ РЕЖИМЕ СТРАН СОВРЕМЕННОГО ВОСТОКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1973

327.25
С 28

Ответственный редактор
Н. А. СИМОНИЯ

В работе на материале ряда стран современного Востока исследуются проблемы взаимоотношения армии и общества, особенности основных политических и государственных структур, специфические методы руководства обществом, характер общественной организации в целом. В книге содержится анализ некоторых новых тенденций в политике империализма, связанных с возрастанием роли вооруженных сил во многих афро-азиатских государствах

С $\frac{1121\text{-}2144}{042(02)\text{-}73}$ 11-73

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1973.

ВВЕДЕНИЕ

Освобождение угнетенных народов Востока от многовекового колониального господства совершилось окончательно и бесповоротно. Современный Восток перестал быть только объектом истории. Бурные революционные изменения происходят в когда-то застойных восточных обществах, в классовых и национальных конфликтах сталкивается старое и новое, будущее противоборствует с прошлым. Ныне Восток является районом мира, где процесс исторического развития отличается подлинным динамизмом.

Подавляющее большинство стран Востока обрели самостоятельный статус в международной жизни. Однако реальное насыщение этого статуса социально-экономическим содержанием остается здесь основной трудностью. С многовековой отсталостью, архаизмом социально-политических и экономических структур невозможно покончить на другой день после завоевания национальной свободы. В то же время перемены необходимы, они неотложны. Это понимают наиболее революционно настроенные лидеры стран Азии и Африки, ищущие радикальных путей преодоления отсталости. Это поняли многие буржуазные деятели и даже некоторые представители феодальной аристократии. В зависимости от характера классовых сил, стоящих у руководства той или иной страной, реформы консервативных укладов и порядков приобретают ту или иную социальную направленность, отличаются большей или меньшей последовательностью.

Общей чертой в планах как сторонников буржуазных реформ, так и сторонников глубоких антикапиталистических преобразований является использование рычагов национального государства, точнее, государствен-

ного аппарата, в преобразовании отсталых обществ. Опыт последнего десятилетия воочию показал, насколько возросла во многих странах Востока роль государственных органов в решении самых различных вопросов — экономических, социальных, политических. Это заставляет с особым вниманием подходить к проблемам госаппарата, тщательно изучать механизм его функционирования, классовую природу, возможности и перспективы развития.

Марксизм-ленинизм всегда придавал большое значение этим вопросам. К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин в своих трудах проследили историческое становление государства, таких его институтов, как чиновничья (бюрократическая) служба и постоянная армия. В современных условиях, когда бывшие колонии, а ныне суверенные государства стоят перед выбором пути социально-экономического развития, дальнейшее изучение проблем государства, развития его аппарата, в частности применительно к странам Востока, чрезвычайно важно. В документе международного Совещания коммунистических и рабочих партий в 1969 г. в Москве специально указывается на то, что решение узловых национальных проблем в странах Азии, Африки и Латинской Америки прямо зависит от глубоких преобразований в различных областях хозяйства и общественной жизни, в том числе от радикальной демократизации государственного аппарата [8, 29].

Развитие политических и государственных структур в современных восточных обществах протекает весьма своеобразно. Свидетельством этого являются возрастание политического значения армии и гражданской бюрократии, формы организации власти (политические режимы), характер партий, нередко олицетворяющих классовые союзы различных социальных сил. Обобщение богатого опыта эволюции современных восточных обществ требует пристального внимания ко всем этим проблемам.

Важное место среди этих проблем занимает вопрос о роли армии в жизни государств Азии и Африки. Эта тема привлекает все большее внимание ученых—историков, социологов, экономистов, правоведов, философов как в нашей стране, так и за рубежом. Без изучения роли армии ныне невозможно ответить на многие вопросы, связанные со становлением национальной го-

сударственности, формированием политической организации, развитием экономики послеколониального общества.

В нашей науке пока наибольшее распространение получило проблемно-историческое изучение политической роли вооруженных сил в странах Азии и Африки. К числу первых крупных исследований этого типа, непосредственно посвященных армии, относится монография Г. И. Мирского «Армия и политика в странах Азии и Африки» [57]. Разработке общеметодологических аспектов темы роли армии в странах Азии и Африки посвящены работы и статьи А. А. Искендерова, Б. Г. Сапожникова, Ю. Г. Сумбатяна и некоторых других авторов.

Довольно широко в советской литературе представлены труды, в которых проблема политической роли армии затрагивается в той или иной степени в связи с рассмотрением других общественных явлений и процессов в молодых государствах (таких, как Алжир, Бирма, Египет, Индонезия, Пакистан и некоторые другие).

В настоящей работе делается попытка изучения в проблемном плане места и роли армии в политической организации общества стран современного Востока. Автор считал необходимым осветить следующие группы вопросов.

Непременным условием изучения политической организации общества является анализ его социальной организации. Поэтому значительное место в книге уделено проблеме взаимосвязи армии и гражданского общества.

Особенность положения армии в ряде стран Востока заключается в том, что она играет иногда роль государственного и одновременно особого политического института. С одной стороны, армия — неотъемлемая часть аппарата государства, а с другой — разновидность политической организации, весьма отличная от партий, «традиционных» организаций различных классов. Эта двойственность в положении армии в обществе и заставляет рассматривать ее в двух планах: как часть госаппарата и как одну из политических структур (наряду с партиями и прочими политическими объединениями). В работе предпринята попытка анализа этих двух сторон бытия армии в молодом государстве. Кроме того, в ней довольно подробно освещены проблемы

политических режимов, в которых армия играет роль важнейшего механизма власти.

Автор считал также необходимым дать освещение некоторых новых тенденций в политике империализма в связи с возрастанием политической роли армии в странах Азии и Африки.

В заключение хотелось бы уточнить понятие «армия», столь часто встречающееся в тексте. Речь идет прежде всего и главным образом о наиболее активной ее части — офицерах, которые, как указывал Ф. Энгельс, вместе с унтер-офицерами, собственно, и олицетворяют организацию армии [3, 154]. На Востоке, в силу того что рядовой и сержантский состав неграмотен или малограмотен, роль офицерского корпуса особенно велика. Характерно, что за всю послевоенную историю в странах Азии и Северной Африки не было ни одного значительного политического выступления под руководством рядового или сержанта.

Настоящая работа, естественно, не претендует на исчерпывающее раскрытие темы. Многие проблемы рассматриваются в ней в чисто постановочном плане.

ГЛАВА I

АРМИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА

Обзор существующих концепций и взглядов

В последние годы в науке широко обсуждается вопрос о месте армии, офицерства в социальной структуре стран современного Востока. Историки, социологи, философы дают на него самые различные, подчас весьма противоречивые ответы. Ниже мы остановимся на двух группах мнений по этой проблеме: зарубежных и советских ученых [1].

На Западе изучение армий молодых государств Азии и Африки широко ведется уже давно. В последние годы целый ряд буржуазных ученых выступили со своими концепциями, в которых попытались определить место военных в социальной структуре. Какими же социологическими категориями они оперируют при анализе этой проблемы?

Так, американский ученый М. Халперн в книге «Политика социальных перемен на Среднем Востоке и в Се-

[1] Особую группу воззрений составляют высказывания государственных деятелей — военных и гражданских — о месте армии в обществе. Во всех этих высказываниях, естественно не преследующих научных целей, налицо стремление представить армию в качестве стоящей над классами организации. Она изображается как «авангард народа», выразитель интересов нации, как просто «хорошие граждане». Покойный президент ОАР Гамаль Абдель Насер подчеркивал в одной из своих речей в начале 60-х годов: «Вооруженные силы (ОАР.— *Р. С.*) никогда не служили какому-либо особому классу или какой-либо определенной политической партии. Они служат народу, всему народу» [13, 181].

верной Африке» излагает созданную им теорию «нового среднего класса» (НСК).

К «новому среднему классу» М. Халперн относит прежде всего государственных служащих и интеллигенцию. Он объединяет их в особую социальную общность, новый класс. Его важнейшими признаками, по М. Халперну, являются следующие.

Во-первых, накануне захвата власти в государствах Ближнего и Среднего Востока новый средний класс более, чем любой другой, свободен от влияния консервативных сил; он обладает навыками руководства армией и массовыми общественными организациями. Во-вторых, после захвата контроля над аппаратом государства НСК получает несравненно бо́льшую социальную базу власти, чем любой другой класс. В-третьих, в численном отношении новый средний класс наиболее значителен в «современном» секторе общества. В-четвертых, он наиболее сплочен, обладает развитым самосознанием. В-пятых, от его политических, экономических и социальных действий зависит судьба всех других классов. В-шестых, НСК доказал на практике, что он способен создать себе массовую поддержку [76, 59].

«Сегодня новый служилый средний класс захватывает контроль над правительствами на Ближнем Востоке, — пишет автор. — В отличие от традиционной буржуазии он стремится к модернизации общества, всей политики и экономики... Утверждая деловой подход, создавая новые профессии, поднимая покупательную способность, увеличивая сбережения и инвестиции капитала, улучшая транспорт и коммуникации, новый служилый средний класс может преуспеть в деле расширения возможностей для независимой буржуазии...» [77, стр. B — C]. «Независимая» буржуазия в представлении М. Халперна — это местные деловые круги, свободные от непосредственного правительственного контроля.

Особое место в своей концепции М. Халперн отводит армии. Он называет ее «наиболее мощным инструментом НСК», а иногда прямо отождествляет армию с новым средним классом [76, 258]. Каков же основной критерий выделений армии, офицерства, а также всех других социальных групп, входящих в НСК, в новую социологическую категорию, новый класс?

М. Халперн начисто отрицает, как он говорит, «клас-

сическое экономическое деление на классы». По его мнению, в условиях, когда современная экономика только еще должна быть создана, отношения собственности не могут служить единственным критерием в определении классовых отношений [76, 62—63]. «...Отдельные индивидуумы... только тогда составляют класс, — пишет М. Халперн, — если они играют общую роль в процессе социальной эволюции и вынуждены вести совместный бой против другого класса или искать сотрудничества с ним» [34, 1969, № 1, январь, стр. 98].

Другим важнейшим критерием выделения НСК в особый класс является, по М. Халперну, его отношение к «модернизации» [34, 1970, № 1, январь, стр. 27]. К числу людей, принадлежащих к новому среднему классу, он относит не всех государственных служащих, а лишь тех, кто предан «идеям модернизации». Под этим последним понятием американский ученый подразумевает «последовательное разрушение» традиционных связей между индивидуумами и группами, а также создание «новых форм связей» в обществе [34, 1970, № 1, январь, стр. 28—29]. Что собой представляют «новые формы связей», мы увидим в дальнейшем.

Другой ученый, израильский востоковед А. Перлмуттер, рассматривает военных как часть «строго контролируемой структуры — бюрократии». Он считает, что, например, в Египте занятая во всех областях национальной жизни бюрократия создает «политическое общество» путем принуждения. Она наделена широчайшими исполнительными функциями в осуществлении хозяйственных мероприятий. Бюрократия выступает в качестве «политической партии» и военной бюрократии. По мнению А. Перлмуттера, за последней сохраняется роль главной движущей силы египетской революции, роль пропагандиста идей арабизма в арабском мире [34, 1967, т. 10, № 1, стр. 61].

Точка зрения А. Перлмуттера на место военных в социальной организации общества сродни буржуазным концепциям функциональной бюрократии. Последняя рассматривается в них как некая самодовлеющая профессиональная общность. Относя военных к бюрократии, известный американский социолог М. Джановитц считает, что она, «как любая другая бюрократия», имеет собственных политических лидеров. Они не только

занимаются общим администрированием, но и осуществляют связь военных с гражданской элитой и остальной «публикой» [81, 44—45].

Некоторые западные ученые более дифференцированно подходят к анализу социальной организации армии. Если М. Халперн и А. Перлмуттер рассматривают ее в целом, не выделяя в ней отдельные прослойки и группы, то известный западный социолог Э. Шилз основное внимание уделяет офицерству. Он относит офицерский состав к интеллигенции «технократического» толка [94, 23]. По мнению Э. Шилза, ее отделяет от привилегированных классов, а также политической элиты значительная дистанция. Будучи, как правило, скромного происхождения, в условиях, когда возможности получения образования и современной специальности весьма невелики, кандидаты в офицеры видят в военной службе важный канал социальной мобильности. В офицерские школы набираются наиболее одаренные выходцы из провинциальных городов, из сельской местности. За годы обучения они приобретают определенные знания в области технических наук и администрирования. В образовании военных, по словам Э. Шилза, мало элементов «традиционной (гуманитарной) политической культуры», характерной для представителей гражданской буржуазной интеллигенции — адвокатов, журналистов и т. д.

При этом маститый социолог считает, что в странах Азии и Африки в силу слабости и немногочисленности современной интеллигенции «класс офицеров», как он выражается, представляет непропорционально большую ее группу [94, 23].

Значительная часть западных ученых относит офицерский корпус в этих странах к элите (основными признаками элиты являются: высокий социальный статус ее участников, узость круга лиц, входящих в нее, обладание политической властью). Специалист по Египту П. Ватикиотис пишет: «Является ли армия в арабских странах профессиональным классом или группой? Не вдаваясь в социологические различия между (понятиями. — *Р. С.*) „класс“ и „группа“, можно считать, что в арабских государствах армия в социально-экономическом смысле не обязательно является классом, обладающим сходным социальным происхождением и экономи-

ческими интересами. Она может не быть даже профессиональной группой типа офицерского корпуса немецкой, английской или американской регулярных армий. В большей степени офицерский корпус представляет собой наиболее сплоченную *элиту* (курсив мой. — *Р. С.*) молодых энтузиастов, связанных вместе смутными националистическими чаяниями и сочувствием к социальным и экономическим нуждам своих сограждан» [101, 12—13].

Ученый-индонезист Д. Лев также относит офицерство к элите. Он считает, что в годы «направляемой демократии» в Индонезии (1957—1963) происходил процесс интеграции офицерства в «более широкую национальную элиту», под которой подразумеваются группы, стоявшие у власти в тот период [85, 287]. Специалист по Арабскому Востоку С. Фишер считает, что турецкие офицеры, будучи образованными людьми в отсталой стране, «как класс принадлежат к небольшой элите», «образованной элите» [88, 38].

Некоторые буржуазные авторы избегают прямого ответа на вопрос, каково место военных в социальной структуре. Делают они это вполне сознательно полагая, что пока окончательно не определилась классовая ориентация офицерства, армии, им трудно найти место в существующей социальной шкале. Например, известный голландский ориенталист С. Ниувенхойс считает, что различные «образованные категории» («эффенди категориз») — служащие, офицеры, преподаватели и инженеры — будут еще значительное время занимать неопределенное место «в расплывчатой, гибкой и подвижной социальной шкале» [89, 25, 27, 78]. С. Ниувенхойс призывает придерживаться выжидательной позиции в оценке классовых изменений, происходящих в странах Ближнего Востока.

Ряд ученых оперирует в отношении армии и офицерства только такими понятиями, как «класс», «офицерский класс», «военный класс». Однако они по-разному трактуют это понятие. Специалист по Бирме Дж. Гийот называет бирманских военных «новым классом руководителей», сочетающих в одном лице политические и административные функции [66, 354]. Известный авторитет по Арабскому Востоку М. Бергер, который также пользуется термином «военный класс», относит военных

к господствующим группам наряду с национальной буржуазией [68].

Совсем иной смысл носит понятие «класс» у французского исследователя М. Саблие. Он пишет о египетских лидерах, выходцах из военной среды, следующее: «Это — класс, который никоим образом не представляет нормальное египетское общество и который никоим образом не является нормальным египетским явлением». М. Саблие отмечает преходящий характер существования этого «класса» [93, 171].

Диапазон «выжидательных» или неопределенных точек зрения в вопросе о месте военных в социальной структуре весьма широк. Многие специалисты по Арабскому Востоку, Южной и Юго-Восточной Азии вынуждены избегать более или менее точных ответов, прибегать к всевозможного рода противоречивым описательным характеристикам. Примером может служить еще одна попытка, на этот раз индонезийского ученого Суджатмоко, «найти» место военным в социальной структуре. Он пишет об индонезийском офицерстве: «Офицерский корпус армии не связан с каким-то определенным общественным классом, он не защищает специфические классовые интересы, как это имеет место во многих других слаборазвитых странах» [33, 1967, № 3, январь, стр. 280].

Говоря в целом о взглядах названных нами буржуазных ученых, следует отметить, что, хотя они и используют широко принятые на Западе категории буржуазной науки, содержание этих категорий редко бывает четко определено. Общей чертой их воззрений является произвольное оперирование понятием «класс» в характеристике военных, смешение понятий «элита» и «класс», подмена или противопоставление одного другому, как это видно, например, из взглядов сторонников теории элиты С. Фишера и П. Ватикиотиса. Даже такое, казалось бы, устоявшееся в западной социологии понятие, как «элита», в применении к армии и офицерству далеко не всегда дает ответ на вопрос, что же под ней подразумевать: верхушечные группы офицерства, реализующие власть, т. е. высший командный состав, офицерский корпус в целом или всю армию. Чтобы избежать путаницы, П. Ватикиотис был вынужден ввести уточняющий термин «властвующая элита» [101, 90].

Может показаться, что единственным, кто взял на себя смелость отложить в сторону привычные категории буржуазной науки и предложить свой собственный «классовый» подход, был М. Халперн. Однако в действительности сконструированный им «новый средний класс» не является чем-то принципиально новым. Первыми это заметили сами буржуазные ученые. Один из наиболее непримиримых оппонентов М. Халперна, А. Перлмуттер, сравнивает концепцию НСК со сходной теорией, выдвинутой двумя буржуазными социологами, Э. Ледерером и Я. Маршаком, в 1926 г., согласно которой в странах Запада «новая социальная общность»— «нойер миттельштанд» представлена получающими жалованье служащими и наемными рабочими в промышленности [34, 1970, № 1, январь, стр. 18]. Хотя концепция вышеназванных авторов строилась на европейском материале, она, по мнению А. Перлмуттера, как и концепция Халперна, показала свою несостоятельность. «Нойер миттельштанд» оказался не более чем «салатом» из получающих жалованье служащих и рабочих [34, 1970, № 1, январь, стр. 18].

А. Перлмуттер справедливо замечает, что весьма претенциозная концепция М. Халперна не является также оригинальной для развивающихся стран. За пять лет до выхода его книги американский специалист по Латинской Америке Дж. Джонсон выступил со сходной концепцией «средних секторов», которые он определил «как обладающие политическими амбициями средние группы» [82, 7]. Их отличают следующие основные шесть признаков: городское происхождение, образование, стремление к индустриализации своих стран, национализм, симпатии к государственному вмешательству в экономику, активность в работе политических партий [82, 5]. Правда, в отличие от Дж. Джонсона, выступившего с концепцией «средних секторов» как попыткой произвести политический анализ происходящих изменений в странах Латинской Америки, М. Халперн превратил концепцию нового среднего класса почти в теорию, которая якобы должна наметить пути общественного развития Ближнего и Среднего Востока. Он даже противопоставил свое «классовое» учение марксистскому, которое, по его мнению, неприменимо при изучении арабских стран [76, 59—60].

Буржуазные ученые вполне справедливо подметили не только отсутствие оригинальности в теории нового среднего класса М. Халперна, но и неубедительность выдвинутых им критериев выделения НСК в особую социальную общность. А. Перлмуттер указывает на то, что без «экономического критерия» НСК выглядит не более как «мешаниной» из различных социальных и профессиональных групп, в числе которых есть «профессионалы» (врачи, адвокаты, директора), технические специалисты и административные работники (гражданские служащие, руководители бюро), офицеры и т. д. [34, 1970, № 1, январь, стр. 19].

Действительно, в глаза бросается отсутствие объективных критериев выделения НСК в новый класс общества. М. Халперн полностью пренебрег анализом системы общественного производства, отношений собственности, экономических отношений, сосредоточив свое внимание на чисто субъективных моментах (преданность идеям модернизации, способность создать себе массовую поддержку и т. д.), которые по логике автора, собственно, и дают основание выделить НСК в особый общественный класс.

А. Перлмуттер поступает осторожнее. Он не связывает себя понятием «класс». Вместе с тем его «единственная строго контролируемая структура-бюрократия» играет столь большую роль в жизни общества, что ее нельзя рассматривать просто как обычное чиновничество. При этом остается неясно, кто, какие социальные силы ее контролируют. Как и НСК М. Халперна, «бюрократия» А. Перлмуттера по существу оказывается заменителем реальных классов. Если А. Перлмуттер называет НСК «мешаниной» из представителей различных социальных и профессиональных групп, объединяемых названием «новый средний класс», эти же самые группы он сплачивает весьма неопределенным в социальном плане понятием «бюрократия». Создается впечатление, что «бюрократы» и «люди из НСК» — это выходцы ниоткуда, они не имеют своего классового лица, действуют в социальном вакууме, руководят и служат в абстрактном государстве. Логика чисто функционального подхода приводит А. Перлмуттера к выводу о том, что революционные выступления в Египте (в 1952 г.), в Ираке (в 1958 г.) и некоторых других странах якобы

означали лишь выступление «автономных политических организаций» (армии), а офицеры были безразличны к классовым интересам, даже если по происхождению они принадлежали к «сельским или городским средним классам» [34, 1970, № 1, январь, стр. 23—24]. Получается, что революции в этих странах были произведены армией для армии, военной бюрократией для военной бюрократии.

Забвение классовой природы и ориентации офицерства в целом или намеренное стремление затушевать ее видно во взглядах не только сторонников концепций «нового среднего класса», «функциональной бюрократии», «элиты», но и тех авторов, кто дал, казалось бы, вполне определенную характеристику офицерству как военной интеллигенции. Такая постановка вопроса также не позволяет по-настоящему говорить о его классовой природе. Как сторонник теории элиты П. Ватикиотис, так и социолог Э. Шилз по существу упускают из виду самое главное: почему одни офицерские группы, придя к власти, отстаивают незыблемость существующего общественного строя, другие его реформируют, третьи стараются наиболее радикально изменить. Объяснить это явление, полагаясь лишь на расплывчатые категории буржуазной социологии, а также на внеклассовое понятие интеллигенции, невозможно. Требуется более строгий анализ социальной организации армии, чтобы ответить на эти поставленные жизнью вопросы. Не случайно среди буржуазных ученых стихийно рождается стремление более дифференцированно подходить к различным прослойкам в военной среде, выявить их социальное поведение, показать борьбу между ними.

Другим общим моментом в описанных выше взглядах буржуазных ученых является стремление представить военных как особую технократическую бюрократическую прослойку, связанную с идеями «модернизации». Э. Шилз, М. Халперн и другие авторы склонны выделять в качестве главной социальной характеристики военнослужащих их «технократические настроения», обладание навыками руководства, важными современными специальностями. Военная организация рассматривается ими как наиболее передовая в обществе, опутанном традиционными отношениями и пережитками, в то время как социальное происхождение, классовые связи во-

енных остаются у них всегда на заднем плане. Буржуазные ученые как бы обрывают причинно-следственные связи, вызвавшие к жизни политическую активность офицерства афро-азиатских армий, и преподносят читателю «готовых технократов», сторонников «модернизации», так сказать, закономерный результат воспитания в рамках военных институтов.

Буржуазные ученые рассматривают развитие армии в отрыве от основных тенденций классового развития молодых государств, изображают ее как своего рода надклассовую группировку, способную произвести реформы в различных областях без опоры на наиболее заинтересованные в них классы и слои. Поэтому особенную тревогу некоторых буржуазных специалистов вызывает демократическая ориентация ряда военных лидеров, подрывающая, по их мнению, само представление о военнослужащих как «специалистах», «экспертах». В факте централизации всех исполнительных функций в руках военной бюрократии они видят гарантию целенаправленного развития государств в сторону «модернизации», под которой обычно понимается вся совокупность буржуазных реформ, способных покончить с наиболее архаичными, а потому, с точки зрения будущего, нежизненными элементами в социально-экономической структуре молодых государств.

Однако за рассуждениями о «технократии» и «модернизации» скрывается вполне определенный смысл. Буржуазные ученые надеются, что военные поведут свои государства по буржуазному пути, дадут толчок свободному от средневековых пут развитию капитализма в бывших колониях. Правда, мало кто из них говорит об этом открыто. Такое настроение скорее подспудно звучит во взглядах буржуазных авторов.

Более ясно на этот счет высказываются специалисты, сочетающие научные изыскания с практической деятельностью, в том числе в области планирования внешней политики империализма в «третьем мире». Так, весьма ценно звучит признание М. Халперна. Сконструированный им «новый средний класс», по его словам, должен создать в странах Ближнего Востока новый общественный порядок, при котором будут господствовать частные экономические и социальные интересы людей [76, 76—77]. Нетрудно догадаться, что речь идет

о буржуазном обществе. М. Халперн видит в военных как бы новую разновидность буржуазии, которой предстоит утвердить в своих странах «чистые» от средневековых пут капиталистические отношения.

Если законченные концепции буржуазных ученых относительно места армии в социальной структуре навязывают жесткие, субъективистские схемы в изучении общественных процессов в странах Азии и Африки, то «выжидательные» или неопределенные точки зрения (С. Ниувенхойс, М. Саблие) отличаются, на наш взгляд, как это ни парадоксально, большей объективностью. Дело в том, что они рассматривают эту проблему нередко с позиций стихийной диалектики. Эти авторы стремятся черпать свои выводы из конкретного материала, без навязывания фактам жизни надуманных схем, уже изобретенных социологических концепций.

В Советском Союзе изучение современных армий Востока началось сравнительно недавно. Однако уже определились основные точки зрения, схемы и концепции в вопросе о месте офицерства в социальной структуре. Наиболее полно точка зрения по этой проблеме изложена в работах Г. Мирского [57; 28, 1968, № 6].

Г. Мирский рассматривает офицерство как часть национальной интеллигенции и называет его военной интеллигенцией. Однако при этом он видит важную особенность, отличающую военную интеллигенцию от гражданской. «Этот слой интеллигенции, — пишет Г. Мирский, — отличается от прежней романтически-революционной интеллигенции, от трибунов и партийных политиков периода борьбы за независимость. Его характеризует большая степень прагматизма и конформизма; это не столько политические деятели, сколько менеджеры, технократы, функционеры политического аппарата, т. е. новая государственно-политическая бюрократия...» [57, 18].

К категории интеллигенции причисляют офицерство и авторы коллективного труда «Классы и классовая борьба в развивающихся странах». Оно рассматривается ими как часть средних слоев [55, 266; 53].

Авторы коллективной монографии «На новом пути» относят офицерство к числу довольно многочисленного отряда «служилых слоев» [61, 358—359].

Выступая с позиций марксистско-ленинской методо-

логии в анализе новых общественных явлений в молодых государствах, советские ученые за последние годы внесли существенный вклад в изучение политического поведения армии в странах Востока. Было доказано, в частности, и получило всеобщее признание положение об огромной роли общесоциологических факторов в превращении офицерства в активный элемент общественной жизни.

Менее разработан вопрос о мотивах, настроениях, чаяниях военных, их связях с прошлой (по происхождению) и новой социальной средой. Тем самым остается в стороне важнейшая черта бытия армии как общественного организма, объединяющего представителей различных классовых сил. Противоречия в ее рядах иногда рассматриваются как изолированные от общества, не связанные с интересами других классов. При этом чрезмерная абсолютизация самостоятельной роли офицерства в жизни развивающихся стран может привести к такой крайности, как выделение его в «самостоятельный полюс» классового размежевания, воплотившийся в элите. С подобной точкой зрения выступает советский востоковед М. Чешков, который рассматривает элиту не как результат общественной эволюции и этап классообразования, а как некий классообразующий элемент [27, 1970, № 1, стр. 90—91]. Подобный подход по существу оставляет в стороне самое главное — процесс зарождения и последующей эволюции социальных классов.

В то же время упрощенческий характер носит точка зрения, низводящая военных в социальном плане фактически до положения автоматических выразителей интересов правящего класса или социального слоя. Авторы, придерживающиеся ее, обычно противопоставляют самостоятельную роль армии в политической жизни ее несамостоятельности как надстроечной организации, интегральной части государства.

Однако при этом они недостаточно учитывают переходный характер самого государства. В условиях слабости основных классов, продолжающегося процесса классообразования надстроечные институты пока только формируются как организации определенных социальных сил. Эволюция самих классов в условиях многоукладной экономики, процесс размежевания внутри них

создают весьма пестрый социальный фон, который, накладываясь на политическую структуру, дает сложную мозаичную картину всей общественной организации. При этом эволюция политической организации общества происходит далеко не равномерно: отдельные ее звенья уже претерпели прогрессивную трансформацию, другие пока тяготеют к консервативному порядку прошлого. Новое и старое может соседствовать даже в рамках единого института. Отсюда сложность взаимосвязи между различными надстроечными институтами, которая в конечном счете отражает незавершенность в становлении всего общественного организма.

Если применить непосредственно к афро-азиатской действительности обычную для зрелого буржуазного общества схему взаимоотношений: армия — «гражданское» государство, должно было бы оказаться, что армия, офицерство стран, скажем, с монархической формой правления всегда обязательно следуют воле монарха, отождествляют свои интересы с интересами существующего строя. С другой стороны, рассуждая таким образом, можно прийти к выводу о том, что вооруженные силы стран прогрессивной ориентации всегда служат идеалам социального прогресса. Опыт революций, возглавленных военными, так же как и опыт контрреволюции, испирированной армейскими кругами, показывает, насколько осторожно следует подходить к анализу социальной организации армии в рамках существующей политической системы.

Армия и общество

В вышеописанных концепциях и взглядах буржуазных авторов присутствует одна характерная черта: армия, офицерство, военнослужащие рассматриваются как некая автономная общность, стоящая вне существующего классового окружения. Подход этих авторов наиболее четко сформулирован в следующем высказывании израильского востоковеда Э. Беери: «Офицерский класс — это прежде всего ограниченная и закрытая профессиональная и социальная группа, относительно изолированная от остального общества... Современный профессиональный офицерский класс является спаян-

ной массой с независимым, хорошо развитым и глубоко привитым групповым сознанием, сформировавшимся как в силу приверженности своему образу мыслей и шкале ценностей, так и в силу верности своей специальной форме, уставу, судебной системе. Огромное психологическое давление группового сознания ведет к ассимиляции. Нося военную форму, офицер подчеркивает принадлежность коллективу, который отделен от других частей общества, он демонстрирует собственное желание быть похожим на своих коллег и солидаризироваться с ними не только во внешнем облике, но и в образе жизни и умонастроении» [67, 294].

Подобный подход коренным образом противоречит марксизму. Классикам марксизма принадлежит открытие подлинно научного классового диалектического подхода к важнейшим элементам политической организации (политической системы) всякого общества: государству, партиям, всем прочим организациям и учреждениям, составляющим институционную часть надстройки. Такой подход в полной мере распространяется и на армию. Глубокий знаток военного дела Ф. Энгельс рассматривал историческую эволюцию вооруженных сил, их организации как процесс, глубоко связанный с крупнейшими общественными изменениями, сменой способов производства, нарождением новых классов. Он проследил, как параллельно смене общественно-экономических формаций, возникновению новых производительных сил происходил постепенный переход от феодальной армии к буржуазной. В процессе изменения военной организации, под воздействием менявшихся социальных условий феодальная армия с ее «закованной в броню кавалерией» изжила себя. Ее вытеснили современные рода войск — пехота и артиллерия, возникла новая форма массовой армии [4, 171 — 172, 175 — 176].

В письме Ф. Энгельсу от 25 сентября 1857 г. К. Маркс писал: «...История *армии* всего нагляднее подтверждает правильность нашего воззрения на связь производительных сил и общественных отношений... *В истории армии с поразительной ясностью резюмируется вся история гражданского общества*» (курсив мой. — *Р. С.*) [2, 154].

В приведенном выше высказывании К. Маркса предельно коротко сформулировано существо диалектичес-

кого подхода к проблеме взаимосвязи армии и общества. От общества к армии, а не наоборот — так классики марксизма определили направление всякого научного поиска в этой области. Только таким путем можно обнаружить, какова классовая природа вооруженных сил. Поэтому очень важным в их изучении является сопоставление социальной организации армии с социальной организацией общества, насколько точно первая отражает основные черты второй. Об огромном значении этого момента свидетельствует доказанное Ф. Энгельсом положение, согласно которому армия представляет собой как бы слепок того общественного строя, при котором она складывается и развивается.

На классовый характер процесса строительства и организации вооруженных сил всегда указывал В. И. Ленин. Он специально подчеркивал, что в основе всякого государственного строительства лежат «классовые соотношения» [6, 77]. Именно они определяют социальное лицо армии в каждую историческую эпоху, от них зависит классовая ориентация офицерства.

Развивая ленинское учение о войне, армии и военной науке, выдающийся деятель Коммунистической партии и Советского государства М. В. Фрунзе писал о советском опыте строительства вооруженных сил: «Красная Армия в отношении политико-морального состояния является точным сколком, точным слепком с нашей рабоче-крестьянской страны» [7, 319]. Понятия «сколок», «слепок» здесь доподлинно передают характер взаимосвязи между советским обществом и вышедшей из него армией первого социалистического государства, в которой нашел воплощение союз рабочих и крестьян, основа социальной организации нового социалистического общества. Однако следует иметь в виду, что понятия «сколок» и «слепок» употреблены в высказывании М. В. Фрунзе по отношению к «рабоче-крестьянской» стране, а не стране вообще, в которой в тот период наряду с трудящимися существовали и эксплуататорские классы. То есть речь идет о рабоче-крестьянской власти, которая создавала вооруженные силы Советской России по образу и подобию рождающегося социалистического общества.

Каковы же характер и степень взаимосвязи между обществом, его социальной организацией, с одной сто-

роны, и национальными вооруженными силами — с другой, в странах послевоенного Востока? Ответ на этот вопрос представляется весьма важным, ибо от него зависит в конечном итоге верная оценка сложного, противоречивого политического поведения военных. В интересах анализа целесообразно рассмотреть проблему взаимосвязи армии и общества на примере армий двух типов: армии первого типа — это армии, возникавшие одновременно с рождением национальной власти в период освободительных войн; армии второго типа — создававшиеся сверху колонизаторами, а впоследствии «унаследованные» послеколониальными режимами.

К числу армий первого типа относятся, в частности, вооруженные силы Алжира, Бирмы, Индонезии. Их глубокая взаимосвязь с обществом в годы антиколониальной борьбы четко прослеживается как на примере отдельного военного подразделения, так и в масштабе всего военного института.

Рассмотрим несколько подробнее эту взаимосвязь на примере Индонезии. Индонезийский ученый С. Селусумарджан указывает на то, что в индонезийской роте, в период формирования армии Индонезии насчитывавшей от 40 до 120 человек, были объединены бойцы, имевшие весьма слабую военную подготовку, некоторые не имели ее совсем. В роте не действовал военный устав, отсутствовало всякое понятие о военной тайне. О «секретах» боевых операций знали все военнослужащие. Исходившие из официальных инстанций приказы обычно подвергались обсуждению и критике солдат и не выполнялись, если они противоречили намерениям ротных командиров. Рота не имела своих денежных средств, а продовольствие бойцы получали от местных властей в деревнях. Обеспечение роты оружием также осуществлялось самими бойцами за счет трофеев, захваченных у японцев, так как централизованного снабжения армии оружием в то время не существовало [98, 428—429].

Хотя формально рота считалась частью общенационального военного института, в реальной жизни она не была связана с ним глубокими структурными связями единой армейской организации. Она скорее напоминала общественное объединение или организацию, в которой господствовал характер связей и отношений, существо-

вавших в местном обществе. Солдаты знали близко друг друга, ибо все они в прошлом были жителями одной деревни или общины, участниками одной религиозной организации или учебного заведения. В роте был воспроизведен тот характер взаимоотношений, который имел место между ее участниками до вступления в армию.

В этой связи весьма показательно отношение рядовых солдат к командиру роты. В первую очередь они видели в нем лидера, имевшего «природный дар руководства», а не военачальника, обладавшего необходимыми профессиональными качествами [98, 428]. Во главе роты мог стоять не военный, а признанный религиозный или политический авторитет в районе, глава местной гражданской службы и т. д. Огромную роль играли персональные качества командира роты, его личные связи с солдатами, взаимоотношения с ними. Рядовые во многих отношениях зависели от командира подразделения, от его хозяйственной активности и умения удовлетворить потребности подчиненных во всем необходимом, начиная с продовольствия, обмундирования и кончая оружием.

Участники роты считали себя членами «большой семьи», а ее командира «отцом», который заботится о своих «детях» [98, 429]. Даже главнокомандующий индонезийской армией генерал Судирман, обращаясь к солдатам, называл их «детьми», а себя «отцом».

Влияние патернализма или бапакизма, как его называют в Индонезии, было чрезвычайно велико в молодой армии. Оно пронизывало ее снизу доверху. В условиях, когда многие подразделения слабо контролировались центральным командованием, силы традиционной консервативной организации индонезийского общества оказывались сильнее связей современной военной организации. В последней оказались воспроизведены даже патриархальные, ведущие свое происхождение от времен феодализма связи. Претерпев известные изменения, они продолжали существовать в новом обличье, чисто внешне приукрашенные военными нормами. Нередко это были традиционные отношения между яванской аристократией и индонезийским крестьянством, мусульманским торговцем или предпринимателем и представителем городской мелкой буржуазии.

Тесные взаимоотношения между гражданским обществом и выраставшей из него армией Индонезии предопределили в ряде случаев значительную зависимость воинских подразделений, частей, а иногда и соединений (от батальонов до дивизий) от политических партий. В первую очередь это касалось тех из них, которые возникли как добровольческие отряды из населения. Практически каждая крупная политическая партия имела свою так называемую «партийную армию», и многие военнослужащие продолжали поддерживать связь с партиями и организациями, в которых они состояли до вступления в армию.

В бирманской армии в период революции, как и в Индонезии, многие офицеры накануне вступления в ряды вооруженных сил принадлежали или имели контакты с теми или иными политическими организациями. Бирманский деятель Маунг Маунг пишет о существовании в вооруженных силах в те годы весьма влиятельной группировки, которая по своим убеждениям была близка к социалистам [87, 165—166], другие офицеры симпатизировали коммунистам. Ожесточенная политическая борьба не могла не накладывать отпечаток на армию, учитывая ее глубокую связь с национально-освободительным движением. Многие политические лидеры находили в военных весьма активных последователей. Офицеры не скрывали своих политических связей и охотно помогали различным политическим организациям [87, 165—166].

В первые послевоенные годы в Бирме отдельные офицерские группы имели тесную связь с политическими организациями национальных меньшинств. Под давлением англичан в состав армии были включены четыре батальона из каренов, служивших до второй мировой войны в качестве полицейских сил колонизаторов. Это вело по существу к сохранению насаждавшегося англичанами национально-этнического принципа комплектования армии. Всякое осложнение во взаимоотношениях между народами Бирмы не могло не сказаться на национальных группах офицерства и рядового состава. Так и случилось впоследствии, когда военнослужащие-карены присоединились к мятежу каренского меньшинства против центрального правительства в Рангуне.

Связь армии с обществом, ее зависимость от населе-

ния, от локальных условий была особенно велика в обстановке освободительных войн, чаще всего протекавших как мощные партизанские движения. Различные соединения вооруженных сил оказывались настолько рассредоточены, а иногда распылены, что фактически в районах боевых операций действовали как бы мелкие «армии» единой общенациональной армии.

Обособление крупных военных соединений на определенных территориях при отсутствии сильной центральной власти ставило подразделения вооруженных сил в огромную зависимость от всей совокупности экономических, социальных, политических и прочих условий какого-либо географического района. Связь армии с обществом нашла свое воплощение в усилении контактов командования вооруженных сил с местными деятелями, в рекрутировании подавляющего большинства военнослужащих из местного населения, наконец, в самообеспечении многих потребностей вооруженных сил за счет населения районов, в которых действовали боевые подразделения. Например, отсутствие централизованной системы снабжения в армии Индонезии в годы революции сделало самообеспечение важной формой связи между подразделениями вооруженных сил, с одной стороны, и обществом — с другой. Значительную часть потребностей военных в продовольствии и амуниции удовлетворяли местные органы власти — индонезийские национальные комитеты [20, 169]. Для этого использовались обычно «фонды независимости», сделанные в большинстве областей из пожертвований и денежных сборов с населения. Самообеспечение имело распространение в годы вооруженной борьбы также в Бирме и Алжире.

Только еще возникавшее национальное государство не могло полностью направлять и контролировать процесс строительства вооруженных сил, определять в них необходимые классовые соотношения. Тем более в условиях существования в ряде стран многопартийных систем ни одна из партий обычно не осуществляла полного контроля над аппаратом власти. В лучшем случае она могла делить его с другими партиями. Поэтому крайне неудачными были попытки различных политических сил поставить под контроль процесс образования армий первого типа.

Многообразие форм воздействия гражданского общества на армию в период ее становления в качестве профессиональной регулярной армии не исчерпывается перечисленными выше. Весьма сложно охватить всю специфику воздействия классовых, национальных и прочих отношений на рождающийся военный институт. Однако, как показывает опыт ряда армий, в их истории существовал период, когда они были весьма «приближены» к обществу, из которого возникали. Военнослужащие продолжали сохранять тесные связи с ним. Политические противоречия в рядах вооруженных сил во многом повторяли противоречия гражданского обществе. Наконец, факт господства в них традиционных патриархальных отношений позволяет говорить о том, что армия была в определенном смысле сколком общества.

Иной характер носили связи между армией и обществом в тех странах Востока, в которых национальные вооруженные силы создавались из местных колониальных формирований. Они возникли как часть глубоко чуждого и антагонистичного обществу государственного аппарата, находившегося на службе буржуазно-помещичьих сил, которым колонизаторы передали власть после своего ухода. Правящие круги стремились изолировать армию от общественных влияний путем назначения на командные посты профессиональных военных колониальной выучки и представителей имущих классов. В этом отношении весьма показателен опыт развития в первые годы после независимости вооруженных сил Пакистана, Сирии, Судана и других афро-азиатских армий, которых мы относим к армиям второго типа.

В ряде арабских государств посты офицеров-европейцев после ухода колонизаторов заняли офицеры и унтер-офицеры колониальных войск. Им принадлежали основные штабные, войсковые и прочие должности, руководство вооруженными силами в целом. Так, в сирийской армии на протяжении пяти лет после провозглашения независимости на главных постах находились выходцы из офицерского корпуса созданных французами Специальных войск Леванта. В армии независимого Судана большинство старших офицеров в прошлом прошли подготовку в Англии, служили в колониальных Суданских оборонительных силах и имели опыт веде-

ния боевых действий на стороне Англии во второй мировой войне.

О социальном составе и облике офицерства армий второго типа дает представление характеристика американским специалистом Дж. Зартманом первого офицерского набора в Королевскую марокканскую армию. Он пишет: «Офицеры были элитной группой — аристократами... часто сыновьями купцов или пашей и племенных вождей...» [103, 75].

Специалист по Арабскому Востоку Г. Торри дает сходную характеристику социального состава старшего офицерства сирийской армии. В ее руководстве были представлены выходцы из высших слоев местного общества, многими нитями связанные с так называемыми «пятьюдесятью семействами» (Атаси, Мардам, Низам ад Дин и др.), т. е. семьями крупной буржуазии и помещиков, посылавшими своих представителей в парламент и армию [88, 54—55].

Весьма сходна с историей происхождения первого поколения офицеров арабских армий социальная биография высшего и старшего офицерства Пакистана. Вышедшее из колониальной армии Британской Индии, оно было связано узами родства с «консервативными помещичьими семьями» западной части страны, а образование получало в английском военном училище в Сандхёрсте. Офицеры были воспитаны в английском духе верности «идеалам западной демократии» и «демократическим институтам» [75, 197, 208].

Можно говорить о глубокой генетической взаимосвязи гражданских и военных привилегированных групп в ряде афро-азиатских государств. Их объединяют родственное социальное происхождение, положение в бывшей административной иерархии колониальных времен, принадлежность к правящим кругам, в составе которых они оказались после ухода колонизаторов. При всей специфике формирования национального офицерства афроазиатских армий второго типа в их судьбе в послеколониальном обществе также немало общего. Поколение выходцев из привилегированных классов оказалось наследником выросшей из колониального режима государственности, командной силой новых армий. Принимая во внимание тот факт, что рядовой состав вооруженных сил повсюду был представлен самым отсталым и уг-

нетенным классом восточного общества — крестьянством, здесь также можно говорить об армии как сколке социальной иерархии гражданского общества.

Однако отражение социальной организации гражданского общества в социальной организации армии (как первого, так и второго типа) не оставалось статичным. С созданием национальных государств возникли гораздо большие, чем прежде, возможности для роста новых социальных классов, их вовлечения в государственную жизнь. Несмотря на дальнейшую профессионализацию революционных и колониальных по происхождению армий, несмотря на превращение их в часть государственного аппарата (там, где они таковыми не были), армии становились как бы зеркалом социальных изменений, эволюции отдельных классов и групп. Сирийский ученый, специалист по Среднему Востоку Г. Хаддад пишет об офицерстве пакистанской армии: «Средние чины вышли из буржуазных кругов, имели университетское образование и интересовались политикой... После второй мировой войны состав и характер офицерского корпуса претерпели изменения и начали отражать изменения в позициях социальных классов... Новые офицеры, представлявшие более широкий сектор общества, принесли с собой (в армию. — *Р. С.*) ценности и концепции классов, из которых они вышли. Они хотели реформ, а теперь, осуществляя контроль над батальонами, они могли определять идеалы солдат, в то время как выходцы из старых семей, хотя и находились на самом верху, имели малый контроль над батальонами...» [75, 197].

Хотя масштаб социальных изменений в среде пакистанского офицерства в течение первого десятилетия существования страны явно преувеличен, нарисованная Г. Хаддадом картина в какой-то степени отражает общую их направленность, выразившуюся в росте чисто буржуазных элементов в армии, давление которых на командование сыграло не последнюю роль в осуществлении переворота 1958 г. в Пакистане.

Другим примером может служить история социальной эволюции сирийского офицерства. Для него было характерным отсутствие выходцев из привилегированных верхов в средних и низших звеньях офицерского корпуса. Это объяснялось тем, что представители бур-

жуазно-помещичьей олигархии считали, что служба в армии после завоевания независимости не может дать необходимое положение и престиж их детям, в то время как мелкобуржуазные слои видели в ней важный канал социального продвижения, «работу», которая давала профессию и знания. Исследование социального происхождения ряда видных молодых сирийских офицеров показало, что они вышли не из двух крупнейших городов страны — Дамаска и Алеппо, а из провинциальных семей среднего и невысокого достатка [88, 55]. Многие кадеты военной академии в Хомсе были выходцами из семей мелких землевладельцев, торговцев, ремесленников. Г. Торри указывает на то, что эти люди имели мало общего с «традиционными правителями нации». Им были свойственны «панарабистские и социалистические» идеалы [88, 54—55].

Существование в рамках одного института различных по своей классовой природе офицерских групп не могло не оказать глубокого воздействия на всю внутреннюю жизнь вооруженных сил. Во многих афро-азиатских армиях годами шла ожесточенная борьба в офицерских кругах, выходившая за рамки собственно армии и оказывавшая огромное воздействие на жизнь самих стран. В целом она отражала процесс классового размежевания, протекавший в масштабе всего послеколониального общества. Принимавшее иногда весьма своеобразные формы противоборство между офицерами различных политических направлений происходило параллельно общенациональному противоборству политических сил. Оно могло иногда отставать от этого магистрального процесса, иногда опережать его. Однако почти всегда состояние взаимоотношений между различными группами офицерского корпуса во многом повторяло с большей или меньшей точностью основные социальные и национальные конфликты, будоражившие общество.

В этом отношении показателен пример суданской армии. Со времени провозглашения независимости в ней возник конфликт между двумя группировками офицерства — «стариками» и «молодыми». Старшее поколение военнослужащих, воспитанное в колониальных войсках под руководством англичан, олицетворяло буржуазно-бюрократическую прослойку, в прошлом служившую

колонизаторам. Оно было связано с буржуазно-помещичьими партиями и феодально-племенной верхушкой, поддерживало контакт с правыми лидерами, прислушивалось к их советам [52, 57—58]. По существу высшее офицерство Судана было частью правящей группировки, которой англичане передали власть после своего ухода.

В ином положении находилось младшее офицерство суданской армии, пришедшее в ее ряды накануне провозглашения независимости. Вышедшее из среды мелкой буржуазии, разночинной интеллигенции, оно выражало чаяния угнетенных слоев населения.

Более десятилетия противоречия в вооруженных силах Судана были загнаны вглубь, и старшему офицерству удавалось сохранять свою власть над армией. Однако в первой половине 60-х годов общественный конфликт в Судане настолько глубоко проник в армию, что она фактически вышла из-под контроля военной верхушки. В результате выступления широких масс, активно поддержанного молодым офицерством, в конце 1964 г. режим генерала Аббуда был свергнут.

Судан является далеко не единственным примером страны, в армии которой конфликт между двумя поколениями офицеров отражал протекавшие в обществе процессы классовой борьбы. В 60-е годы в Турции молодые офицеры неоднократно пытались бросить вызов своим старшим сослуживцам. По их мнению, переворот 1960 г., совершенный под руководством офицеров старшего поколения, привел к власти малоэффективный буржуазный парламентский режим. Попытки переворотов 1962 и 1963 гг. в Турции свидетельствовали о намерении молодых офицеров, выходцев из среды сельской и городской мелкой буржуазии, осуществить назревшие социальные реформы в «революционном темпе» [75, 228]. При всей аморфности и расплывчатости требований молодых офицеров, их политической неустойчивости и незрелости эти попытки содержали в себе элемент стихийной антибуржуазности, отрицания существующих буржуазных институтов [53, 130].

Насколько велика сила общественных влияний на профессиональную армию, свидетельствует пример египетской революции 1952 г. История вызревания этого революционного взрыва показывает, какими глубокими

социальными причинами он был вызван, как формировались настроения представителей патриотического офицерства, как из своего опыта общения с различными классовыми силами они вырабатывали собственную линию поведения.

Недовольство офицерства существующей системой было обусловлено угнетенным положением представителей того непривилегированного «среднего слоя», из которого выросли участники организации «Свободные офицеры». Однако в силу его крайней неоднородности и неустойчивости, даже совершив революцию, представители этого слоя египетского офицерства не могли выйти за рамки своей социальной среды, они несли в себе ее противоречия. Как оказалось впоследствии, главный орган новой власти — Совет руководства революции — был далеко не свободен от влияний различных общественных сил: «братьев-мусульман», либерально-буржуазных элементов и пр. [93, 124]. Эти влияния обнаружились с особенной силой в период выработки социальной и политической стратегии нового египетского руководства. Сами египетские лидеры видели в объединении контрреволюционной оппозиции с близкими ей по духу и идеологии фракциями внутри офицерства главную угрозу завоеваниям революции.

Насколько подчас неожиданной может быть форма противоборства различных классовых группировок в вооруженных силах, показывает опыт становления и развития индонезийской армии.

Со времени революции в армии Индонезии возникло соперничество двух группировок офицерства: так называемых сторонников «боевого духа» и «профессионалов» [59, 55—56]. Свои названия они получили сразу после августовской революции 1945 г., когда перед государством встал вопрос, каковы должны быть принципы организации национального войска. Сторонники «боевого духа» (в основном воспитанники кратковременных офицерских курсов, созданных японцами в период оккупации) считали, что главное в профессии военного — это обладание неким «духом всеобщего сопротивления и борьбы», он является залогом успеха на поле боя и может принести победу независимо от уровня военного образования и профессиональной подготовки. Выражавшие чаяния широких мелкобуржуазных масс, эти ради-

кально настроенные офицеры с подозрением относились к бывшим воспитанникам колониальной голландской армии, считавшим, что в основу строительства армии в первую очередь должен быть положен профессионализм. Старшие представители этой немногочисленной части офицерства видели в стоящей вне политики, строго подчиненной правительству армии модель строительства вооруженных сил республики. «Профессионалы» пользовались поддержкой первых индонезийских правительств, ибо именно эта группировка офицерства являлась проводником государственной политики в армии.

История борьбы «профессионалов» и сторонников «боевого духа» охватывает период более десятилетия. По мере изменения расстановки классовых сил в обществе происходили изменения в требованиях и программах этих основных офицерских группировок.

Таким образом, опыт формирования и развития значительного большинства армий афро-азиатских государств показывает, что они отражают противоречия местного общества, расстановку сил в нем, характер его социальной и национальной организации. И хотя в ряде случаев отражение общественных процессов в военном институте весьма своеобразно, это не может изменить главного: армия всегда продукт общества, всегда производное социальной структуры. Так, анализируя социальный состав камбоджийского офицерства, французский военный специалист М. Лоран пришел к выводу о том, что армия Камбоджи является точным отображением социальной структуры местного общества. В качестве доказательства он приводит выборочное исследование по составу офицерского корпуса сухопутной армии, военно-морского флота и военно-воздушных сил на октябрь 1963 г. [83, 122—123]:

Офицеры сухопутной армии

Группа	%
Высшие чиновники	2
Представители либеральных профессий	3
Военнослужащие	11
Торговцы	15
Служащие	16
Земледельцы[2]	53

[2] По-видимому, в данную категорию М. Лоран включает и помещиков.

Офицеры ВМФ и ВВС

Группа	%
Королевская фамилия	3,5
Представители либеральных профессий	4
Военнослужащие	6
Торговцы-предприниматели	15,5
Высшие чиновники	17,1
Земледельцы	23,6
Служащие	30

Приведенные выше данные показывают, что в офицерском корпусе камбоджийской армии представлены важнейшие классы, социальные и профессиональные группы и прослойки населения. При этом наличие в составе офицерства сухопутных сил и ВВС—ВМС соответственно 47 и 76% выходцев из непроизводственной сферы весьма характерно для камбоджийской армии, которая является частью буржуазно-бюрократической системы страны, лежащей своей тяжестью на плечах трудящихся классов.

Однако важная черта профессиональных кадров армий стран современного Востока состоит в том, что они представляют собой не простое воспроизведение социальной структуры общества, сколок общества. Армия — это государственная организация, а солдат является военным чиновником. Эта посылка распространяется на современные регулярные армии стран Востока независимо от их прошлого происхождения. С переходом на государственную военную службу сын крестьянина, интеллигента или буржуа начинает выполнять волю тех классовых сил, которые стоят у власти. Однако служить не всегда означает принадлежать. В рамках военного института положение военнослужащего воспроизводит характер господствующих в обществе социальных отношений. Так, в развивающемся по буржуазному пути государстве армия, как и все другие надстроечные институты, также несет в себе элемент общественного неравенства, хотя оно и закамуфлировано военной дисциплиной, армейской организацией. Поэтому классовая принадлежность военнослужащих (по происхождению) с учетом их действительного социального положения в армии и обществе сохраняет силу как долговременный критерий в определении социально-политиче-

ской ориентации той или иной группы военных. Хотя кажется совершенно противоестественным расчленять столь единую организацию, как регулярная армия, на группы, тем не менее только таким путем можно определить, интересы каких классов и слоев выражают те или иные офицерские фракции и группировки, участвующие во внутриполитической борьбе. Основой всякого научного анализа армии остается классовый подход. Как никогда актуально звучат слова В. И. Ленина, сказанные им более полувека тому назад: «Классовое деление является, конечно, самым глубоким основанием политической группировки; оно *в последнем счете* всегда определяет, конечно, эту группировку. Но это глубокое основание вскрывается лишь по мере хода исторического развития и по мере сознательности участников и творцов этого развития. Этот „последний счет" подводится лишь политической борьбой, — иногда результатом долгой, упорной, годами и десятилетиями измеряемой борьбы, то проявляющейся бурно в разных политических кризисах, то замирающей и как бы останавливающейся на время» [5, 344].

ГЛАВА II

ПУТЬ В ПОЛИТИКУ

Социальный генезис разных типов армий

Анализ политической активности армий требует их определенной квалификации. В зависимости от характера исследования в ее основу могут быть положены различные принципы — политический, военного строительства и т. д. Целям настоящей работы наиболее удовлетворяет использованный в предшествующей главе принцип исторического генезиса, ибо вовлечение армии в политическую жизнь рассматривается в ней во времени, как более или менее длительный процесс, протекавший в двух типах армий: возникших в годы национально-освободительных войн и выросших из военных формирований колониальных и полуколониальных государств. Кроме того, данная классификация позволяет выделить существенные различия в возникновении и характере социальной природы вышеназванных типов армий.

Образование офицерского корпуса армий первого типа происходило путем объединения в нем самых различных элементов: участников стихийно возникавших партизанских отрядов, офицеров и сержантов бывших колониальных формирований, вступивших в национальные вооруженные силы под влиянием революционного подъема. Только еще зарождавшееся и слабое государство фактически не осуществляло значительного контроля в классовом отборе будущих военных кадров, что делало социальный состав армии весьма пестрым и разномастным.

Для бирманской и индонезийской армий было характерным участие в них значительных группировок офицерства, которые приобщались к военной профессии в период японской оккупации под руководством японских инструкторов. В массе это были мелкобуржуазные националисты — выходцы из среды мелких и средних служащих и торговцев, крестьян, ремесленников, разночинной интеллигенции. Попытку японских властей поставить национализм на службу «новому порядку» они использовали для приобщения к современной профессии военного, чтобы в дальнейшем поставить свои знания и умение на службу родине. Хотя сознание необходимости борьбы против японского империализма пришло не сразу, его выразителями впоследствии стали молодые офицеры из местного населения, набранные под контролем оккупантов в военные формирования. В этом отношении показателен опыт предшественницы современной бирманской армии — Армии независимости Бирмы (АНБ). Созданная с помощью японцев в начале 1942 г., она вступила в Бирму как армия-освободительница, покончившая с британским господством. По мере ее продвижения по территории страны в нее вступали крестьяне, составившие примерно половину ее членов, а также студенты, рабочие, служащие, бывшие монахи и т. д. [99, 54—55; 87, 113—114]. Ядро офицерского корпуса АНБ составляли так называемые «тридцать товарищей» — бирманские патриоты во главе с национальным героем Аун Саном. Среди офицерства преобладали относительно образованные элементы, в частности выходцы из среды учащихся.

Во взаимоотношениях между офицерским и рядовым составом АНБ царил демократический дух, который олицетворял ее мелкобуржуазную популистскую природу. В характере деятельности АНБ в те годы прослеживается явная тенденция к превращению ее во вполне самостоятельную силу национально-освободительного движения, что явилось впоследствии причиной резкого сокращения численности армии по приказу японских властей.

Однако эти мероприятия японцев в отношении АНБ не привели к расформированию ее офицерского корпуса. Его костяк сохранился в целости, что позволило впоследствии офицерам-патриотам повести подчиняв-

шиеся японцам бирманские войска на бой с колонизаторами.

В послевоенный период вооруженные силы Бирмы претерпели серьезные изменения как под нажимом англичан, так и в результате политики буржуазных правительств в отношении армии. Но и по сегодняшний день бывшие ветераны АНБ продолжают службу на высших постах в военной иерархии. После прихода к власти в 1962 г. прогрессивного режима под руководством генерала Не Вина практически все ключевые посты в государстве оказались в руках бывших участников Армии независимости Бирмы [99, 61].

Известная аналогия существует между историей происхождения армии Бирмы и армии Индонезии. Последняя также вышла из созданных японцами индонезийских военных формирований. Крупнейшим из них была так называемая «Армия защитников отечества» («Пембела Танах Аир») или, сокращенно, ПЕТА. Ее офицерский состав в основном укомплектовывался представителями тех же самых социальных слоев, что и АНБ. Однако в отличие от последней в офицерском и сержантском составе ПЕТА значительно шире были представлены выходцы из семей местной колониальной бюрократии и мусульманской буржуазии. Правда, сформированная впоследствии национальная армия Индонезии имела гораздо более пестрый состав. В нее входили бывшие кадры ПЕТА, голландской колониальной армии и молодежные части. В течение ряда лет после завоевания независимости индонезийское офицерство демонстрировало весьма радикальные, а временами антибуржуазные взгляды. Революционное происхождение армии сказывалось на настроениях значительной части военнослужащих.

Крестьянской по происхождению была алжирская армия, возникшая в ходе национально-освободительной борьбы против господства французских колонизаторов. Выходцы из крестьянской среды составляют в ней около 80—90% всего личного состава [64, 44; 31, 1965, № 11]. Офицерский корпус этой армии также в течение значительного времени формировался за счет выходцев из деревни. Однако в нем есть и выходцы из среды городской мелкой буржуазии, рабочего класса и разночинной интеллигенции [74, 125]. В его составе немало также

выходцев из французских колониальных формирований, в которых они обычно занимали должности сержантов или были рядовыми. Многие из них прошли школу борьбы в рядах националистических организаций, а затем в силах сопротивления в годы освободительной войны.

История формирования бирманской, индонезийской и алжирской армий показывает, что их социальное лицо и политическое поведение в годы революции в основном определяла широкая прослойка представителей различных групп мелкой буржуазии.

Иная социальная природа была у армий второго типа. Будучи порождением колонизаторской или полуколониальной, зависимой от империализма власти, они и после независимости сохраняли многие черты бывших колониальных армий. Принципом формирования их офицерского корпуса была ориентация на местные привилегированные классы, голый профессионализм и вольнонаемный характер набора.

Со времени своего возникновения большинство армий второго типа строго придерживалось принципа профессионализма армии, ее аполитичности, «слепого орудия» в руках гражданского правительства. Эту «идеологию» профессионализма высший и старший офицерский состав перенял от своих учителей — англичан и французов. Как известно, немало военнослужащих из местного населения прошли школу подготовки в колониальных войсках, другие учились в военных училищах и академиях метрополий — в Сандхёрсте, Сен-Сире. Недостаток в офицерских кадрах в первые годы существования национальных армий заставлял местные правительства частично использовать на командных должностях офицеров армий бывших стран-метрополий. Так, после возникновения вооруженных сил Пакистана в офицерском корпусе пакистанской армии из 2500 человек 355 были английские офицеры, причем их численность имела тенденцию к дальнейшему увеличению [11, 223—224].

Иностранные офицерские кадры, фактически выполнявшие функции «наставников», всеми путями насаждали в армиях этого типа дух кастовости и голого профессионализма, являясь тем самым крупнейшим препятствием в деле демократизации армий, вышедших из колониальных формирований.

Сохранению колониальной военной этики способствовали мало изменившиеся со времен чужеземного господства принципы набора в армию: в нее набирались представители какой-то одной или двух национальностей, славившиеся своим «боевым духом» и переходящей из поколения в поколение склонностью к военной профессии. В условиях колониальных режимов в странах Азии и Африки такая политика имела вполне конкретный смысл и была направлена на противопоставление одних народов другим в рамках одной страны. Однако с возникновением национальных военных институтов в молодых государствах прежние принципы комплектования армии стали крупнейшим препятствием в деле ее превращения в общенациональную организацию. Вместо равномерного и пропорционального представительства в военных соединениях люди одной национальности оказывались на всех руководящих постах, составляли костяк офицерского корпуса. Например, в Пакистане подавляющее большинство офицеров составляли выходцы из западной части страны. Если население этих районов насчитывало менее 50% жителей всего Пакистана, то в вооруженных силах их доля составляла даже в 60-е годы около 90% [93, 305]. Предпочтение при наборе в армию по-прежнему отдавалось народам, традиционно поставлявшим рекрутов на военную службу. В первую очередь — это выходцы из семей средних помещиков Пенджаба и Северо-Западной провинции. В официальных пакистанских публикациях говорилось: «В Западном Пакистане есть районы, где многие поколения знают лишь две заслуживающие внимания профессии: солдата и фермера. Даже теперь предпочтение отдается солдатской службе. Некоторые вступают в армию, чтобы соблюсти семейную традицию. Для других она символ статуса. Многие стремятся попасть в солдаты только ради того, чтобы считаться уважаемыми жителями в своем районе. Немного лет назад в некоторых семьях в бывших провинциях Пенджаб и Северо-Западная провинция социальный статус молодого человека измерялся репутацией его полка» [23].

Другая характерная черта армий второго типа заключается в том, что они по-прежнему комплектуются как наемные армии. В этом они отличаются от революционных армий, возникших в ходе вооруженной нацио-

нально-освободительной борьбы. Колонизаторы проводили политику строгого отбора, фильтрации будущих военных кадров, рассматривая набранную из местных народов армию как «преторианскую гвардию» на страже своих интересов.

Но объективно подход к военной службе как к «работе» привлекал в армию и тех, кто в условиях весьма скудного спроса на профессиональную силу не мог найти применения своим способностям и талантам. Кроме того, для молодых азиатов и африканцев из не очень состоятельных семей офицерский колледж давал возможность получить бесплатное образование. Многие молодые люди, изверившись в возможности найти приемлемую работу или получить квалификацию, шли в армию. В конечном счете именно это и предопределило наличие в составе среднего и младшего офицерства армий арабских стран значительной группы выходцев из провинциальной мелкобуржуазной среды [81, 57—58]. Пробуждение националистических чаяний и чувств началось у них позднее, уже после того, как они несколько лет отдали военной службе. Их отход от профессионально-кастовой этики «имперского военного уклада» происходил под влиянием революционного подъема в послевоенный период [1].

Различия в происхождении революционных и бывших колониальных армий сказались и на политическом

[1] История становления армий ряда арабских стран, которые в прошлом служили связанным с империализмом монархическим режимам, отличается значительными особенностями. Мы не останавливаемся на этом вопросе, так как он достаточно подробно рассмотрен в работе Г. Мирского «Армия и политика в странах Азии и Африки». Хотелось бы только отметить, что превращение армий ряда арабских стран в решающую силу национально-освободительного движения началось с момента появления в офицерском корпусе офицеров, вышедших из непривилегированных слоев. В этом отношении весьма показательна эволюция египетской армии, в которой во второй половине 30-х годов был впервые нарушен поддерживавшийся раньше «социальный баланс». В составе армии оказалась группа разночинцев, видевшая свой общественный долг не в профессионально кастовой верности военной профессии, а в искреннем служении родине, народу. Хотя революционные идеи проникли в армию далеко не сразу, можно сказать, что молодое египетское офицерство практически с самого начала своей военной карьеры отказалось от взгляда на армию как послушный инструмент монархии, мечтая превратить ее в орудие народа и революции [57, 27].

поведении офицерства, особенно в первые годы после завоевания независимости. Если для армий первого типа наиболее характерной в годы революции была фигура офицера-патриота, националиста, активного участника послереволюционных преобразований, то для армий второго типа такой фигурой был военный профессионал, член офицерской касты, воспитанник колониальной военной школы. Однако и в армиях первого типа с прекращением вооруженной борьбы против колонизаторов, по мере дальнейшей профессионализации бывших партизанских и полупартизанских армий могло происходить отчуждение этих армий, и в первую очередь их офицерского корпуса, от общества, превращение в часть государственного аппарата на службе буржуазных и буржуазно-помещичьих сил. В определенных случаях различия между армиями двух типов постепенно нивелировались.

Консолидация вооруженных сил в государственно-бюрократический институт и установление над ними формального контроля гражданских правительств не вели, однако, к падению политической активности военных. История внутриполитического развития Бирмы, Индонезии, Пакистана, Сирии и других стран в 50-е годы дает немало примеров вмешательства армии в политическую жизнь.

Как же подготавливается участие военных в политической жизни, каковы главные пути вовлечения офицерства в политику и сферу политической активности армии в различных странах? Выяснение этих вопросов требует конкретного изучения процесса врастания армии в политику. В интересах анализа целесообразно остановиться на вооруженных силах двух типов: вышедших из колониальных формирований и родившихся в период вооруженной борьбы против колонизаторов. Сравнение двух типов армий дает возможность показать, насколько сильна зависимость диаметрально противоположных по происхождению войск — узкопрофессиональных, придерживающихся имперской традиции «аполитичной» армии и бывших партизанских и полупартизанских армий — от объективных условий, в которых происходит вовлечение офицерства в политическую жизнь. В качестве «образца» врастания армии в политику возьмем историю вооруженных сил Пакистана и Индонезии.

Выбор этих двух армий не является случайным, ибо

различие основных черт в их происхождении налицо. Социальный облик офицерства обеих из них был несходным. Если костяк офицерского корпуса армии Пакистана составляли выходцы из помещичьей и буржуазной среды, то в индонезийской армии несравненно шире были представлены мелкобуржуазные элементы. Пакистанское офицерство изначала придерживалось принципа «армия — вне политики». Офицерам строго-настрого было запрещено заниматься политической деятельностью. В Индонезии с момента рождения молодой республики военнослужащие участвовали в деятельности общественных массовых организаций, имели с ними тесные контакты, были связаны с политическими группировками. Степень влияния идеологии национализма, ее характер в обеих армиях также были различны. Если пакистанское офицерство и разделяло идею создания независимого государства Пакистан, армия Пакистана не была антиимпериалистической силой в том смысле, какой была возникшая в период вооруженной борьбы против голландского и английского империализма индонезийская армия.

Политическая роль пакистанской армии

С образованием независимого государства у власти в Пакистане оказался блок земельных магнатов и крупной торговой буржуазии западной части страны. Непредставительный характер режима, чрезвычайная узость классовой основы власти правящих кругов вели к хронической политической нестабильности. Уже в первые годы существования Пакистана стоявшая у руководства страной партия Мусульманская лига в целях борьбы с набиравшей силу широкой оппозицией различных классов и национальных групп населения олигархическому правлению западнопакистанской помещичье-буржуазной верхушки часто прибегала к непосредственной опоре на армию и аппарат гражданского управления, в значительной степени состоявший из колониального чиновничества бывшей гражданской службы Британской Индии, оставшегося в наследство Пакистану после его отделения от Индии.

Использование армии объяснялось, в частности, тем, что аппарат власти находился в процессе формирования, а гражданская администрация сплошь и рядом не справлялась с возложенными на нее функциями. Так, в первые месяцы существования молодого государства в условиях индусско-мусульманской вражды во многих районах царил хаос в административных органах. После перемещения индийцев из Западного Пенджаба в Индию этот важнейший район Пакистана оказался фактически без администрации. В результате бегства служащих-индийцев была парализована его экономическая жизнь. В некоторых областях более 50% гражданских и уголовных судов бездействовали из-за недостатка юридического и технического персонала [97, 62]. В этой обстановке части только что сформированной армии занимались восстановлением и спасением местных управленческих кадров. Другая задача, возложенная на армию, состояла в сопровождении, охране и размещении в лагерях мусульман, эмигрировавших из Индии.

Рост в Пакистане новых социальных сил — рабочего класса, городской мелкой буржуазии и интеллигенции, национальной буржуазии вел к усилению классовой борьбы между помещичье-буржуазными верхами и широкими слоями пакистанцев, выливавшейся нередко в прямые столкновения и кровавые бои между оппозицией и правительством, на стороне которого выступали вооруженные силы. Так, в 1948 г. во время массовых выступлений против реакционного правительства в Дакке, столице бывшей Восточной Бенгалии, генеральный инспектор полиции Закир Хуссейн оказался настолько напуган волнениями, что обратился за помощью к регулярной армии. Это был далеко не единственный случай в те годы. Гражданские власти часто обращались в аналогичных ситуациях за консультацией и помощью к высшему офицерству [10, 26—30].

Армия выступала на стороне власти, вместе с которой она родилась и частью которой было ее высшее и старшее офицерство. Однако оппозиционные настроения проникали и в военную среду. Это показали события 1951 г., известные под названием «заговора в Равалпинди». В них участвовала даже некоторая часть старшего и высшего офицерства, недовольная политикой правящих кругов, засильем в армии англичан, коррупцией

английских военных чиновников и т. д. [51, 195][2]. Но в целом высшее и старшее офицерство сухопутных сил видело в оппозиционных настроениях, проникавших в армию, опасность не только для стабильности господствующего строя, но и для целостности самой армии, зародившейся как кадровая профессиональная армия. Вооруженные силы рассматривались им как верные «традиции преданности... и полного подчинения гражданской власти» [10, 38—39]. Всякий вызов существующей системе командование считало вызовом самой армии, ее роли и значению в жизни Пакистана.

Развитие внутриполитической обстановки в начале 50-х годов показало, что правительство Мусульманской лиги не смогло решить ни одной из тех неотложных задач, которые стояли перед страной. В этих условиях особое беспокойство в правящих кругах вызывал рост влияния левой оппозиции в лице партии Свободный Пакистан, восточнопакистанской Демократической партии, партии «Народная лига», национально-демократических организаций бенгальцев, пуштунов, синдхов и других народов. Будучи неспособным противостоять оппозиции в рамках борьбы в представительных органах, помещичье-буржуазный блок все чаще прибегал к чрезвычайным мерам, введению антидемократических законов, использованию армии в репрессивных, антидемократических целях.

Впервые военное положение официально было введено в Пакистане в январе 1953 г. в связи с волнениями среди студенчества и городских слоев мелкой буржуазии Карачи, недовольных правлением реакционного режима. Обвинив участников демонстраций в использовании «иностранной поддержки», власти бросили против студентов войска и полицию. Однако не успело правительство оправиться от этого кризиса, как разразился другой, гораздо более затяжной.

Весной 1953 г. в стране вспыхнуло широкое движение под религиозным знаменем против секты ахмадие. Руководимое консервативными мусульманскими кругами, оно тем не менее объективно отражало широкое недо-

---

[2] Один из руководителей пакистанской армии, генерал Айюб-хан, впоследствии признавал, что военный заговор 1951 г. был вызван глубокими социальными причинами [10, 37—38].

вольство господствовавшим в стране помещичье-буржуазным блоком, многие представители которого были членами этой секты [51, 205, 206, 208]. В частности, сильное недовольство вызывала деятельность члена секты министра иностранных дел Мухаммада Зафрулла-хана.

Особенно напряженное положение сложилось в столице Пенджаба Лахоре. Здесь к антиахмадийскому движению присоединились низшие чиновники правительственного секретариата в столице штата, служащие телеграфа и почты [97, 180]. Возбужденные проповедями улемов толпы громили правительственные здания, жгли полицейские участки. Движение фактически вышло из-под контроля, так как правительство из-за трений и противоречий в верхах не сразу определило отношение к нему [97, 180]. Когда же власти решили покончить с волнениями, они могли рассчитывать только на вооруженные силы, ибо прочие государственные органы находились в состоянии крайней дезорганизации. В Лахоре было объявлено военное положение и созданы военно-полевые суды. Армия уделяла главное внимание подавлению так называемых «антисоциальных элементов» и укреплению положения местной администрации [11, 186].

Чрезвычайные меры, к которым постоянно прибегало гражданское правительство, не могли затормозить процесса нараставшего недовольства помещичье-буржуазным правлением. Неотложные задачи, стоящие перед страной, невозможно было решить на путях насильственного торможения ширившегося демократического движения. За годы существования Пакистана некоторые проблемы приобрели крайнюю остроту, и от их решения зависела целостность всего многонационального государства. К их числу относится проблема Восточной Бенгалии. Мусульманская лига по существу признала свою неспособность преодолеть антагонизм между двумя частями страны — западной и восточной, — в основе которого лежали противоречия между средней буржуазией и широкими народными массами Восточной Бенгалии, с одной стороны, и крупнейшими помещичье-буржуазными группировками Западного Пакистана — с другой. Усиливалось недовольство и среди других народов, населявших страну. Пакистанский ученый К. Саеед пишет о характере противоречий в тот период: «В Па-

кистане, в частности, в Восточной Бенгалии и в некоторых районах Западного Пакистана возникла новая группа политиков. Они стремились к возможно быстрому экономическому развитию собственных провинций или районов, а потому вступили в конфликт с политиками-бюрократами (центральной властью. — *Р. С.*). Восточнобенгальские политики и некоторые политики из городских районов Западного Пакистана имели очень мало общего с высшей олигархией... Принадлежавшие к этой олигархии армейские офицеры и члены гражданской службы хорошо сжились с пенджабскими и синдскими помещиками, ибо они вышли из одинаковой социальной среды, ходили в общие школы и принадлежали к одним клубам...» [97, 76].

В высказывании К. Сабеда подмечены особенности состава правящей политической группировки, противостоявшей демократическим силам страны. Наряду с земельными магнатами и крупной буржуазией в нее входили верхи военной и гражданской бюрократии, в руках которых после независимости сосредоточилась административная власть. К последним принадлежал ряд известных пакистанских политиков, выразителей интересов буржуазно-помещичьей олигархии. Так, после смерти основателя Пакистана М. А. Джинны премьер-министром стал его сподвижник Лиакат Али-хан, бывший администратор гражданской службы Британской Индии так называемой «сивил сервис». Лиакат Али-хан, как и его предшественник, опирался в первую очередь на «сивил сервис». В дальнейшем посты генерал-губернатора, а также губернаторов провинций занимали высшие гражданские бюрократы. Выходцы из среды земельной аристократии, они представляли наиболее консервативное крыло пакистанских политиков, деливших власть с другими привилегированными группами мусульманской буржуазии. Важной особенностью политического поведения группировки «бюрократов» был их подход к проблеме власти и связанной с ней форме правления. Наследники строго централизованного колониального режима с его сосредоточением ответственных функций в руках крупных государственных сановников и безоговорочным подчинением периферии центру, они считали, что существующая в Пакистане политическая система не соответствует его нуждам, требует перест-

ройки в еще более централизованную и авторитарную. Им было свойственно глубокое пренебрежение, даже отвращение, к народным массам и всему тому, что было связано с политикой «уличных толп». Они считали, что «демократия требует образования, традиции, воспитания и гордости в умении что-то хорошо сделать» [97, 76]. То есть всего того, что было у них, но чего не хватало остальным пакистанцам.

Примерно тех же взглядов, что и «политики-бюрократы», придерживались представители командного состава пакистанской армии. О том, насколько близки были их взгляды, будет сказано дальше. Здесь же нам хотелось остановиться на противоречиях, которые разделяли представителей армии и гражданского политического руководства.

К. Саеед сказал, пожалуй, только половину правды, заметив, что армейские офицеры хорошо сжились с пенджабскими и синдскими помещиками. До определенного периода военные действительно видели в их политических представителях национальных руководителей, достойных подражания, восхищались ими. Показательными являются отзывы генерала Айюб-хана о Лиакат Али-хане, которого он называет человеком «твердого сердца и большого мужества». Ему импонировало и то, что Лиакат Али-хан искал контакта с армией и испрашивал совета у ее представителей [10, 40]. Высшее и старшее офицерство вначале вполне спокойно относилось также к попыткам правящих кругов «политизировать» бывшую колониальную бюрократию путем слияния государственно-бюрократического и партийного начала в едином аппарате власти, что вполне отвечало интересам пакистанского офицерства, видевшего в сильной власти свой идеал.

Однако попытки правящего блока стабилизировать существующий общественный порядок не приводили к успеху. В военных кругах с подозрением следили за тем, как появляющиеся одна за другой новые партии и группировки включались, по словам Айюб-хана, в «политический водевиль», стремясь в первую очередь соблюсти свой «личный политический интерес», а для этого поставить себе на службу административные органы [10, 42]. Претензии различных фракций правящего класса на руководство административным аппаратом, их по-

пытки подчинить своему господству механизм власти вызывали особую настороженность в рядах высшего офицерства. Они начали видеть в них угрозу «политизации» армии. Войско становилось, по их мнению, пассивным объектом вожделений различных группировок. И Айюб-хан, руководитель пакистанской армии в то время, писал о своей решимости не допустить вовлечения армии в политику. Хотя он и осознавал, что старшее офицерство не может не думать о ней, будучи ее непризнанным участником, он запрещал, однако, военнослужащим вести обсуждение политических вопросов [10, 42].

Недовольство в военных кругах вызывала позиция правительств Мусульманской лиги в вопросе выработки пакистанского законодательства, которое бы сменило «Акт об управлении Индией 1935 г.». После обретения независимости Пакистан управлялся на основе этого антидемократического закона [51, 33]. Военные лидеры были разочарованы отсутствием твердости в правящих кругах, не сумевших навязать стране конституцию, которая привела бы к усилению исполнительной власти. Айюб-хан с неодобрением отзывался о мероприятиях государственных руководителей, предпочитавших проводить выборы в провинциях, вместо того чтобы предварительно завершить процесс выработки конституции и консолидации позиций правящей партии [10, 48].

Определенные опасения в высших военных кругах вызывали действия различных правительств, направленные на постоянное привлечение армии к выполнению задач по поддержанию так называемого «порядка». Конечно, речь шла не о симпатиях к демократическому движению. Военная верхушка прежде всего опасалась за престиж армии, свой собственный престиж. Если в период образования Пакистана военные принимали участие в оказании помощи беженцам-мусульманам и были окружены ореолом спасителей своих единоверцев и соотечественников, то в последующие годы армия превратилась в главное орудие репрессий и исполняла функции подавления в более широких масштабах, чем это делали полицейские силы. И хотя военное руководство принимало непосредственное участие в подавлении демократического движения, вину и ответственность за чинимые армией репрессии и несправедливости оно было

склонно целиком возложить на гражданские правительства.

Еще одной причиной недовольства высшего и старшего офицерства было то, что правительства, по их мнению, уделяли мало внимания военному институту. С целью оказания давления на государственных руководителей Айюб-хан неоднократно высказывал им опасение в том, что в кризисной ситуации в действиях армии могли возникнуть серьезные препятствия, причиной которых были плохие условия военной службы. Представители вооруженных сил считали, что правительственная политика в отношении армии не отвечает необходимым требованиям, жаловались на отсутствие перспективной программы ее строительства, выдвигали многие другие претензии [10, 32].

Определенное разочарование армейских руководителей проводимой пакистанскими правительствами внутренней политикой ни в коей мере не означало отрицания господствующего строя. Социальный консерватизм и профессиональная ограниченность отчетливо видны в оппозиционных настроениях военщины. Армейские верхи судили о неспособности правящих кругов руководить страной как о профессиональном неумении, не придавая значения тому, что так называемые «беспорядки», волнения, выступления недовольных вызваны целым комплексом глубоких социально-экономических причин. Находясь в свое время на службе в Восточной Бенгалии, Айюб-хан отмечал, что ему было непонятно, является ли «агитационное давление» здесь результатом стечения малозначащих факторов, «личных жалоб и обид» или оно вызвано более глубокими причинами. Противоречия между бенгальским национальным движением и западнопакистанской помещичье-буржуазной олигархией он сводил к несовместимости национальных характеров выходцев из двух различных частей страны, к отсутствию взаимопонимания между ними из-за недостатка налаженных связей [10, 26].

Консервативный бюрократический подход рождал весьма характерный выбор действий, необходимых для наведения «порядка». Обладание репрессивной силой давало военным лидерам право считать, что массы могут подчиниться только этой силе, если ее будут направлять «умелые руки». Один из пакистанских военачаль-

ников, Муким-хан, впоследствии писал: «Армия была уверена в том, что как только общественность узнает, что она приняла на себя контроль, беззаконию придет конец. Пакистанцы уважают твердые действия, когда они осуществляются честно и беспристрастно» [11, 184].

Недовольство армейской верхушки положением дел в стране тем не менее не означало, что военные были готовы выступить против своих коллег по правящему лагерю. До переворота 1958 г. они скорее полагались на сотрудничество с политическими организациями и деятелями, с которыми их роднили общее происхождение, тождественные социальные и политические взгляды. В этом отношении офицерству были наиболее близки пенджабская группировка буржуазно-помещичьего блока и связанные с ней круги. Рост оппозиции реакционному правлению буржуазно-помещичьей олигархии также был одной из причин временной консолидации политических представителей этой олигархии в лице буржуазно-помещичьих партий, военщины и бюрократии. Одним из примеров такой консолидации может служить создание осенью 1954 г. антидемократическим путем правительства Мухаммада Али Богра. Наряду с представителями земельных магнатов Пенджаба и Синда, крупной буржуазии в него вошел представитель армии Айюб-хан, занимавший пост министра обороны.

Сформированию кабинета предшествовали важные события. В мае 1954 г. в провинции Восточная Бенгалия было разогнано прогрессивное правительство Объединенного фронта и введено чрезвычайное положение. Через несколько месяцев чрезвычайное положение было распространено на всю страну. В попытке блокировать национально-демократическое движение помещичье-буржуазные круги пошли в октябре 1954 г. на разгон Учредительного собрания. Главным инициатором этого антидемократического шага был генерал-губернатор Пакистана Гулам Мухаммад, а совершил он его, как свидетельствует ряд источников, предварительно заручившись согласием армии [73, 41; 51, 238].

Однако в рядах правящей группировки отсутствовало единство. Хотя гражданским деятелям удалось добиться поддержки высшего офицерства и включить Айюб-хана в кабинет Мухаммада Али Богра, военные

с подозрением наблюдали за попытками политических лидеров воспользоваться поддержкой вооруженных сил. Айюб-хан ответил резко отрицательно на предложение генерал-губернатора о сотрудничестве в деле «обуздания» демократических сил, угрожавших правящему помещичьему блоку, рассматривая это предложение лишь как попытку Гулам Мухаммада использовать армию в своих целях [10, 52].

Участие Айюб-хана в правительстве 1954 г. по существу означало признание армии в качестве равного партнера в блоке правящих политических сил. Оно не могло не импонировать высшему и старшему офицерству, которое фактически уже не первый год участвовало в политической жизни. Несмотря на некоторые колебания вначале и отказ совершить задуманный Гулам Мухаммадом переворот сверху, Айюб-хан счел возможным не только вступить в правительство, но и принять активное участие в его деятельности. Он был автором одного из проектов объединения Западного Пакистана в единую провинцию [97, 76]. Инициатором проведения в жизнь этой идеи выступала пенджабская группировка Мусульманской лиги.

По свидетельству будущего президента, он составил вышеназванный проект в наиболее критический период, когда было распущено Учредительное собрание и никто не знал, что произойдет дальше. Айюб-хан предлагал перестроить всю государственную систему Пакистана на новых принципах. В основу проекта был положен тезис о необходимости сильной централизованной власти в многонациональной стране, различные части которой разделены тысячами километров. Вместо существовавших нескольких провинций предполагалось создать всего две — Западный и Восточный Пакистан. Бывшие провинциальные законодательные собрания должны были быть упразднены, а вместо них созданы две легислатуры — восточнопакистанская и западнопакистанская. В проекте Айюб-хана была специально оговорена 40%-ная квота для представителей пенджабского привилегированного класса в новом законодательном собрании будущей Западной провинции [10, 188]. В масштабе всей страны предполагалось создать общее Учредительное собрание Пакистана.

Однако основная идея проекта Айюб-хана состояла

никак не в преимущественном развитии представительных институтов. Пакистанский военный лидер считал, что его страна не подготовлена к форме буржуазной демократии, которая функционировала в ней на протяжении прошлых лет. Он писал: «Наша изначальная цель была развить демократию... но типа, соответствующего духу народа. Наш народ в основном необразован, а наши политики не очень добросовестны... Неконтролируемая демократия может оказаться опасной... Мы должны иметь контролируемую форму демократии...» [10, 188].

Точка зрения Айюб-хана перекликалась со взглядами одного из ведущих представителей группировки «политиков-бюрократов», в прошлом офицера колониальной армии и высшего чиновника гражданской службы, генерал-майора Искандера Мирза. Занимавший пост министра внутренних дел в кабинете, он так охарактеризовал полувоенный режим 1954 г.: «Некоторые развивающиеся страны должны учиться демократии, а пока они это сделают, их необходимо контролировать. С такой массой неграмотных политики могут провалить все дело. Нет ничего недемократического в объявлении чрезвычайного положения, так как 90% людей приветствовали его» [47, 30.X. 1954].

В соответствии с «контролируемой формой демократии» Айюб-хан предлагал сосредоточить основные функции власти в руках президента. Последний должен был осуществлять и непосредственный контроль над вооруженными силами через назначаемого им самим главнокомандующего [10, 190].

В проекте Айюб-хана намечалось также проведение ряда реформ в сельском хозяйстве, промышленности, системе образования и других областях. Автор проекта считал, что страна нуждается в аграрной реформе — переделе в пользу крестьянства части крупнейших помещичьих владений, ссылаясь при этом на положительный опыт египетской революции [10, 190].

Появление на свет описанного выше документа означало важный этап в выработке политической программы высшего и старшего офицерства. Его автор — офицер, выпускник Сандхёрста, военный профессионал — по существу предлагал краткий проект будущего государственного устройства, ряд принципиальных идей ко-

торого были реализованы уже после прихода армии к власти в 1958 г.

Совпадение ряда основных идей в вопросе будущего государственного устройства у Айюб-хана и его коллег по кабинету из числа гражданских деятелей, о котором мы говорили выше, не было простой случайностью. В силу своего социального родства, ориентации на буржуазно-помещичьи круги Западного Пакистана военные и гражданские деятели придерживались сходных взглядов о путях решения стоявших перед страной проблем. Их объединял тождественный идеал: такое изменение государственной системы, которое поможет стабилизировать существующий общественный строй, предотвратит угрожающий ему крах. Однако высшее офицерство в лице Айюб-хана и его единомышленников намеревалось покончить также и с вопиющими несправедливостями, ограничить собственность крупнейших земельных магнатов и тем самым открыть путь более широкому развитию капитализма в сельском хозяйстве, что означало в перспективе известное расширение социальной основы власти правящих кругов.

Таким образом, военные уже тогда задумывались о проведении более прагматической внутренней политики. При этом они имели в руках реальную силу, способную навязать их волю пакистанцам. Этого нельзя сказать о всех других правых группировках, также выступавших с идеей авторитарного правления.

Участие представителей высшего офицерства в правящей коалиции не сделало их доминирующим элементом в ней. Военные не были склонны рассматривать руководство Гулам Мухаммада и правительственного кабинета как свое собственное. Когда в результате давления оппозиции генерал-губернатор был вынужден уйти в отставку, армия не пришла на помощь недавнему союзнику. Ему не оставалось ничего другого, как согласиться с требованиями оппозиции вернуть Пакистан к парламентскому правлению [97, 80].

Обсуждение проекта конституции в 1956 г. было в глазах пакистанской военщины возвращением к порядку вещей, которым они тяготились все предшествующие годы. Несмотря на поддержку вновь избранным Учредительным собранием решения об образовании единой провинции Западный Пакистан, их не устраивал весь

дух новой конституции, авторы которой, по их мнению, постарались примирить самые противоречивые политические течения и тенденции. Айюб-хан назвал ее «документом отчаяния» [10, 54]. Главный же недостаток этой конституции, по мнению военных, заключался в том, что в ней не был определен «фокус власти». С одной стороны, в условиях нарастающего народного движения, подъема массовой борьбы трудящихся, а с другой стороны, углубления кризиса институтов помещичье-буржуазной власти военные круги все отчетливее видели полнейшую беспомощность своих классовых союзников — помещичье-буржуазных группировок, их неспособность «править по-старому». Особое недовольство военной верхушки вызывало то, что имущие классы не нашли в своей среде силы для консолидации. «Каждый, казалось, имеет собственную группу и занят единственно тем, что точит свой меч», — писал Айюб-хан [10, 49]. Часть представителей помещичье-буржуазного блока в лице военщины приходила к пониманию необходимости стабилизации существующего строя чрезвычайными средствами, а именно путем открытого использования нового механизма власти, олицетворяемого армией. Военный переворот в октябре 1958 г. в Пакистане и переход страны к военно-бюрократическому режиму были началом практической реализации идей представителей высшего офицерства, вынашивавшихся ими прошлые годы. Как показали, однако, последующие события, определенная политическая стабилизация и достигнутый на ее основе экономический рост не смогли все же разрешить проблему национально-государственной консолидации Пакистана.

Военное насилие лишь временно загнало вглубь острые национальные противоречия, нашедшие в конце концов выход в освободительной борьбе народа Бангладеш.

Политический опыт индонезийской армии

Процесс врастания индонезийской армии в политику состоит из двух этапов. Первый этап совпал с периодом вооруженной борьбы против голландского и английского империализма в 1945—1949 гг. Второй этап начал-

ся в 50-е годы и завершился в 1957—1959 гг., когда армия была признана в качестве функциональной группы [3].

Революционный процесс вовлек в активную общественную жизнь многих представителей индонезийской армии. Ее офицеры и рядовые вступали в политические партии, профсоюзные и прочие объединения. Бывшие члены националистических партий и организаций, индонезийские военнослужащие считали себя прежде всего революционерами, а потом уже военными. В период вооруженной борьбы отдельные территориальные соединения представителей армии предпринимали неоднократные попытки возглавить антиколониальную и антифеодальную революцию на различных островах. Одна из первых таких попыток имела место на Северной Суматре. Здесь большую роль в разгроме вооруженных отрядов феодальной аристократии сыграли отряды национальной армии. В ее руководстве в основном были представлены выходцы из зажиточной мусульманской буржуазии. Вместе с сельской религиозной верхушкой — улемами они возглавили антифеодальное движение.

Наибольшую активность в политической жизни проявляло мелкобуржуазное офицерство на Центральной Яве, которая со времени перемещения столицы республики из Джакарты в Джокьякарту превратилась в центр освободительного движения.

В этой связи большой интерес представляют события в районе Суракарты (Соло) в начале июня 1946 г., где произошла одна из первых попыток захвата власти военными. Непосредственной причиной событий послужило недовольство населения феодальной знатью, ко-

---

[3] В годы господства режима «направляемой демократии» (1957—1965) правящие круги создали схему так называемых «функциональных», или «рабочих», групп, которая была призвана юридически оформить крупные изменения в системе власти — увеличение роли президента страны, допущение представителей командования вооруженных сил к непосредственному государственному управлению. Эта надуманная и противоречивая схема в значительной степени остается в силе и при нынешнем военно-бюрократическом режиме. Согласно ей все индонезийское общество делится на четыре крупные «рабочие группы»: материального созидания (1), духовного созидания (2), религии (3), обороны и безопасности (4). В свою очередь каждая из них подразделяется на несколько подгрупп; в частности, в «группу обороны и безопасности» входят сухопутные, военно-морские и военно-воздушные силы, полиция, ветераны войны, части местной охраны [26, 25—26].

торая отказалась от проведения революционных преобразований на своих территориях. В обстановке обострившейся борьбы между феодальными элементами и демократическими организациями командир 4-й дивизии национальной армии Сухарто выступил с обращением к населению от имени вооруженных сил, в котором провозгласил создание Совета управления народа и армии, низложившего орган феодальных сил — директориум [20, 201]. В Совет вошли военнослужащие, представители добровольческих отрядов, политических партий, профсоюзных и других общественных организаций. В новом органе не было ни одного деятеля из среды феодальной знати, а военные делили власть в нем с представителями демократических сил.

Новым свидетельством участия офицерского корпуса индонезийской армии в политической жизни явились события 3 июля 1946 г., когда мелкобуржуазный радикал и националист Тан Малака и группа его единомышленников предприняли неудавшуюся попытку свержения правительства Сугана Шарира [подробнее об этих событиях см.: 62, 96—98]. Одной из главных фигур антиправительственного заговора был командир 3-й дивизии генерал Сударсоно. Он постоянно сотрудничал с Тан Малака и разделял его политические взгляды [20, 208]. Сударсоно считал, что революция свернула со своего пути, а правительство Шарира изменило идеалам независимости. Он выступал против неравноправных соглашений с колонизаторами, за немедленное признание Голландией полной независимости Индонезии.

Следует отметить, что подавляющее большинство членов вооруженных сил симпатизировали бескомпромиссному духу заявлений Тан Малака, Сударсоно и близких им деятелей. Их взгляды одобряли молодые офицеры, выходцы из рядов Колониальной армии Нидерландской Индии [20, 159]. Поэтому, когда еще в январе 1946 г. Тан Малака создал широкую коалицию различных организаций (Фронт сопротивления — Персатуан Перджуанган), ее требования — полная независимость и ликвидация иностранной собственности — были поддержаны в вооруженных силах. Главнокомандующий Судирман и другие офицеры принимали участие в деятельности Фронта, присутствовали на его собраниях [82а, 173—174].

Мелкобуржуазным радикалам из группы Тан Малака было известно о настроениях в вооруженных силах. Чтобы заручиться поддержкой офицерства, они вели пропаганду в армии против правительства Шарира, стремясь в дальнейшем использовать вооруженные силы в борьбе за власть [82а, 184]. Однако после провала попытки переворота 3 июля для старших военачальников, в том числе для Судирмана, стали очевидными действительные цели Тан Малака в отношении армии. Несмотря на общие симпатии офицерства к его радикальной антиимпериалистической программе, оно фактически отказало ему в дальнейшей поддержке. Тан Малака продолжали поддерживать только несколько подразделений 3-й джокьякартской дивизии Сударсоно.

Все более широкое участие индонезийских военных в политической жизни вызывалось не только субъективными стремлениями представителей каких-то классов, социальных слоев принять активное участие в послереволюционных преобразованиях. В условиях непрекращавшейся империалистической агрессии роль армии объективно возрастала, а это вело к еще большему ослаблению и так незначительного контроля над ней правительства. Участник националистического движения, индонезийский деятель Адам Малик охарактеризовал в своих мемуарах республиканские вооруженные силы тех времен как «почти полностью бесконтрольный поток» [17, 61]. Индонезийские правительства стремились лишь воспрепятствовать усилению влияния военных. Но на практике допущенная с 1945 г. к выполнению задач по поддержанию «внутренней безопасности» армия уже в те годы в значительной степени контролировала гражданскую администрацию на местах.

Гигантски расширились политические и административные функции военных в годы второй голландской агрессии в 1948—1949 гг. Ей предшествовали важные изменения в политической системе Индонезии. Осенью 1948 г. во время известных мадиунских событий реакционное правительство Хатта с помощью армии разгромило компартию Индонезии, ее массовые организации. Партийный режим оказался в целом ослаблен, ибо единство отсутствовало также в коалиции правящих партий. В некоторых из них произошло размежевание, приведшее к расколу. В результате в республике возникла си-

туация, когда армия, не находившаяся под контролем какой-либо определенной партии, фактически обрела самостоятельность.

Кризис в политической организации индонезийского общества довершило нападение голландцев на Джокьякарту в конце 1949 г. Пленение национального правительства колонизаторами привело к развалу гражданской администрации, окончательно парализовало деятельность гражданских властей. Им на смену пришла система всеобщего партизанского управления, инициаторами введения которой стали руководители армии.

Возникли две формы партизанского управления, различавшиеся по своему характеру. Партизанская власть на Яве, где в руках военной администрации сосредоточились основные функции государственной власти [59, 38—53], была своеобразной диктатурой, возникшей в условиях общего развала гражданского административного аппарата. Отличной от нее была система управления Суматрой. Здесь индонезийской буржуазии удалось поставить под определенный контроль движение сопротивления и осуществлять руководство им. Чрезвычайное правительство Индонезийской республики на Суматре во главе с Шафруддином Правинегера подчинило себе военное командование.

Система партизанского управления на Яве имела две важные особенности. Первая — это ее всеобъемлющий военный характер. Остатки гражданского бюрократического аппарата оказались полностью интегрированы в нее. Бывшие руководители районов, подрайонов и других административных единиц отныне участвовали в исполнении решений военных властей. На всех ответственных постах находились представители армии. Единственно, кого не тронули военные, сохранив за ним прежнюю должность, был сельский староста. Институт сельских старост стал главным каналом связи между армией и населением. Через него в условиях партизанской борьбы вооруженные силы обеспечивались всем необходимым [59, 45—47].

Вторая особенность — полностью самостоятельный характер этой системы. Несмотря на то что после пленения республиканского руководства официально функции государственного управления были переданы Чрезвычайному правительству на Суматре, между военными

на Яве и суматранскими властями отсутствовала сколько-нибудь значительная связь. Попытки наладить ее к успеху не приводили. По-видимому, само военное руководство не особенно искало контактов, считая, что в условиях войны на первый план выдвигается задача руководства боевыми операциями, подчинения нуждам войны всех гражданских. С другой стороны, военное командование с абсолютной нетерпимостью относилось к любым попыткам организации параллельного центра партизанского движения, которые предпринимались некоторыми гражданскими лидерами. Когда Тан Малака и его единомышленники взяли на себя инициативу создания такого центра, военные разгромили его штаб, а его самого убили.

На Суматре руководство движением сопротивления осуществляли видные буржуазные деятели: Шафруддин Правинегара, Сутан М. Рашид, А. К. Гани и некоторые другие. Большое влияние партий индонезийской буржуазии на Суматре в предшествовавшие годы предопределило относительную стабильность гражданской власти в этом районе.

Утверждение системы партизанской власти на Яве означало выдвижение на авансцену государственной жизни новой группировки политиков из числа военнослужащих. В отличие от многих политических группировок, настаивавших на сочетании военных и дипломатических методов в борьбе против голландского империализма, большинство представителей индонезийской армии требовали проведения более решительной линии, видели в политике прошлого гражданского руководства лишь отступления и компромиссы, преклонение перед силой колонизаторов. Переход власти в руки военных на Яве в годы второй голландской агрессии впервые дал им возможность повести борьбу своими методами. Тактике переговоров и компромиссов они противопоставили партизанские действия, в которых участвовала армия, опиравшаяся на население. Успехи движения сопротивления весной 1949 г. показали, что республика может противостоять голландскому вторжению. Колонизаторы стояли перед угрозой затяжной войны, которая потребовала бы огромных средств и помощи других империалистических держав.

Однако международная обстановка складывалась не

в пользу голландской политики в отношении Индонезии. Под давлением мировой прогрессивной общественности, благодаря борьбе Советского Союза и других миролюбивых стран против колониальной агрессии правящие круги Нидерландов были вынуждены начать переговоры с плененным правительством республики.

Позиция гражданских лидеров на переговорах с голландцами преследовала цель широко использовать политические средства для достижения, как говорил президент Сукарно, «всеобщего решения» конфликта, урегулирования всех спорных вопросов между двумя странами [20, 34]. Эта позиция гражданского руководства вызвала категорическое несогласие яванского командования, которое обратилось к индонезийскому правительству, интернированному на о-ве Банка, с требованием пересмотреть принятую политическую линию. Более того, яванские военные руководители поставили под сомнение правомочность плененных индонезийских руководителей вести переговоры с неприятелем [20, 33]. Они выступили с собственной программой решения голландско-индонезийского конфликта.

Наиболее законченное выражение позиция армейского командования нашла в сравнительно недавно опубликованном документе Штаба яванского командования от 5 мая 1949 г. Из его содержания явствует, что военные не признавали какой-либо возможности переговоров с голландской стороной. Они утверждали, что с самого начала революции правительство Нидерландов вело переговоры с позиции силы и руководствовалось стратегией дальнего прицела, в основе которой лежало стремление к территориальному захвату. По мнению военных лидеров, политические действия, предпринимаемые колонизаторами, являлись не чем иным, как фазами этой стратегии. Особой критике в вышеуказанном документе подверглись планы создания голландско-индонезийского союза под эгидой королевы Нидерландов. Военные видели в нем фактическое закрепление экономических позиций колонизаторов в Индонезии. Они считали, что «союз» откроет путь в страну империалистическим советникам и инструкторам, голландской полиции и военнослужащим. «Только сила может изменить голландскую стратегию», — говорилось в документе [19, 239].

Руководители Штаба яванского командования реалистически оценивали возможности империалистического «заступничества» в голландско-индонезийском конфликте. В документе прямо говорилось о том, что симпатии США и Австралии к Индонезии «ограничены их экономическими и стратегическими интересами», а обеим державам выгодно сохранение «голландского руководства» над Индонезией, ибо оно гарантирует неприкосновенность позиций Запада в республике [19, 239]. Военные ставили также под сомнение возможности ООН в решении голландско-индонезийского конфликта, не без основания подозревая, что империалистические державы попытаются решить его в пользу Нидерландов в этой международной организации.

В вышеуказанном документе резкой критике была подвергнута внешняя политика всех индонезийских правительств. Военные лидеры обвиняли республиканское руководство в том, что в отличие от голландцев оно не имело последовательной стратегии, в которой был бы ясно определен приоритет дипломатических или военных акций. Причину этого военные видели в отсутствии связи между правительством и военным командованием. «Более того, часто они исходили из противоположных позиций», — говорилось в документе [19, 242]. В нем также осуждалась внутренняя политика гражданских руководителей, допустивших существование партий, добровольческих отрядов, что, по мнению военных, неминуемо вело к хаосу и ослабляло страну перед лицом врага [19, 242]. В пользу своей позиции военные выдвигали следующие аргументы.

Во-первых, они считали, что, начиная войну, голландцы недооценили способности индонезийской армии оказать партизанское сопротивление неприятелю и значения «духа свободы» — национализма. Голландские войска быстро утеряли преимущество внезапности нападения и оказались в неудачном и опасном с военной точки зрения положении. Утеря инициативы неприятелем еще не означала, по мнению военных, ее перехода к индонезийцам. Но по идее такой процесс должен был происходить по мере того, как партизанская армия все больше будет переходить от тактики защиты освобожденных районов к наступательным действиям [19, 248—249].

Во-вторых, система партизанского управления являлась, по мнению военных руководителей, базой длительной освободительной войны. Они сравнивали ее создание по значению со второй революцией, которая привела к организации новой структуры власти. Деревенская администрация и сельское население стали непосредственной опорой государства, «они служат государству, защищают самих себя и занимаются вопросами своего благосостояния и социальной жизни», — говорилось в документе яванского штаба [19, 250]. Эта революция «вглубь», как называли ее военные, привлекла, по их мнению, к участию народ, а падение влияния партий дало возможность сосредоточить усилия народа на выполнении задач антиколониальной борьбы. Армейское руководство считало, что организация новой системы управления, опирающейся на деревенскую администрацию и население, будет иметь большое значение для будущего республики [19, 250—251].

В-третьих, яванское командование полагало, что в условиях того времени нельзя было добиться прекращения боевых действий. В качестве доказательства приводились не только технические причины, но и отрицательное отношение к такому шагу подавляющего большинства армии [19, 247].

Действительно, в вооруженных силах были очень сильны настроения в пользу продолжения партизанской войны. Однако, оказывая нажим на государственных руководителей, яванский штаб в не меньшей мере опасался того, что в результате прекращения вооруженной борьбы и провала переговоров с голландцами неминуемо усилится влияние оппозиционных правительству сил, в первую очередь компартии и партии Тан Малака — Мурбы, а также феодальных элементов, сторонников расчленения Индонезии на неоколониалистскую федерацию штатов [19, 241].

Противопоставление политики левых и консервативных правых сил задачам общенациональной борьбы было весьма характерным для военных, крайне антикоммунистически настроенных после мадиунских событий 1948 г. Хотя власть гражданского правительства на Яве рухнула, представители армейского командования считали себя стоящими к нему несравненно ближе, чем к оппозиции, против которой они боролись вместе с пра-

вительством в прошлые годы. Не случайно даже в момент, когда Сукарно и Хатта были пленниками голландцев, военные по-прежнему верили в сплачивающую роль дуумвирата этих лидеров в национальной жизни [19, 240].

В то же время военное командование давало понять, что оно не отождествляет себя с этой властью полностью. Об этом свидетельствовал характер выдвигаемых им требований. Если гражданские лидеры совершили первую революцию «вширь», на долю военных выпало совершить вторую революцию «вглубь», как бы пытались доказать военные.

Но командованию армии так и не удалось заставить гражданских лидеров выполнить их требования. Возникшие разногласия в офицерском корпусе по вопросу переговоров с голландцами позволили членам индонезийского правительства продолжить контакты с представителями Нидерландов и в итоге прийти к соглашению о признании суверенитета индонезийского государства.

Чисто внешне значение военных политиков упало. Однако именно армии было поручено возродить прежний гражданский порядок. На военных были возложены задачи восстановления власти административных чиновников всех рангов, системы местного управления [19, 162].

Процесс восстановления административной машины индонезийского государства протекал в условиях военного положения. Обстановка в тот период далеко еще не нормализовалась. На Западной Яве и в других районах действовали террористические банды Дар-ул-Ислама. Не прекращались происки голландской агентуры, организовывавшей сепаратистские восстания и мятежи против республики. Объективным следствием военного положения было усиление влияния армии на местную администрацию. Хотя функции военных и гражданских властей были различны, тем не менее они нередко перекрещивались. Мотивируя необходимость сосредоточения власти в единых руках в обстановке военного положения, армейские администраторы пользовались большим влиянием во многих районах, а иногда ставили под фактический контроль гражданскую администрацию.

Развитие вооруженных сил в первой половине 50-х

годов характеризовалось новыми важными тенденциями. Со времени освободительной войны гражданская администрация стала все больше зависеть от военных. Если раньше иерархия властей начиналась прежде всего с представительных органов в районах и осуществлявшей их решения администрации, то после 1949 г. военные власти начали отчуждать многие функции гражданской бюрократии. Армия в районах имела тенденцию к превращению в параллельный административный аппарат республики, независимый от гражданских властей и подчиненный своему командованию.

С особенностью положения армии в стране была связана вторая тенденция в ее развитии в тот период. Она заключалась в перерождении революционного войска. Захват военными влиятельных позиций в районах создал для мелкобуржуазной в своей основе армии невиданно широкие возможности для обогащения ее офицерства, а иногда и сержантского состава. Участие в делах гражданской администрации, временами ее подчинение армии открывало военным путь в привилегированные группы индонезийского общества — в ряды буржуазии, высокопоставленных чиновников, тем более, что сами эти группы во многом зависели от вооруженных сил. Местный торговец или предприниматель всегда искал поддержки, заступничества у военного администратора, за которые он платил весьма щедро. В рядах вчерашних участников освободительной войны интенсивно протекал процесс нарождения нового имущего слоя [4].

Строго говоря, он начался гораздо раньше. Генерал Насутион писал о положении в армии в период революции: «Участие военных в торговле было чрезвычайно грустным явлением... Ею занимались очень многие командиры, начиная с младших и кончая старшими; некоторые вели торговлю в крупных масштабах и имели свои „акционерные общества" и „компании". Это приводило к большому количеству нарушений. Многие запасы сахара, кофе, чая, хины и т. п., принадлежавшие народу и государству, расхищались» [18, 143].

Отдельные военнослужащие ухитрялись еще в годы

[4] На эту тенденцию справедливо обращает внимание американская ученая Рут Маквей в своей весьма содержательной статье, посвященной истории эволюции индонезийской армии [43, апрель, 1971, стр. 152—153].

революционной войны нажить себе целые состояния путем различных махинаций. Так, командир подразделения морской пехоты Дарвиш в течение двух с половиной лет занимался контрабандной торговлей сахаром с Сингапуром и нажил миллионный капитал [46, 10.VII.1948]. Не меньшие прибыли получали некоторые военнослужащие армии и командиры добровольческих частей, выполнявшие патрульные функции в пограничных районах, разделявших боевые позиции голландцев и индонезийцев. Они отбирали рис, сахар и другие продукты у мелких и средних торговцев, направлявшихся из сельских областей в города [46, 17.VII.1948]. Несмотря на запрещение правительства вывозить на территорию, оккупированную неприятелем, более 500 рупий ассигнациями и драгоценные металлы, торговцы обходили этот запрет, уплачивая взятки военным.

В послереволюционный период эти формы «дикого» бизнеса сохранились в вооруженных силах. Недостаток вооружения, аммуниции, продовольствия и т. п. подчас заставляли командиров изыскивать самостоятельные пути снабжения подчиненных. А это ставило их перед необходимостью искать контакта с деловыми кругами, торговцами, всякого рода посредниками, просто спекулянтами. Общение с этой средой не могло не наложить отпечаток на военных, тем более что такие пути обеспечения вооруженных сил открывали широкие возможности для казнокрадства, взяточничества в армейской среде.

Не меньшее значение после завоевания независимости приобрела другая форма обогащения военных. Допуск к административным и прочим постам открыл дорогу для всякого рода неофициальных привилегий, когда служебное положение использовалось в сугубо личных, корыстных целях. Новый социальный статус, обретенный армейским офицерством в результате расширения его административно-бюрократических функций, потребовал приведения его в соответствие с имущественным статусом. В армии происходил тот же самый процесс, что одновременно протекал в гражданском обществе, — нарождение нового класса или, иначе, перерождение прежнего класса мелкой буржуазии. Выходцы из угнетенных колониальным режимом слоев мелкой городской и сельской буржуазии, мелких собственников,

некоторые еще вчера радикальные революционеры получали теплые местечки, обогащались, заводили «дело» и вливались в ряды нового эксплуататорского слоя, который с потрясающей быстротой рос в республике. Раковая опухоль перерождения бывших мелкобуржуазных радикалов все глубже проникала в индонезийскую армию, превращая ее фактически в новую классовую и политическую группировку, требовавшую своего места под солнцем.

В начале 50-х годов в Индонезии происходит новое оживление политической деятельности военных. Если в годы революции армия в лице своего командования не выдвигала открыто требований допустить ее к решению важнейших вопросов государственной жизни, то теперь старшее офицерство все чаще и чаще выступает с подобными требованиями, мотивируя их революционными традициями национальной армии, участием в освободительной борьбе и т. д. [подробнее об этом см.: 72].

Внешне эти требования и претензии звучали почти одинаково: все без исключения офицерские группировки и фракции в сухопутных силах настаивали на признании права военнослужащих принимать участие в политической жизни и важнейших государственных решениях. Однако за ними стояли подчас различные институты. Происходившая параллельно процессу размежевания политических сил в обществе дифференциация в офицерском корпусе наложила свой отпечаток на характер требований отдельных фракций и групп офицерства. Часть военнослужащих вполне искренне считала, что индонезийская революция свернула со своего пути. Они были недовольны малопредставительным характером парламентских институтов, засильем в них деятелей из числа бывшей колониальной администрации, в прошлом сотрудничавших с голландцами. Недовольство этой части офицерства вызывало и общее хозяйственное положение в республике, когда после деятельности ряда правых правительств с особой остротой ощущались последствия колониального господства. Генерал Насутион писал об этом периоде: «Политический кризис, экономический кризис, социальный кризис, военный кризис, кризис власти, моральный кризис, кризис во всех областях. Кризис, который со времени передачи суве-

ренитета все углубляется. В стране неспокойно, уровень жизни народа падает, разногласия растут.

Кажется, все застопорилось. Правительство определенно бессильно овладеть положением, во-первых, потому, что не имеет достаточной поддержки народа (политической поддержки), а во-вторых, в силу неспособности государственных органов» [21, 153].

Часть офицеров считала, что только изменение в самой политической системе в сторону большего авторитаризма может создать предпосылки для решения наболевших проблем. Они критиковали парламентскую демократию, непрекращавшуюся межпартийную «грызню». В числе недостатков политической системы Индонезии некоторые называли неразвитость «планового начала» в государственном руководстве. Власть оказывалась распыленной в руках отдельных министров, принадлежавших к различным политическим партиям. По их мнению, это затрудняло планирование, координацию и контроль в национальном масштабе [21, 20]. Старшие офицеры предлагали сосредоточить власть в единых руках, например президента и армии. Насутион писал о том, что они мечтали о новом введении в действие конституции 1945 г., ибо она вела к полному сосредоточению власти в руках президента [19, 168]. В конституции революционных лет часть офицерства вполне искренне видела в тот период путь к возрождению и осуществлению революционных идеалов.

Наконец, значительная часть офицерства видела в утверждении господства армии в государстве путь к богатству и привилегиям. Оно было представлено в основном выходцами из Внешних островов (например, полковники Симболон, Лубис, Дахлан Джамбек, Вароу). Некоторые из них за время службы на своих территориях превратились в своего рода «царьков», контролировавших экономическую и политическую жизнь на Внешних островах. Эти офицеры вступили в тесный деловой контакт с группировками буржуазии, связанными с экспортной торговлей. Буржуазные перерожденцы или выходцы из семей аристократии и мусульманской буржуазии, они считали, что введение в стране авторитарного режима, опирающегося на военную силу, откроет для них широкие возможности.

Однако ни одна из офицерских фракций и групп не

могла рассчитывать на успех своих выступлений против гражданского правительства без единства армии. Тем не менее все попытки консолидации офицерского корпуса кончались провалом. Во второй половине 50-х годов в вооруженных силах произошел еще более глубокий раскол. Реакционные буржуазные элементы в армии объединились, чтобы дать бой центральному правительству в Джакарте и добиться его свержения. Путчи и мятежи, организованные этими элементами при поддержке правых партий, охватили Внешние острова, привели к столкновениям различных частей вооруженных сил. На их проимпериалистический характер указывал Насутион. Он писал: «Это были единственные в своем роде мятежи, участники которых открыто сотрудничали с заграницей... Подрывные, сепаратистские и контрреволюционные группировки получали (оттуда. — *Р. С.*) огромную помощь... оружием... у них были даже более современные самолеты, чем у Индонезийской республики» [19, 177].

Переход части офицерства на откровенно проимпериалистические позиции в период мятежей 1956—1961 гг. означал углубление процесса размежевания в социальной организации армии. Все наиболее реакционные, собственнические элементы в индонезийской жизни объединились в антикоммунистическом военно-гражданском блоке, чтобы не допустить развития прогрессивных тенденций в индонезийской политике. В тот период большинство в армии во главе с ее главным командованием выступило в защиту целостности страны.

Однако объявление военного положения в Индонезии в связи с разгулом мятежей привело к невиданному в 50-е годы расширению административных функций верных правительству военнослужащих. Многие экономические и прочие государственные организации оказались поставленными под контроль вооруженных сил. Армейская администрация на различных территориях была автономной и не подчинялась гражданским властям [85, 60].

Несмотря на известные различия в положении армии на Яве и Суматре — на Суматре ее влияние в это время было бóльшим, — повсеместно военные наращивали свое влияние, под их контролем оказывались все новые сферы гражданской жизни. Уже к 1958 г. воен-

ные контролировали повседневное гражданское управление на 80% территории страны. Около 4 тыс. офицеров было направлено в сферу экономики для управления взятой под контроль голландской собственностью. Представители армии установили контроль над импортно-экспортными операциями, поставками и распределением риса, всеми видами транспорта [62, 220].

С возвращением в 1959 г. к конституции 1945 г., законодательно оформившим переход к «направляемой демократии», статус вооруженных сил как равноправных участников государственного управления получил и юридическое признание. Минуя государственный переворот как способ достижения власти, индонезийские военные уже в тот период оказались одним из ее решающих элементов наряду с гражданской бюрократией.

Усиление вмешательства военных в дела государственного управления и в первую очередь сосредоточение в их руках огромных экономических функций имели в результате последствия двоякого рода.

Во-первых, армия окончательно превращалась в важнейший канал социальной мобильности, продвижения в имущие слои. Если раньше военные незаконно использовали в целях личного обогащения свое влияние в ряде районов, с введением военного положения они могли это делать почти свободно и в невиданных ранее широких масштабах.

Во-вторых, следует учитывать, что активное вовлечение армии в административные, экономические и политические дела происходило в период, когда размежевание в офицерском корпусе, вызванное мятежами, достигло апогея. Верные центральному правительству, одним из важнейших элементов которого они являлись, военные руководители по существу повернули оружие против своих вчерашних коллег, с которыми они вместе сражались против голландцев в годы революции. Подчас с помощью левых организаций армия занималась подавлением наиболее реакционных проимпериалистических группировок из гражданской и военной среды [43, 1970, № 9, стр. 32].

Однако союз между национально-патриотическими силами в обществе и военными не мог быть установлен. Поставленное в привилегированное положение индонезийское офицерство стремилось форсировать процесс ук-

репления своего влияния, а вместе с ним и обогащения. В офицерском корпусе крайне усилился процесс перерождения вчерашних радикалов. Выходцы из рядов революционного поколения молодежи 1945 г., они, как и их соотечественники из гражданских группировок, заняли важное место в правящей под эгидой Сукарно коалиции различных политических сил.

Хотя в индонезийской армии в прошлом и были сильны антиимпериалистические настроения, со времени ее признания в качестве равноправной политической организации они сильно видоизменились. В устах вчерашних мелкобуржуазных радикалов в военной форме терминология революционных лет, призывы к завершению революции носили все более демагогический характер. Культ армии как особой военной и социальной силы, популяризировавшийся некоторыми военными идеологами, в первую очередь Насутионом, по существу стал оправданием ее привилегированных позиций в складывавшейся в конце 50-х годов системе гражданско-военного правления. Если военные лидеры выступали против коррупции, взяточничества, казнокрадства и прочих зол, то при этом речь шла обычно о гражданских. В то же время они покрывали нарушителей законности из собственной среды. В этом отношении весьма показательно нашумевшее Танджунгприокское дело (Танджунг Приок — название порта в Джакарте), связанное с участием ряда высокопоставленных офицеров сухопутной армии в незаконной экспортной торговле. Хотя левые организации совершенно справедливо подвергли критике коррупционеров в военной форме, за них вступился командующий сухопутной армией генерал Насутион. Дело было замято, а виновные так и не понесли наказания [78, 271—272 и 354]. Военные лидеры всеми силами пытались сохранить в глазах широкой общественности героический революционный образ вооруженных сил — «хранителя и защитника интересов народа и нации».

Превращение сухопутной армии в мощную политическую группировку в конце 50-х — начале 60-х годов означало появление нового полюса в системе власти. При этом его значение возрастало, учитывая гигантское расширение влияния военных в административно-хозяйственной сфере. Военные выдвинулись на передний план

не просто как новая политическая группировка, олицетворявшая чаяния буржуазии «новой формации». В отличие от различных партий и института президентства, имевших далеко не полное влияние в министерствах и в госаппарате в целом, армия выступала как некая «третья сила», становившаяся подлинно «государственной» партией. Ей удалось то, что не получалось ни у одной из гражданских политических организаций за время существования республики, — поставить под контроль госаппарат. В свою очередь это привело к усилению надзора армии над гражданскими организациями, всем общественно-политическим движением.

В начале 60-х годов в зависимость от вооруженных сил попадали все новые политические группировки. Ни одна из правых партий не могла рассчитывать на успех в противоборстве с растущей мощью индонезийской компартии, если она не получала поддержки армии. Единственно, кто сохранял относительную независимость в тот период, был президент Сукарно. Растущий антагонизм между левыми партиями и крупнейшей из них, КПИ, с одной стороны, и армией — с другой, временно позволял Сукарно лавировать между противостоящими друг другу лагерями. Однако особенностью позиции Сукарно со времени перехода к режиму «направляемой демократии» было то, что главной силой, открывшей ему путь к полудиктаторской власти, стала армия. Сама идея перехода к конституции 1945 г., по свидетельству некоторых авторов, была подана ему Насутионом [85, 242]. И хотя в начале существования режима выгоды от перехода к новой системе получили в первую очередь президент и его окружение, в рамках полуавторитарной системы правление ее основателя в огромной степени зависело от силы, которая олицетворяла этот авторитаризм. Ею была армия. Однако не та армия, которая в лице своего командования еще несколько лет назад боролась за признание в качестве политической силы, а другая, в полной мере осознавшая свое могущество, свою способность стать практическим творцом нового режима. Это означало, что высшее офицерство не остановится на достигнутом. Его не устраивает сложившийся статус-кво в «треугольнике»: Сукарно — армия — компартия (политические партии).

Начиная с 60-х годов высшее офицерство сухопутных

сил повело кампанию по сколачиванию нового политического блока. Несмотря на попытки Сукарно «переделить» и перестроить существующие институты, чтобы еще больше распылить многие функции власти среди самых различных группировок, имущие элементы изыскали возможность найти друг друга и установить контакты. Их покровителем становится армия, значительная часть офицеров-администраторов в центре и на местах.

Сотрудничество правых группировок поддерживалось двумя способами. С одной стороны, несмотря на запрет в 60-е годы крупнейшей правобуржуазной партии Машуми и Социалистической партии, их участники продолжали занимать видные посты в госаппарате, в различных министерствах. Сильным было влияние в госаппарате и других легально действующих буржуазных партий. Расширение административной деятельности членов вооруженных сил позволило им вступить в сотрудничество с местными властями [44, 1968, январь, стр. 43]. В годы «направляемой демократии» военный администратор, глава местного управления, судья и ряд других чиновников составляли весьма тесный круг должностных лиц, контролировавших жизнь районов. Эта многосторонняя форма правления на местах, отражавшая в более широком плане взаимоотношения между различными политическими и бюрократическими институтами в масштабе страны, имела тенденцию к все большему росту засилья в ней военщины. Но до событий 30 сентября 1965 г. так и не было четко определено, какой институт несет главную ответственность в управлении. Тем не менее связи между гражданской и военной администрацией во многом оставались неясными, сферы их деятельности — плохо разграниченными. Это приводило к массе нарушений и дублированию функций [85, 61].

С другой стороны, вмешательство военных в экономическую, политическую и социальную жизнь районов и, как следствие этого, взаимопереплетение функций гражданских и военных чиновников при всем несовершенстве этого альянса сблизило их друг с другом. Во всех вопросах, связанных с угрозой привилегированному положению гражданских и военных бюрократов, критикой прогрессивными организациями пороков существующего режима, гражданские и военные чиновники вы-

ступали сообща, подавляя рабочее и крестьянское движение, препятствуя развитию инициативы масс.

Накануне событий 30 сентября 1965 г., когда в стране резко усилилось классовое противоборство между компартией, с одной стороны, и буржуазно-бюрократическими, а также буржуазными силами — с другой, возникла форма и чисто политического сотрудничества между военными и гражданскими буржуазными группировками. Так называемое Общество защиты сукарноизма (руководители Общества называли учение Сукарно сукарноизмом), созданное правыми партиями при содействии армейского командования в 1964 г., явилось одним из конкретных проявлений такого сотрудничества [54, 74—75].

В результате размежевания классовых сил в первой половине 60-х годов армия заняла правый фланг в оппозиции «направляемой демократии». Взаимопритяжение различных буржуазных и буржуазно-бюрократических элементов было вызвано не только субъективными причинами, когда каждый партнер антикоммунистической коалиции искал себе союзника, чтобы совместно противостоять компартии и следовавшим за ней народным организациям. В его основе лежали более глубокие причины классового свойства. Несмотря на противоречия, различия в подходах к решению политических и прочих проблем, правые силы питала в тот период в общем одинаковая социальная среда, связанная с прогнившим буржуазно-бюрократическим аппаратом, административно-политической иерархией, со всеми буржуазными собственническими элементами. Классовая природа правых группировок предопределила характер целей реакционной оппозиции, которые ей удалось реализовать уже после падения «направляемой демократии». В основе их лежали воинственный антикоммунизм, ориентация на развитие капитализма в тесном союзе с иностранным капиталом.

Сфера политической активности военных

При всем своеобразии и отличиях процесса вовлечения в политическую жизнь двух армий — пакистанской и индонезийской он характеризовался рядом общих моментов.

Во-первых, приобщение высшего и старшего офицерства к государственно-административной деятельности, политическому управлению обществом протекало в обстановке постоянных кризисов и социальных потрясений, преодоление которых осуществлялось при помощи вмешательства вооруженных сил. Хроническое военное и чрезвычайное положение, слабость гражданского аппарата управления — таковы общие предпосылки вовлечения военной верхушки во внутриполитическую борьбу. По мере того как правящая власть оказывалась все более зависимой от исполнительного аппарата, возрастали амбиции военных, их противоречия с правительственным руководством. Независимо от того, было ли войско связано по происхождению с колониальной или революционной армией, сосредоточение функций поддержания так называемого «порядка», «внутренней безопасности» в руках военных уже в рамках гражданского режима вело к превращению их в мощную вполне самостоятельную политическую группировку.

Во-вторых, формирование политических амбиций военщины в Пакистане и Индонезии протекало в обстановке хронического кризиса правления буржуазных и феодально-буржуазных классов. Олицетворяемое буржуазно-демократическим представительным режимом, оно оказалось на определенном этапе внутренне бесплодным и обреченным. Часть этих классов — высшее и старшее офицерство — начинает тяготиться существующей политической системой, рассматривая ее как неэффективную. Причем как в пакистанской, так и в индонезийской армиях недовольство ею не означало коренного отрицания господствующего социально-экономического строя. Выходцы приблизительно из тех же слоев, что и руководители буржуазно-помещичьих или мелкобуржуазных партий, военные лидеры в первую очередь думали об изменении политического режима при сохранении существующих эксплуататорских отношений.

В-третьих, по мере углубления кризиса буржуазной и буржуазно-помещичьей власти в кругах политического руководства Пакистана и Индонезии усиливались авторитарные настроения. Идея авторитарного правления почти одновременно зарождается в умах гражданских и армейских политиков, убедившихся в неспособности либерально-буржуазной парламентской системы нор-

мально функционировать. В Пакистане с идеей авторитарной или полуавторитарной власти выступали ряд политических деятелей Мусульманской лиги и генерал Айюб-хан, в Индонезии — президент Сукарно и генерал Насутион, в Бирме — бывший премьер времен японской оккупации Ба Мо и группа правых офицеров (Аун Джи и др.).

Стремление к установлению «сильной власти» может иметь различную классовую подоплеку у «гражданских» и «военных». Однако пока военные не почувствуют себя достаточно сильными, чтобы самостоятельно навязать стране «централизованный» режим, они склонны вступать во временные коалиции с политическими деятелями, имеющими сходные взгляды. В Пакистане такой союз возник в 1954 и 1958 гг., в Индонезии — в конце 50-х — начале 60-х годов.

В-четвертых, приобщение высшего офицерства Пакистана, Индонезии, а также ряда других стран Востока к политической деятельности происходило в основном не через ее традиционную сферу — общественно-политическое движение. Если в период революции и сразу после независимости военнослужащие и участвовали в нем, в дальнейшем такое участие становится редкостью. Армия превратилась в бюрократический институт, а общественно-политическая деятельность стала исключительной монополией партий и прочих негосударственных организаций.

В ряде стран уже в рамках гражданских режимов государственно-административная, распорядительная деятельность становится основной сферой в политической активности офицерства. Именно через нее происходит его приобщение к политике, активное вовлечение в жизнь гражданского общества. В первую очередь это касается армий, возникших в годы освободительных войн. Так, Армия национального освобождения Алжира принимала активное участие в создании различного рода служб, занимавшихся гражданскими делами: от помощи жертвам войны до вопросов пропаганды и информации среди гражданского населения [74, 108]. Весьма велики были административные полномочия бирманских военных. Со времени начала гражданской войны в конце 40-х годов армия приняла на себя функции управления во многих районах. Выше мы видели,

насколько значительными административно-политическими функциями обладала индонезийская армия на всем протяжении своей истории.

Можно говорить о нескольких видах государственно-административной деятельности военных в странах Востока. Почти повсеместно армия участвует в поддержании «порядка», «внутренней безопасности», под которыми обычно подразумеваются осуществление репрессивных полицейских функций, борьба против сепаратистских движений и восстаний, подавление оппозиции. Армии Индонезии, Пакистана, Судана и ряда других государств всегда принимали и принимают широкое участие в такого рода деятельности.

В Индонезии, Бирме, Пакистане военные занимались вопросами повседневного государственного управления, контролировали работу гражданской администрации. Члены армии использовались в роли экспертов при гражданских учреждениях и агентствах. Военные подчас сосредоточивали в своих руках настолько широкие контрольные функции, что гражданское чиновничество оказывалось фактически зависимым от них. В чрезвычайных ситуациях, в условиях развала гражданской власти армия могла иногда выступать по существу в роли гражданской администрации, а офицеры играли одновременно роль военных и гражданских руководителей.

Широкое распространение получила в странах Азии и Африки форма «невоенной» деятельности армии под названием «гражданской миссии» («сивик мишн»). Например, в Пакистане армия участвовала в борьбе с наводнениями, набегами саранчи, занималась распределением продуктов питания среди пострадавшего от голода населения. В Индонезии армия ведет строительство некоторых мостов, дорог, а также мелких предприятий, мастерских. Характер выполняемых работ в рамках «гражданской миссии» может быть различным. Однако обычно он связан с областью инфраструктуры, в создании которой заинтересованы военные.

«Сивик мишн» редко носит альтруистический характер. В Индонезии военные использовали «гражданскую миссию» в пропагандистской кампании против компартии в первой половине 60-х годов, выпячивая так называемую «социальную роль» вооруженных сил. В дейст-

вительности же объем работ, выполняемых индонезийской армией в гражданском секторе, был крайне невелик и не представлял сколько-нибудь значительного вклада в экономику. Стремлением усилить влияние и авторитет армии среди гражданского населения нередко руководствовались и пакистанские военные, участвуя в борьбе со спекуляцией и т. п. Не случайно политики в Пакистане опасались чрезмерного участия вооруженных сил в таких операциях, ибо видели в действиях армии угрозу конкуренции с ее стороны. Муким-хан назвал эти опасения «политической завистью» [11, 172].

К государственно-административной деятельности армии относятся также те ее виды, которые направлены на создание необходимых для военных нужд предприятий, агентств, фирм. Принимая во внимание тот факт, что они нередко обслуживают гражданское население, можно говорить о взаимосвязи военного и гражданского сектора в области материального производства, торговли и т. д.

Важнейшей областью государственно-административной деятельности военных является участие в работе правительства. Далеко не сразу гражданские власти пришли к выводу о необходимости включения в состав кабинетов представителей вооруженных сил. В ряде стран стоявшие у власти буржуазные и буржуазно-помещичьи партии особенно противились этому. Они видели в допущении высших офицеров на правительственные посты фактическое поощрение политической деятельности военных. Но допущение армейского офицерства к кнопкам управления было неминуемым, ибо армия все чаще начинала играть роль решающего фактора во внутренней политике. Национальные правительства были вынуждены сделать первый шаг — позволить военному деятелю занять пост министра обороны. На этом иногда прямо настаивало высшее офицерство, считавшее, что гражданские власти некомпетентны в ведении военных дел. Там, где роль военных со времени провозглашения независимости была велика и от их поддержки зависело существование гражданских кабинетов, участие старших офицеров в правительстве было вполне закономерным. Так, в первом правительстве независимого Алжира пост министра обороны занимал полковник Хуари Бумедьен. Помимо этого он был тесно связан со

службами, занимавшимися вопросами гражданского управления [80, 195].

Допущение военнослужащих в гражданские правительства не вело к усилению гражданского контроля над вооруженными силами. Занимавший министерский пост офицер был не столько представителем самого правительства, сколько представителем армии в нем. Тем более он обычно продолжал сохранять тесный контакт с армией и контроль над нею как командующий. А это означало, что гражданские власти всегда стояли перед угрозой несогласия военных деятелей с проводимой политикой. Так оно неоднократно и случалось, как свидетельствует алжирский, бирманский, индонезийский, пакистанский опыт. В ряде стран по мере все большего вовлечения армии во внутриполитический процесс изменялось положение военных лидеров в правительственной иерархии. Они назначались на новые ответственные посты, что вело к дальнейшему усилению позиций военной верхушки в правящих кругах.

Существуют определенные различия в форме осуществления государственно-административной деятельности офицерства. Профессиональная этика, специфика происхождения и некоторые другие моменты наложили отпечаток на характер вмешательства военных в гражданскую сферу деятельности. Для армий, возникших в годы революционных войн, было характерным широкое участие военнослужащих всех рангов в хозяйственной и политической жизни. Опыт Индонезии, о котором шла речь выше, очень показателен в этом отношении. Однако он далеко не единственный. Сразу после провозглашения независимости Алжира офицеры и сержантский состав Армии национального освобождения приняли широкое участие во всех общегосударственных мероприятиях: полевых работах, кампаниях лесопосадок, уборке урожая, создании сети общеобразовательных школ, оказании медицинской помощи населению, народных стройках, в общественных работах. Военные отдали в гражданский сектор 60 тыс. «джунудов», бывших бойцов Армии национального освобождения, деятельность которых в хозяйстве направлялась армейскими службами. Столь широкий диапазон гражданских функций военнослужащих привел к вовлечению членов офицерского корпуса и рядового состава в гражданские дела.

В этом, по-видимому, еще сказалась традиция революционных лет, когда участники армии принимали самое широкое участие в помощи гражданскому населению в период партизанской войны.

Иначе обстояло дело в армии Пакистана и в других аналогичных по происхождению армиях. Их руководители в гораздо большей мере полагались на гражданский бюрократический аппарат. Массовое участие членов вооруженных сил в тех или иных мероприятиях не было характерным для армии. Так, периодическое введение военного положения в ряде районов Пакистана в 50-е годы обычно протекало при содействии местной гражданской администрации, которая фактически продолжала функционировать, но под прикрытием военных патрулей [11, 183]. Кампании же по борьбе с голодом, наводнениями были эпизодическими, рассчитанными лишь на временное использование вооруженных сил.

ГЛАВА III

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА НА СОВРЕМЕННОМ ВОСТОКЕ

Партия и армия

Независимо от степени вмешательства вооруженных сил в жизнь гражданского общества уже в 50-е годы армия во главе со своим командованием превратилась в мощную политическую группировку в ряде молодых государств (в частности, в Индонезии, Пакистане, Бирме, Сирии). Будучи участниками внутриполитической борьбы, военные выступили в роли серьезного конкурента влиятельных партий буржуазии. Большинство этих партии существуют с колониальных времен, имеют огромный политический опыт борьбы против колониализма, за признание национального суверенитета. Почему же сравнительно молодая и далеко не всегда по-настоящему спаянная организация — армия — оказалась способной подорвать, а впоследствии и сокрушить монополию на власть буржуазных и буржуазно-помещичьих партий? Чтобы ответить на этот вопрос, недостаточно исходить только из того, что представители армии располагают монополией на военную силу, хотя последняя и олицетворяет политическую мощь армии. Существуют, однако, ситуации, когда ее оказывается недостаточно, чтобы армия смогла навязать свою волю стране. По-видимому, необходимо говорить не только об армии, но и о других элементах политической организации общества, особенностях их природы и положения

в государстве, чтобы ответить на вопрос: почему армия?

Важнейшим элементом политических систем развивающихся стран являются партии. Они стали первыми организациями, в которых с наибольшей определенностью оформились основные классовые тенденции развития местного общества. Во многих афро-азиатских государствах после провозглашения независимости наблюдается картина массового появления партий, образования многопартийных систем. Даже там, где в самом начале были предприняты попытки установления однопартийных буржуазных или буржуазно-помещичьих режимов, в конечном счете они оканчивались неудачей. На первый взгляд монолитные организации оказывались не более чем временными союзами подчас разнородных классовых сил, возникших в целях достижения национальной независимости. Продолжительность существования этих союзов могла быть большей или меньшей в конкретных случаях.

Однако, как показывает исторический опыт, они неминуемо заканчивались размежеванием внутри участников единой организации, в результате которого появлялись новые и новые партии. Этот процесс «деления», дробления крупных буржуазно-помещичьих, буржуазных и мелкобуржуазных партий начался еще в колониальную эпоху. С достижением же национальной независимости и усилением классового размежевания он еще более активизировался.

Дробление и связанное с этим сокращение влияния партий господствующих классов в ряде развивающихся стран в 50-е годы было вызвано в первую очередь слабостью этих классов. История развития Бирмы, Индонезии и некоторых других стран показывает, насколько разобщенными, неспособными к внутренней консолидации оказались враждовавшие между собой буржуазные партии этих стран. Частая смена кабинетов, возникновение и распадение коалиций правящих партий, отсутствие единства в выработке общей линии во внутренней и внешней политике — все это резко подрывало позиции и престиж политических партий эксплуататорских классов во многих молодых государствах.

Другой важной причиной сокращения влияния и деградации партий местных господствующих классов бы-

ла чрезвычайная узость их классовой основы. Партии национальной буржуазии и помещиков фактически были верхушечными образованиями, объединявшими узкую группу связанных с этими социальными классами лидеров и активистов. Несмотря на весьма внушительные многотысячные и даже миллионные списки членов, подавляющее большинство из них являлись не более чем статистами, активность которых проявлялась в лучшем случае во время избирательных кампаний. О том, как вербовались сторонники буржуазных партий, неплохое представление дает следующий факт: в период подготовки всеобщих выборов в индонезийский парламент в 1955 г. местные руководители Национальной партии уплачивали главам подрайонов определенные денежные суммы, чтобы они обеспечили то или иное число избирателей в пользу организации [45, 1968—1969, № 4, стр. 502].

Слабость буржуазии в ряде стран сказывалась также и в материальном положении партий. В этой связи небезынтересно кратко остановиться на источниках финансирования их деятельности.

Большинство буржуазных и в меньшей мере мелкобуржуазных партий основную часть финансовых средств получало за счет добровольных взносов местных деловых кругов. Формировавшийся национальный капитал делал на партии весьма серьезную ставку еще в колониальный период, рассчитывая использовать их в качестве проводников своих интересов, защитников прав и привилегий местной буржуазии. Для этого практиковалась система «даров» или «пожертвований», которая продолжает существовать и после независимости.

Другим источником финансирования деятельности партий являются их доходы от различного рода изданий. Ряд национальных, как, впрочем, и иностранных, компаний и фирм могут использовать партийную прессу в собственных деловых целях путем публикации рекламы и т. п., что служит дополнительным доходом для партийной кассы.

Менее важный источник партийных средств составляют взносы и сборы с заработной платы членов партий. Дело в том, что в странах Востока не всегда представляется возможным обложить регулярными денежными взносами малосостоятельные городские и сельские

низы. Их вступление в партии бывает вызвано подчас не столько верой в правильность той или иной партийной программы, сколько общим националистическим подъемом, в условиях которого многие из них пополняют партийные ряды, не осознавая, каковы подлинные цели партийного руководства. Слабость классового самосознания часто толкает мелкобуржуазные массы именно в те партии, которые меньше всего заботятся об интересах угнетенных слоев. Не связанные партийной дисциплиной, не уплачивая регулярные взносы, такие члены остаются внутренне безучастными к судьбе партии, в которой они формально состоят или за которую голосуют.

Перечисленные выше источники финансирования в редком случае позволяют буржуазным и мелкобуржуазным партиям прочно встать на ноги. Слабость местной буржуазии, неспособность массовых членов уплачивать взносы, зависимость партий подчас от внешних источников финансирования заставляют их с особой надеждой взирать на возможность обретения дополнительных средств за счет государства. Путем к этому является политическая власть. Так, специалист по развивающимся странам П. Ворсли пришел к выводу о том, что в отличие от стран Запада в молодых государствах «богатство рождается из политической власти», а не власть из богатства. По его мнению, все прочие пути обретения богатства, престижа и власти здесь строго ограничены [102, 192—193].

Мнение П. Ворсли не лишено основания. Речь может идти о двух типах партий: сложившихся и претерпевающих процесс становления. Им соответствуют два типа социальных структур — развитая и относительно неразвитая. Последняя характеризуется тем, что современные классы — буржуазия и пролетариат — еще окончательно не сформировались. Местная буржуазия, ее различные слои стремятся использовать политическую организацию в целях ускорения своего роста. Они испытывают необходимость в сильной, консолидированной партии, способной утвердить у власти господство той или иной группы буржуазии. Поэтому пребывание своих представителей в правительстве, на ответственных постах в министерствах лидеры партии пытаются использовать с пользой для укрепления партийной ор-

ганизации за счет присвоения части государственных средств. История развития политических партий в странах Востока изобилует примерами такого рода.

Однако сложность финансирования партий за счет государства заключается в том, что подобная система всегда является противозаконной. Она вызывает критику как со стороны членов коалиции правящих партий в условиях коалиционного правления, так и со стороны оппозиции, обвиняющей правительственную администрацию в коррупции и расхищении государственных средств.

Слабость буржуазных и мелкобуржуазных партий заключается также в аморфности их организационной структуры. Возникшие подчас как массовые объединения, включавшие различные социальные элементы, они редко консолидировались в устойчивые организации со строгой дисциплиной, четкими уставными принципами. Некоторые из них даже не имели своей программы. В тех случаях, когда программы и зафиксированные требования имеются, они часто составляются таким образом, чтобы привлечь возможно более широкое число приверженцев. Партийное руководство стремится любым путем обеспечить себе поддержку. Однако положения программ сплошь и рядом не выполняются, а посулы и обещания народу забываются после выборов, что ведет к дальнейшей дискредитации правления буржуазии и связанных с нею классов в глазах широких масс и прежде всего рядовых членов партий.

Слабости партийной системы многих развивающихся стран весьма отчетливо видны на фоне иного типа политической организации, возникшей уже после завоевания этими странами независимости. Такой организацией в определенной группе стран является армия в лице ее офицерского корпуса.

В отличие от политических партий вооруженные силы с самого начала возникли как зачаток государственной организации. Если внутри партий по мере углубления классовой борьбы происходило размежевание, партийная система становилась все более «дробной», в большинстве армий стран Азии и Африки развивался противоположный процесс — консолидации войска, превращения партизанской иррегулярной армии (где она была таковой) в профессиональную. Поляризация сил в национальной армии могла стать причиной обо-

стрения взаимоотношений и противоборства между различными офицерскими группировками. Однако она всегда протекала в рамках института, в котором единство рассматривается в качестве обязательного условия его существования. Армия — это не политический клуб, в котором тот или иной лидер имеет право собрать сторонников и выделиться в отдельную организацию. Не случайно любая офицерская фракция, не согласная с политикой армейского руководства или с существующей властью, всегда выступает от лица всей армии, так же как, впрочем, и ее противники. Армия должна быть всегда единой, руководствоваться строгой дисциплиной и соблюдать субординацию. Таково уж ее существо, как и любой другой государственной организации. В то же время это свойство как раз и позволяет ей стать гораздо более стабильным классовым институтом.

Неразвитость классовой структуры находит в армии некую «компенсацию», которая позволяет заменить естественноисторические связи и отношения их суррогатом — организационными, дисциплинарными связями. Отсюда фактором огромной важности для судеб всей нации становится классовая природа руководства самих вооруженных сил.

Преимущество армии перед политическими партиями ясно видно, если сравнить источники финансирования партий, ограниченные и не всегда надежные, с источниками существования армии. Последняя — государственная организация, и денежные средства она получает целиком из госбюджета. Ее не беспокоит деловая конъюнктура, финансовая сила буржуазии. При всех режимах государство обязано содержать армию, если оно намерено защищаться. Как мы видели, оно вынуждено содержать ее и в интересах сохранения так называемого «порядка». По крайней мере, гражданские руководители должны поддерживать необходимый «средний» уровень в материальном обеспечении военнослужащих, если они хотят, чтобы армия не вышла у них из-под контроля. Опыт ряда стран Востока показывает, как всякое урезывание средств на вооруженные силы, сокращение расходов на военную технику и все необходимое для «войны» ведет к росту недовольства в командовании.

Другими словами, в отличие от партий армия на

Востоке является институтом, существование которого оплачивает не какая-то одна классовая группировка, а вся нация.

Выше уже говорилось о совсем иных организационных принципах, которые отличают партии и армию. Однако необходимо указать, что в странах, вооруженные силы которых выросли из партизанских или полупартизанских войск, для армии в самом начале была характерной организация, напоминавшая по своему устройству гражданские политические организации. Например, в первые годы революции в армии Индонезии существовала выборность командного состава. Генерал Насутион описывает одну из армейских конференций, на которой избирался не только главнокомандующий, но и... министр обороны [20, 157]. Однако по мере интеграции армии в складывающийся государственный механизм пути партий и военного института разошлись. Военные стали частью государственной бюрократии, которая подчинялась иному уставно-правовому кодексу, чем другие политические организации. Отличалась она и от прочих гражданских учреждений, ибо характер ее иерархии и дисциплины был несравненно более жестким. А это означало, что политически активное офицерство с гораздо большим успехом могло использовать армию в своих политических целях.

Автономность армии в политической системе

Существует еще один фактор большой важности, предопределивший отличное от партий положение армии в политической системе. Вооруженные силы ряда развивающихся стран — это не просто политический и военный институт в рамках существующего «гражданского» государства. Представители армии в ряде случаев создали при военном организме особый экономический организм, способный удовлетворять различные нужды вооруженных сил, начиная от военного снаряжения до продуктов питания. Армия попыталась как бы отгородиться от вековой отсталости искусственным барьером из своих собственных предприятий, фирм, кооперативов.

Экономическая активность армии была вызвана в значительной степени слабостью самого «гражданского»

государства, которое оказалось неспособным в полной мере удовлетворить насущные нужды вооруженных сил. Опыт Индонезии, например, показывает, как военные были постоянно вынуждены дополнять усилия гражданских правительств по обеспечению армии всем необходимым своими собственными усилиями.

В попытке обеспечить нужды армии военные часто прибегают к помощи частного капитала. Так, в Пакистане с начала 50-х годов армейские руководители вступили в контакт с предпринимателями, стремясь поставить их деятельность на службу вооруженным силам. Муким-хан указывает, насколько сложной была задача переключить внимание деловых кругов на производство изделий «определенного стандарта и качества». Обслуживать армию не считалось особенно доходным предприятием среди местных бизнесменов. Поэтому когда «призывы к патриотизму» не давали результатов, на бизнесменов оказывалось давление с целью обеспечения интересов вооруженных сил [11, 215].

Поведение деловых кругов Пакистана в вопросе производства необходимой продукции для вооруженных сил весьма показательно. Руководствуясь своими узкоэгоистическими интересами, они проявили исключительную близорукость и нередко были готовы пренебречь нуждами той силы, которая впоследствии как раз и спасла эксплуататорские классы. Аналогичную позицию занимала буржуазия Бирмы и Индонезии, хотя ее роль в обеспечении армейских нужд была менее значительной.

Таким образом, слабость государственного сектора, с одной стороны, слабость и недоверие частнопредпринимательской буржуазии к армии — с другой, и заставили военных ряда афро-азиатских государств в значительной мере полагаться на свои собственные усилия. Остановимся кратко на опыте нескольких армий Востока в хозяйственно-предпринимательской деятельности в целях снабжения вооруженных сил.

По традиции, ведущей происхождение из опыта колониальной индийской армии, вооруженные силы Пакистана всегда владели животноводческими, сельскохозяйственными и молочными фермами. Это были, так сказать, образцово-показательные фермы в условиях Пакистана. Их продукция обеспечивала нужды вооруженных сил, а ее излишки реализовались на свободном

рынке. В частности, военные полностью удовлетворяли за счет своего хозяйства потребности в молоке. Часть его шла на армейские маслобойные предприятия [11, 212].

Муким-хан писал в начале 60-х годов: «В настоящее время в руках армии находится под обработкой 60 тыс. акров земли, а генерал-интендант, по-видимому, является крупнейшим лендлордом в стране после недавней земельной реформы» (имеется в виду реформа 1959—1960 гг. — *Р. С.*). На этих землях выращивались пшеница, хлопок, рис и прочие культуры. В распоряжении армии были также рыборазводные пруды [11, 212—213].

Пакистанская армия осуществляла непосредственный контроль за производством военных материалов. По распоряжению военного командования недалеко от Равалпинди создан военный городок, в котором на различных заводах производится необходимое для вооруженных сил снаряжение [93, 293—294].

Не менее показателен опыт армии Бирмы, в которой после завоевания независимости предпринимались попытки создания армейского хозяйственного комплекса. В 1951 г. здесь возник Институт вооруженных сил, который занимался вопросами снабжения личного состава армии. К началу 60-х годов он разросся в целую корпорацию, получившую название Компания экономического развития Бирмы (КЭРБ). Последняя функционировала как частная акционерная компания, хотя и считалась государственной собственностью [60, 253]. В то же время она имела права и привилегии государственной организации и использовала правительственные фонды. КЭРБ успешно развивалась благодаря преференциям на импортные лицензии и монополии сбыта. Ее дочерние предприятия действовали почти во всех областях экономики, в том числе в производстве стали, цемента, в фармацевтике, судоходстве и т. д. Активы КЭРБ превышали 132 млн. чжа [60, 173—174]. Деятельностью компании руководили военнослужащие, находившиеся на действительной службе, и демобилизованный, но связанный с армией персонал.

КЭРБ была не просто полугосударственным предприятием при вооруженных силах. По существу она явилась детищем обуржуазившейся части бирманского офицерства, которое пошло на создание монополии,

обеспечивающей как нужды армии, так и нужды офицеров-бизнесменов. Характерно, что во главе нее стоял военнослужащий в генеральском чине, видная фигура в армейской иерархии до 1963 г., бригадный генерал Аун Джи.

Весьма примечательна история хозяйственной активности алжирской армии, в распоряжение которой после Эвианских соглашений 1962 г. было передано имущество, оставленное французской армией (административные здания, госпитали, казармы, различные базы). В руки военных попали также земли, брошенные французскими колонистами. Журналист А. Хумбараши указывал на то, что во владении вооруженных сил находятся значительные земельные площади [79, 228]. На них были созданы образцовые фермы и кооперативы, предприятия по переработке продукции сельского хозяйства и сеть магазинов для их реализации. Как и в армии Пакистана, значительная часть этой продукции шла на удовлетворение нужд семей военнослужащих, а излишки — на продажу гражданскому населению. Вырученные средства поступали в армейский бюджет. Армия имела свои клубы, типографии.

О хозяйственно-предпринимательской активности индонезийской армии говорилось в предыдущей главе. Здесь хотелось бы только указать на то, что в Индонезии армия еще до прихода к власти поставила под свой контроль хозяйственную жизнь государства, широко использовала государственный сектор в своих целях.

Опыт хозяйственной деятельности бирманской, индонезийской, пакистанской и ряда других армий показывает, что всякая деловая активность в интересах вооруженных сил обычно тесно переплетается с участием в бизнесе в собственных корыстных целях части армейского персонала. При этом скромное социальное происхождение офицерства не является гарантией от возможной эволюции военнослужащих в новую группу буржуазии. Обладание широкими бюрократическими функциями в различных областях хозяйственной жизни дает возможность военнослужащим использовать свое положение в целях личного обогащения, перекладывания в собственный карман значительных денежных средств. Прикрываясь интересами армии, защитой национальной безопасности, патриотизмом и прочими демагогическими

заявлениями, обуржуазившиеся элементы среди военных подчас так сочетают институционные интересы с частнокапиталистическими, что они вполне «гармонично» уживаются друг с другом. Опыт ряда стран воочию показывает, насколько благодатной почвой для появления «военной» разновидности буржуазии может оказаться армия, причем образование этого особого слоя происходит обычно параллельно формированию слоя капиталистов-бюрократов в гражданской среде. В этих условиях армии угрожает опасность превратиться в псевдовоенную организацию, основная задача которой будет стимулировать развитие и рост «старой» буржуазии и ее новой бюрократической разновидности из военной среды. Пример армии Таиланда, где произошло превращение армии в военно-бюрократическую корпорацию со «своими собственными интересами», т. е. с интересами военно-бюрократической буржуазии, весьма показателен в этом отношении.

Правда, армия Таиланда является скорее исключением, чем правилом. В большинстве афро-азиатских армий, несмотря на существующую тенденцию военно-бюрократического перерождения, этот процесс не зашел столь далеко в силу молодости армий и протекающей в них классовой дифференциации.

Но факт остается фактом: в ряде стран Востока автаркические черты военного института в рамках всего государственного организма создают объективную базу для его самоопределения в качестве полуавтономной организации в политической системе. Можно согласиться с мнением М. Джановитса, который усматривает зависимость между способностью военных выступать в качестве «партнера по политической коалиции» и их собственной экономической базой. Он пишет: «Чем больше экономических ресурсов они имеют в своем распоряжении, тем шире масштаб их вмешательства во внутреннюю политику. В свою очередь размер их экономических предприятий, по-видимому, расширяется с увеличением политического вмешательства...» [81, 77].

Описанные выше особенности вооруженных сил ряда стран Востока, а именно: наличие административно-политических интересов у офицерства, вся совокупность отличий в положении армии и партий, наконец, иногда и автаркические тенденции в развитии военного организ-

ма — создают объективную базу для относительной автономности армии в политической системе.

Помимо вышеперечисленных причин относительной самостоятельности ряда политически активных армий Востока существуют и другие причины, несколько иного характера, причем именно они в ряде случаев играют определяющую роль. К таким причинам относятся возможные противоречия между военными и стоящими у власти гражданскими кругами. Весьма трудно классифицировать такие противоречия, ибо они могут иметь самую различную подоплеку. Мы остановимся на трех типах наиболее часто встречающихся противоречий.

В таких странах, как Индонезия, Пакистан и некоторые другие, со времени завоевания независимости армия фактически занимала полуавтономное положение в политической системе. Военное руководство не находилось под полным контролем гражданских правительств и обладало определенной самостоятельностью. Особое положение военного института в обществе накладывало отпечаток на поведение его членов. По мере роста своего политического потенциала военные становились все более критически настроенными по отношению к стоящим у власти гражданским правительствам, к парламентской системе. Хотя в составе законодательных институтов, в руководстве буржуазных партий были нередко представлены в общем родственные армейским кругам классовые силы, тем не менее гражданские все чаще рассматривались в армии как неспособные управлять и руководить обществом.

Действительно, в вышеуказанных странах жизнь постоянно демонстрировала неспособность буржуазных и буржуазно-помещичьих правительств обеспечить устойчивость существовавшей политической системы. В результате между правящими буржуазными и буржуазно-помещичьими партиями, с одной стороны, и армейскими кругами — с другой, возникали своего рода соперничество или конкуренция, в основе которых лежали не классовый антагонизм, не различия в классовом существе программ, а различное отношение к методу их проведения в жизнь. Это, однако, не означало, что разрешение противоречий правящего гражданского режима с военной оппозицией протекало в мирной и безболезненной форме. В условиях ожесточенной политической

борьбы столкновения «военных» и «гражданских» носили весьма острый характер.

Глубокими социальными причинами были вызваны противоречия между патриотическим офицерством и монархической буржуазно-помещичьей властью в ряде стран Арабского Востока. В силу более скромного социального происхождения массы офицерства монархических армий, огромного влияния в их среде идей национализма и арабизма на протяжении ряда лет в войске вызревал протест против существующей системы и олицетворяющей ее власти королевской фамилии, помещиков и буржуазии. П. Ватикиотис справедливо замечает, что революционные выступления ряда ближневосточных армий объяснялись не фактом доступа военнослужащих к «военной силе». «Решающее значение имела их националистическая ориентация» [101, 214]. Идеи национально-освободительной борьбы привели египетское офицерство к пониманию необходимости революции. Блестяще показанный в работе Г. Мирского процесс вызревания идеи революции в умах патриотических элементов египетского офицерства свидетельствует о том, что осуждение военнослужащими правящего режима в дореволюционном Египте имело отчетливый классовый подтекст, хотя заслуги за совершенный прогрессивным офицерством подвиг военные приписывали исключительно армии как военной организации всей нации [15, 4].

Египетская революция означала в первую очередь революцию в рядах самой армии, которая ко времени ее свершения была расколота на две части: старое, «вросшее в систему» офицерство, верное монархии, и молодое офицерство, горящее желанием покончить с господством реакции. Особенности египетской революции, выразившиеся в том, что «гражданская» и «военная» оппозиции режиму действовали порознь и не были связаны друг с другом, служат в известной мере объяснением, почему противопоставление армии всем прочим политическим организациям независимо от их отношения к монархии приняло в глазах патриотов такой всеобщий характер. Анвар Садат писал: «Правда заключалась в том, что, совершая революцию, мы не могли полагаться ни на кого, кроме самих себя» [15, 45].

Послеколониальное развитие породило еще один,

третий тип противоречий между «военными» и «гражданскими», в основе которых лежал социальный антагонизм между революционно-демократическими силами, с одной стороны, и верхушкой буржуазных классов — с другой. Примером может служить бирманский опыт. По мере того как углублялся кризис буржуазного строя, росло недовольство среди патриотического офицерства армии. В начале 60-х годов в армейском командовании на передний план выдвинулись военачальники прогрессивной ориентации, которые впоследствии установили власть Революционного совета, выступившего с программой некапиталистического развития.

Описанные выше предпосылки выдвижения армии на политическую арену в итоге дают следующую модель развития военного института: в силу различных причин — участие офицерства в революционном движении, во внутриполитической борьбе — у значительной части военных появляются политические, управленческо-административные, экономические и прочие интересы; их классовое содержание более отчетливо обнаруживается на следующей ступени развития, после того как военные круги непосредственно приходят к руководству страной.

Роль гражданской бюрократии

На первый взгляд может создаться впечатление, что офицерство выступает в политической жизни как изолированная, узкая группа, всецело полагающаяся только на армию. В отличие от других политических сил, создающих коалиции, блоки, фронты, военные как представители государственной организации не могут использовать подобные формы. По-видимому, это и привело М. Джановитса к мысли о том, что у офицерского корпуса в молодых государствах нет глубокой традиции общения с «клиентами и публикой за пределами армии». По его мнению, это является следствием отсутствия в афро-азиатском мире таких гражданских органов, которые бы осуществляли эффективный контроль над вооруженными силами [81, 28].

На деле это не так. Мы уже видели из предшествующих разделов, насколько тесным в определенные перио-

ды было сотрудничество между «военными» и «гражданскими». В Бирме, Индонезии, Алжире на протяжении многих лет все больше административно-политических функций попадало в руки вооруженных сил. При этом в своей невоенной деятельности офицерство в значительной степени полагалось на гражданский бюрократический аппарат. По мере возникновения политических интересов военнослужащие привыкали иметь дело со специфической прослойкой людей, представленной администраторами, специалистами, всеми теми, кто в первую очередь имел отношение к своим узкопрофессиональным функциям и не был близко связан с собственно политическим движением. Речь идет о прослойке бюрократии — чиновничестве. Необходимо более подробно остановиться на институте бюрократии.

Для большинства колоний Англии, Франции, Голландии и некоторых других империалистических государств была характерной политика привлечения к административной деятельности определенной прослойки местного населения. Находясь в зависимости от колонизаторов, местные чиновники являлись исполнителями их приказов и распоряжений. В большинстве английских колоний был создан уже упоминавшийся специальный аппарат управления — гражданская служба. Власти метрополии рассматривали ее как связующее звено между колониальной администрацией и населением. «Сивил сервис» была укомплектована как европейцами, так и представителями местного населения.

Колониальная администрация выполняла общие административные задачи, связанные со сбором налогов и поддержанием «порядка». Для подготовки высшего слоя администраторов «широкого профиля» создавались специальные учебные заведения, отбор кандидатов в которые происходил под строгим контролем колонизаторов. Для английской «сивил сервис» и голландской «памонг праджа» — такое название носила гражданская служба в колониальной Индонезии — было почти обязательным их комплектование выходцами из аристократических семей, верхушки имущих классов. Выросшая из гражданской службы Британской Индии гражданская служба Пакистана состояла из представителей семей крупных помещиков, главным образом из Пенджаба. Созданная англичанами «сивил сервис» ко-

лониальной Малайи комплектовалась феодально-аристократическими элементами. Исключения не составляла и «памонг праджа» в Индонезии, в которую набирались выходцы из семей яванских аристократов — прияи. Если в первые десятилетия XX в. и происходило расширение рядов местной бюрократии за счет выходцев из семей более скромного происхождения (местной буржуазии, средних чиновников), аристократической, буржуазно-помещичий характер состава чиновников гражданской службы оставался неизменным.

Развитие освободительного движения в странах Востока не прошло мимо даже такого консервативного института, как гражданская служба. Из нее вышел ряд политических руководителей, связавших свою судьбу с буржуазно-националистическим движением. Свидетельством политического пробуждения части бюрократии, новых веяний в «сивил сервис» было вступление старших чиновников колониального аппарата в политические партии, их инициатива в создании некоторых из них. Эти партии выступали обычно с весьма умеренными лозунгами предоставления больших прав местному населению, расширения функций колониального самоуправления.

После завоевания независимости в ряде стран Востока произошло падение влияния колониальной бюрократии. Чем радикальней была национально-освободительная революция, тем меньше места находилось бывшим колониальным чиновникам в новой государственной системе. Однако далеко не везде освободительное движение приняло такую силу и размах, чтобы противопоставить старому бюрократическому аппарату свой собственный, созданный народом демократический аппарат. В большинстве государств институт колониальной бюрократии не только не был уничтожен, хотя и предпринимались попытки его сломать, но продолжал существовать в почти неизменном виде. Буржуазные и буржуазно-помещичьи круги вполне удовлетворял прежний аппарат власти. Например, в Пакистане и Индонезии пришедшие к власти круги, наоборот, предпринимали попытки блокировать народное движение, направленное на разрушение машины колониального управления, брали под защиту колониальных чиновников всех рангов, стремились сохранить их статус и имуществен-

ное положение. Бывшим колониальным бюрократам предоставлялись ответственные посты не только в административном аппарате, но и в правительстве, представительных органах [92, 2; 86, 580, 596].

Одной из причин закрепления важных государственных постов за представителями бывшей колониальной бюрократии было отсутствие административных кадров. Умеренные буржуазные и буржуазно-помещичьи силы не ставили перед собой задачи подготовки администраторов нового типа, которые могли бы исполнять функции, необходимые для нормальной работы разраставшегося национального государства, его хозяйственного механизма. Экономический кризис и застой, возникшие в ряде независимых государств в 50-е годы, объяснялись не только провалами экономических программ правящих кругов, но и неспособностью администраторов «широкого профиля» из «сивил сервис» заниматься каждодневными хозяйственными проблемами, вопросами модернизации экономики.

Однако свою неспособность выполнять назревшие общественные нужды буржуазные правительства компенсировали весьма характерным для них путем: увеличением численности бюрократии, расширением штатов управленческого аппарата. В этом им в немалой степени помогали буржуазные партии, каждая из которых старалась насадить в нем свои партийные кадры. А так как сменявшие друг друга кабинеты никогда не могли полностью убрать с занимаемых постов представителей соперничающих партий, к существующим бюрократам из оппозиционных партий они добавляли своих, продолжая наращивать численность, а параллельно ей и неэффективность всего государственного аппарата. «Партии, которые, сменяя друг друга, боролись за господство, рассматривали захват этого огромного государственного здания, как главную добычу при своей победе» — эти слова К. Маркса, сказанные им в отношении бюрократической машины Франции XIX века, могут быть отнесены на счет буржуазных и буржуазно-помещичьих партий стран Востока [1, 206].

Закономерным итогом такого развития было превращение бюрократического аппарата в малоуправляемую машину. Ни одна буржуазная партия так и не смогла подчинить ее своему контролю. Наоборот, партийные

кадры, попадавшие в ее лоно, обюрокрачивались, становились в зависимость от нее, деполитизировались. С наибольшей силой этот процесс проявился в Индонезии, где в середине 50-х годов буржуазия окончательно оказалась неспособной поставить под контроль государственный аппарат.

И здесь сказалась одна типичная для всякой бюрократии черта. Даже приобретая кажущуюся независимость, она не может жить без хозяина, который бы руководил ею, оправдывал смысл ее существования. В своей массе бюрократия развивающихся стран — глубоко косная пассивная сила. Если политики различной социальной ориентации дают ей возможность хорошо жить, она согласится с любым буржуазным и даже радикальным мелкобуржуазным правительством. Отсюда становится понятным, почему, например, в Индонезии чиновничество, в частности высшее, терпело систему «направляемой демократии» с ее декларированной программой построения общества социалистического типа. Более того, виднейшие бюрократы из окружения президента Сукарно выступали ее глашатаями. Секрет всего семилетнего правления Сукарно лежал не только в его умении поддерживать равновесие между борющимися политическими группировками, но и в том, что он был удобным хозяином для бюрократии, в первую очередь для ее высшего звена.

Однако необходимо дифференцировать те элементы в бюрократии высшего звена, для которых государственная служба — это просто источник хлеба насущного, и те, которые, выйдя из рядов привилегированного колониального чиновничества, выступают со своей политической программой. Правда, на поведение последних накладывает отпечаток пребывание в гражданской службе. Характер их политических действий отличается склонностью к дирижизму, голому администрированию, централизму. В этом отношении показательна политика тех пакистанских деятелей в период 1947—1958 гг., которые принадлежали в прошлом к индийской гражданской службе. Но и будучи руководителями определенных политических партий, бывшие колониальные чиновники обычно отводят «национализированной» колониальной бюрократии роль инструмента, послушного орудия в своих руках.

Институт гражданской бюрократии не может стать самостоятельной организацией в рамках существующей политической системы, ибо он создан в первую очередь для исполнительно-служебной деятельности. Поэтому военные, не имея другой системы исполнения решений, полагаются в своей административно-политической деятельности на институт бюрократии.

Военные и гражданская бюрократия

Вполне правомерно поставить вопрос: что сближает и разъединяет два типа государственных бюрократических институтов — армию и гражданскую чиновничью службу? Это позволит в дальнейшем выяснить, почему в одних случаях между ними может существовать теснейшая связь, а в других случаях представители армии выступают противниками гражданской службы.

Союз военных и гражданской бюрократии для ряда стран закономерно вытекал из всей предшествующей истории развития армии и элитной гражданской службы. В Пакистане, Судане и некоторых других государствах оба института выросли из колониального режима, в их высших звеньях были представлены приблизительно одинаковые социальные силы. Общность происхождения старшего офицерства и высших гражданских чиновников предопределила в дальнейшем их весьма тесное сотрудничество и взаимопомощь в кризисных ситуациях. Военные неоднократно выступали в качестве силы, стабилизировавшей положение гражданских административных органов.

Союз военных и бюрократии высшего звена нередко является вынужденным. «Военная элита может управлять страной только в сотрудничестве с гражданской службой...— пишет Э. Шилз.— (Она.— *Р. С.*) неизбежно вынуждена вступить в коалицию с гражданской службой. Вооруженные силы не могут сами ее заменить; они могут только наблюдать за ней, контролировать ее, вмешиваться в ее дела, в лучшем случае в нее проникать и доминировать в ней» [94, 57].

В высказывании этого буржуазного социолога верно подмечена одна из причин альянса между армейскими кругами и бюрократией высшего звена, хотя она и не

является единственной. Вполне очевидна и другая причина — бюрократия из «сивил сервис» сама идет на союз с военными. Ее устраивает «строгий хозяин». Она хочет «порядка», стабильности, ей вполне по вкусу «сильная власть». Разнобой в приказах и действиях национальных правительств, социальные, политические и экономические эксперименты, которыми занимаются политики, ее мало интересуют; она безразлична или даже враждебна к ним.

Сохранивших свои позиции после провозглашения независимости высокопоставленных чиновников весьма беспокоят и критика, раздающаяся повсеместно в их адрес, и обвинения в некомпетентности в ряде новых вопросов, кастовости, коррупции, поддержании духа колониальной гражданской службы. Поэтому альянс, который армия навязывает бюрократии, последняя принимает с надеждой поправить свой пошатнувшийся престиж. Изоляция, в которой может оказаться армия после прихода к власти, в равной мере угрожает гражданской службе, не пользующейся популярностью ни в одной из бывших колоний.

Сотрудничество между военными и «сивил сервис» обусловлено еще одним очень важным фактором. В условиях, когда многие партии и организации строятся по национально-этническому принципу и имеют влияние в определенных районах, гражданская служба удовлетворяет принципу экстерриториальности. Хотя в ее национальном составе могут преобладать представители какой-то одной национальности, тем не менее на всех территориях молодого государства члены единой бюрократической корпорации одинаково всесильны. Так, вплоть до момента выделения из Пакистана независимого государства Бангладеш укомплектованная западнопакистанцами (пенджабцами) «сивил сервис оф Пакистан» сохраняла роль «железной структуры», связывавшей насильственным, бюрократическим путем обе части страны — западную и восточную. То же самое можно сказать и о «памонг праджа» в Индонезии, которая, несмотря на яванское происхождение ее членов, использовалась центральным правительством для насаждения своего влияния на Внешних островах [85, 62].

Наконец, известное сходство существует и в стиле административной деятельности военных и гражданской

бюрократии. Оба этих института являются строго иерархическими, в них соблюдается табель о рангах, выполнение приказов вышестоящих начальников является обязательным. Четкая вертикальная структура военной и гражданской служб также весьма сходна. В гражданском аппарате, как и в армии, существуют свои «чины» или классы, группы, как их обычно называют. Именно организация такого типа может удовлетворить военных лидеров. Им нужны квалифицированные исполнители, а не участники дискуссий со своими мнениями, взглядами и т. п.

Вместе с тем необходимо учитывать и различия в роли, которую играют гражданские бюрократы и представители армии в системе управления. Если первые несут чисто исполнительные функции (это касается чиновников всех рангов), то вторые еще до переворота активно выступают в ряде стран со своими требованиями, планами, проектами реформ и изменений в экономической, политической и социальной областях.

Командование армии склонно принимать самостоятельные решения независимо от того, согласны или не согласны с ними политики, которым оно временно подчиняется. Офицерство выступает в качестве активного участника политической, классовой борьбы. Бюрократия занимает в ней более подчиненное положение.

Существуют различия также в характере и стиле работы военной и гражданской бюрократии. М. Джановитс заметил, что стиль работы в высших органах вооруженных сил носит «менеджериальный» характер, которому свойственна высокая степень внутренней дискуссии [81, 87]. Офицерство отличается инициативностью в выработке планов и решений.

Иной характер носит гражданская бюрократическая организация. Даже администраторы «широкого профиля» в лучшем случае могут быть лишь советниками или исполнителями при правящих режимах. Очень редко они выдвигали из своей среды политических лидеров. Ограниченность социального кругозора высокопоставленных чиновников, вызванная, с одной стороны, принадлежностью к консервативным классам и воспитанием, а с другой — чисто административно-исполнительным стилем работы, не позволяет им дорасти до положения лидеров первой величины.

В некоторых странах, например в Бирме, различие между военными и той частью бюрократии, которая занимает ключевые посты в гражданском аппарате управления, лежит в социальной сфере.

Некоторые западные специалисты характеризуют взаимоотношения, существовавшие между военными и гражданскими администраторами в Бирме, как конкуренцию [66, 428]. Однако, по-видимому, в основе противоречий между ними лежал более глубокий антагонизм, вызванный различиями в социальной ориентации, а также в воспитании, образовательном уровне и в последующей карьере. Гражданские бюрократы могли быть лучше подготовлены в чисто академическом плане, они были более вестернизированы, происходили из состоятельных семей [66, 430, 432], в то время как бирманские военные вышли из совершенно другого мира, связанного с национально-освободительным движением, с администрированием по-революционному. Обнаружить этот антагонизм не всегда легко, ибо могут существовать временные союзы между военными и гражданскими чиновниками. Примером такого союза является опыт сотрудничества в 50-е годы бирманских военных с частью чиновничества, вышедшего из гражданской службы колониальных времен. Оно осуществлялось через специальные органы — комитеты безопасности и администрации, созданные в районах для выполнения самых различных функций: от задач по поддержанию «порядка» до участия в административном управлении районов.

Так, в рамках единого бирманского государства до поры до времени сосуществовали две различные группы администраторов, старая и новая, вынужденные сотрудничать друг с другом. Причем и те и другие были недовольны стоявшими в тот период у власти правительствами, которые рассматривались ими как главные виновники углублявшегося в 50-е годы в Бирме социально-экономического кризиса.

ГЛАВА IV

АРМИЯ У ВЛАСТИ

Захват власти военными кругами в результате переворота может означать одно из двух: подлинную революцию со всеми вытекающими отсюда социальными последствиями или изменение формы осуществления власти при сохранении ее прежнего классового существа, что, однако, не исключает определенных, иногда весьма серьезных сдвигов в структуре власти [1].

Опыт послевоенных десятилетий показывает, что в ряде стран Востока прогрессивное офицерство выступает в роли политического представителя целой группы социальных слоев — мелкой буржуазии, низших и средних групп национальной буржуазии, интеллигенции. Оно является выразителем чаяний и надежд большинства народа, угнетаемого империализмом, феодальной монархией и связанной с ними местной буржуазно-помещичьей олигархией (революции 1952 г. в Египте, 1958 г. в Ираке, 1962 г. в Йемене и др.). Армия выступила в 60-е годы в качестве революционно-демократической силы, свергнувшей политическое господство буржуазии в Бирме и Сирии.

Второй тип выступлений армии не имеет ничего общего с революцией. Опирающиеся на войско военные верхи выступают в них в качестве силы «порядка», защитницы позиций привилегированных, имущих классов, ставящей целью сохранение общих условий их классового господства. В обстановке кризиса буржуазно-поме-

[1] Мы не останавливаемся на формах и методах совершения военных переворотов, их общих чертах и различиях, на типах переворотов, ибо это сделано в работе Г. Мирского [см. 57].

щичьего строя, роста недовольства широких масс правлением эксплуататорских классов органическая часть этих классов — высшее и старшее офицерство присваивает себе монополию на власть. Открытое насилие становится отныне главным методом борьбы с народным, демократическим движением, всеми оппозиционными силами. Такого рода реакционный, проимпериалистический характер военных переворотов с очевидностью проявился в начале 60-х годов в выступлениях южнокорейской и южновьетнамской военщины. Против национально-патриотических сил, демократического движения в целом были направлены перевороты 1958 г. в Судане и Пакистане, 1965 г. в Индонезии и ряде других стран.

Правда, в отдельных случаях приход высшего офицерства к государственному руководству сопровождался определенным расширением классовой основы власти за счет новых групп класса буржуазии, реформами в области аграрных отношений, промышленности, в государственной системе. Их объективные последствия, как свидетельствует, например, пакистанский опыт, выходили далеко за рамки тех целей, которые ставила перед собой новая власть.

В задачу настоящей работы не входит анализ всей совокупности вопросов, связанных с характеристикой экономической и социальной стратегии руководимых военными режимов, классовой природы новой власти и т. д., ибо они выходят за пределы самой темы армии. Нас интересует проблема политического режима, т. е. определенных методов управления обществом. С учетом классового существа власти, олицетворяемой военными кругами, конкретно речь пойдет о возникающих после переворота двух общих типах политического режима: революционной военной диктатуре и военной диктатуре бонапартистского типа, разновидностью которой является военно-бюрократический режим. Рассмотрим сначала второй тип диктатуры.

Военно-бюрократический режим

Сотрудничество военных с гражданской бюрократией, развивавшееся все предшествовавшие военному перевороту годы, усиливается после прихода армии к власти.

Посмотрим, как же материализовался союз военных и бюрократии в ряде стран Востока.

Наиболее ярким примером военно-бюрократического правления может служить Пакистан в 1958—1962 гг. Американские ученые К. Коллард и Р. Уиллер писали об этом периоде в жизни страны: «Эра закона о военном положении была *апофеозом бюрократической власти* (курсив мой.—*Р. С.*). Армия взяла бразды правления из рук политиков и потребовала от бюрократии, чтобы она продемонстрировала свою полезность. Гражданская служба была очищена от тех, кто поддался искушениям коррумпированной политической жизни, и в результате около 15 членов гражданской службы Пакистана были вынуждены уйти в отставку. Административная структура была реорганизована, большие полномочия были предоставлены районным и областным чиновникам, и в силу отсутствия „третьей стороны"— политиков — дела пошли гладко» [86, 469].

Мнение К. Колларда и Р. Уиллера разделяет и пакистанский ученый К. Саеед. Он пишет: «Можно сказать, что главная черта режима военного положения состоит в том, что он олицетворяет *партнерство армии и гражданской службы* (курсив мой.— *Р. С.*)» [96, 402—403].

На сохранение новым режимом прежней администрации указывает советский ученый В. Москаленко. Президентский указ от 10 октября 1958 г. восстановил деятельность гражданской администрации и судов, объявил действующими все прежние законы и предоставил судебным органам право, как и раньше, издавать приказы и распоряжения. На основании этого указа в стране на протяжении всего периода армейско-бюрократического правления продолжала функционировать административная машина, сложившаяся в предшествующие годы [58, 17].

Каков же был в целом характер правления в Пакистане после переворота 1958 г.? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо кратко остановиться на основных механизмах власти — администрации военного положения и гражданской службе.

С введением осенью 1958 г. военного положения, приведшего к запрещению всех партий и массовых организаций, общественно-политическая жизнь в стране за-

мерла. В результате армия под руководством высшего офицерства превратилась в единственную политическую силу страны. Военные получили широкое поле действий.

Важной особенностью административной политической деятельности военных в Пакистане было то, что она фактически ограничивалась участием в ней старшего и высшего офицерского состава. Во главе созданных после переворота трех территориальных зон управления стояли местные военные администраторы — видные генералы М. Азам-хан, М. Умрао-хан, М. Ш. Бахадур. Зоны делились на округа, находившиеся под контролем высших офицеров [58, 195—196]. Администрация военного положения контролировала деятельность гражданской администрации в провинциях, областях, округах и районах [58, 195—196].

Изменения произошли в высших звеньях государственного руководства. Отныне на ответственных постах в министерствах обороны, внутренних дел, местного самоуправления, информации, национальной реконструкции, социального обеспечения и других стояли видные военные деятели. Старшие офицеры армии заняли важные посты и в других службах: дипломатической, пограничной, полицейской и т. д. [58, 23].

Назначение высшего офицерства на ответственные государственные должности не означало, что военные используют свои новые функции для укрепления контроля армии в целом над государственным аппаратом. Введение военного положения не привело к массовому вмешательству военного персонала в дела каждодневного гражданского управления. Наоборот, армейская верхушка всякими путями ограничивала меру вмешательства армии в целом. Военные лидеры проводили вполне сознательную политику максимального использования гражданских чиновников всех рангов, иногда даже сужая полномочия самих военных [58, 22]. Заместителем главного военного администратора генерала М. Айюб-хана стал представитель крупной гражданской бюрократии, воспитанник индийской гражданской службы Азиз Ахмед. Будущий президент создал из представителей гражданской службы консультативный совет, в который вошли высшие гражданские чиновники — секретари министерств [73, 10].

«Миссия армии заключалась в том, чтобы восстано-

вить и усилить гражданскую администрацию. Военный закон не был карательным. Он был реформаторским»,— писал Ф. Муким-хан об основном направлении политики военных в отношении бюрократии [11, 199]. Характер этой «реформаторской» политики виден из мероприятий военных правителей в отношении чиновничьего аппарата. Чистка этого аппарата затронула лишь очень незначительное число лиц. Так, из 2800 чиновников I класса (сюда входили члены гражданской службы, дипломатической службы, полиции и некоторых технических служб) были признаны виновными в различных нарушениях и отстранены от должности около 5% (около 2,5% из них были обвинены в коррупции). Из 5500 чиновников II класса чистка коснулась лишь 4%. Из 87 тыс. чиновников III класса наказаниям за различные нарушения и «неблагонадежность» были подвергнуты 1,5% [79, 77].

Таким образом, аппарат власти фактически сохранился в неприкосновенности. Незначительные перемены в его составе, вызванные, с одной стороны, назначением на ряд постов военных, а с другой — чисткой среди гражданского чиновничества, по-видимому, вполне устраивали новых правителей. Не случайно официальное правительственное издание через полгода после переворота с гордостью писало: «Срочные шаги были предприняты по реорганизации гражданской администрации, однако она осталась *гражданской* (курсив мой.— *Р. С.*)» [25, 2].

Администрация военного положения придавала большое значение всем профессиональным категориям бюрократии, начиная от администраторов «широкого профиля» и кончая различными функциональными учреждениями и службами. Однако особое внимание военные руководители уделяли привлечению на свою сторону и использованию именно администраторов «широкого профиля» или гражданской службы Пакистана. Необходимо кратко остановиться на роли этого института.

С первого дня возникновения Пакистана гражданская служба была призвана сыграть роль общегосударственной структуры. Она отличалась крайней централизацией, сосредоточением огромного количества функций в руках ее членов. Такой она осталась и по сегодняшний день. В специальной академии в Лахоре готовятся

кадры будущих высокопоставленных чиновников, изучающих управленческое дело, экономику, законодательную систему Пакистана, современное положение [97, 133]. Восьмимесячное обучение в академии включает не только овладение современными науками в рамках, необходимых в деятельности администратора «широкого профиля», но и своего рода идеологическую подготовку, задача которой — привить высокопоставленным бюрократам дух кастовости, принадлежности к особому институту. Во время занятий в академии постоянно подчеркивается, что в ней учатся не просто студенты, а члены гражданской службы Пакистана [97, 134; 96, 392]. Настроения, господствующие в академии, хорошо передал ее бывший глава. Он как-то заявил: «Меня часто интересует, что более верно: то, что идея всепакистанского института, такого, как гражданская служба, помогает сплачивать Пакистан, или то, что идея Пакистана помогает объединять службу» [96, 401].

Гражданская служба стала одним из институтов, который был призван связать воедино различные части страны, разобщенные расстояниями, этнолингвистическими и прочими барьерами. Делалось это типично административно-бюрократическим путем, без учета местных особенностей. Окончившие академию чиновники посылались руководителями районов, где они на протяжении нескольких лет несли службу, не вдаваясь особенно в существо местных проблем. Потом их переводили в центр или в другую провинцию. Враждебность, с которой их нередко встречало местное общество, вела к еще большему усилению духа корпоративности в рядах высшей бюрократии. Да и правящие круги делали все возможное, чтобы чиновники гражданской службы не задерживались в районах. Постоянная смена правительства приводила к тому, что каждая новая администрация желала иметь своих людей на ответственных постах.

Однако всякие перемещения в рядах районных и областных администраторов были возможны лишь по распоряжениям из центра. Районный чиновник или комиссар в области, руководившие деятельностью местной администрации, назначались и снимались со своих постов только центральными властями. В конституцию Исламской Республики Пакистан от 1956 г. было специально

включено положение о том, что гражданский чиновник может быть снят со своего поста только органом, который его назначил [22, 353—354].

Чиновники гражданской службы были наделены огромными полномочиями. Например, в ведении заместителя комиссара в районе были следующие вопросы: экономика и координация правительственной деятельности, сбор налогов, соблюдение «закона и порядка». Хотя во всех этих вопросах чиновник мог разбираться недостаточно хорошо, тем не менее на нем лежали все исполнительные функции, связанные с их решением.

Таким образом, накануне переворота 1958 г. в Пакистане сложилась централизованная бюрократическая структура, сосредоточившая в своих руках практически все государственные функции. Придя к власти, военные старались максимально использовать ее в своих целях.

Чтобы заинтересовать гражданскую службу, недовольную частой сменой правительств, генерал Айюб-хан обещал ей расширение прав в управлении. Во-первых, этого требовали интересы самой военной верхушки, не имевшей собственного исполнительного аппарата для осуществления гражданских функций, а во-вторых, чтобы завладеть такой элитной организацией, как гражданская служба, необходимо было удовлетворить административные интересы бюрократии. Так, военные заявили, что гражданской службе будет предоставлена полная свобода в руководстве вверенными ей департаментами [96, 402—403].

Действительно, реформы в административной сфере после 1958 г. привели к расширению прав министерств, ранее строго подчинявшихся в своей финансовой деятельности министерству финансов. Отныне без согласования с ним они могли производить соответствующие расходы. Была осуществлена также некоторая реорганизация структуры госаппарата, которая повысила его эффективность. Практика постоянных переводов чиновников из района в район, из области в область была прекращена [96, 393].

Однако, несмотря на ряд реформ госаппарата, повышение его гибкости и оперативности, он не претерпел принципиальных изменений. Реформы в определенной степени модернизировали его, но колесо бюрократической машины после перебоев, вызванных переворотом,

продолжало во многих чертах повторять знакомый с английских времен круг. Требовались несравненно более глубокие реформы в масштабе всей страны, конструктивная программа общественного переустройства, которая позволила бы преодолеть ограниченность военно-бюрократического правления.

В Индонезии военно-бюрократический режим начал складываться еще в недрах «направляемой демократии». В обстановке контрреволюционных мятежей 1956—1961 гг. на Яве и Внешних островах в стране было введено чрезвычайное положение, следствием которого явилось установление контроля армии над местной администрацией — «памонг праджа» [44, 1968, № 1, стр. 42]. Роль представительных органов была подорвана. Однако высшая государственная власть находилась в руках президента Сукарно, значительным влиянием пользовались крупнейшие партии страны, в первую очередь компартия. С точки зрения организации власти политический режим «направляемой демократии» можно охарактеризовать как гражданский, в котором, однако, роль армии была исключительно большой.

Положение в корне изменилось после правого переворота 1965 г. Люди, пришедшие к государственному руководству после известных событий 30 сентября 1965 г., были теми, кто в конце 40-х годов внедрял в жизнь систему партизанского управления на Яве в условиях антиколониальной войны. Однако теперь в отличие от революционных лет они представляли совершенно иные социальные силы.

Для Индонезии, как и для ряда других развивающихся стран, весьма характерным в послеколониальный период был процесс обуржуазивания мелкобуржуазных радикальных элементов, вышедших на арену активной политической жизни после национальной революции.

Индонезия дает, пожалуй, классический пример такой эволюции. Бывшие мелкобуржуазные радикалы, активные участники национально-освободительной борьбы, а иногда и ультралевые элементы из гражданской и военной среды проделали путь «из грязи в князи», использовав национальное государство в качестве важнейшего канала социального продвижения. Армия — политический и военный институт этого государства — стала питательной средой для роста буржуазии новой разно-

видности — бюрократической буржуазии. Именно эта сила в лице верхушки офицерского корпуса сосредоточила в своих руках основные функции власти в период после 30 сентября 1965 г.

Первые шаги режима генералов были связаны с массовой чисткой государственных органов, администрации от неугодных элементов, в первую очередь от коммунистов. После того как расправа над коммунистами была в основном завершена, преследованиям подверглись представители других политических партий, из которых состоял в массе своей аппарат государственного управления. Так, Национальная партия Индонезии многие годы поставляла кадры государственному аппарату, как крупнейшая партия страны, пользовавшаяся особой симпатией бывшего президента. Крупными конкурентами партии в политике внедрения доверенных кадров в ряды бюрократии были правая Социалистическая партия и Машуми, которым и после самороспуска в 1960 г. удалось сохранить позиции в государственных органах.

Военные правители не особенно доверяли представителям умеренных буржуазных партий в госаппарате, а также правым деятелям из гражданской среды, в которых они видели весьма серьезных конкурентов, обладавших опытом, связями, авторитетом в определенных кругах. Для политики генералов после 30 сентября была характерной ориентация на армию и офицерский корпус как основной источник кадров для всех звеньев государственной администрации. Вытеснение прежних чиновников и политических деятелей с занимаемых ими постов обычно происходило под предлогом обвинений в коррупции, политической нелояльности, заботы об экономическом развитии районов [42, 30.V.1968].

В результате значительная часть административных постов оказалась занятой военными. Так, в сформированном в июне 1966 г. правительстве из 24 министров 12 были высшими офицерами, из 20 генеральных секретарей в департаментах 11 были представителями армии, из 64 постов генеральных директоров 23 занимали военнослужащие [27, 1968, № 12, стр. 547], из 25 губернаторов провинций 22 были военными. Низшие звенья администрации — руководители районов, подрайонов, даже деревень — были почти полностью представлены воен-

ными [27, 1968, № 12, стр. 57; 28, № 3, 1971, стр. 27]. Проникновение военных в государственный аппарат было настолько глубоким, что в рядах самых различных политических партий возникло движение протеста против опасности «милитаризма», неквалифицированного вмешательства военных в исполнение каждодневных бюрократических функций. С тем, что такая опасность действительно существует, соглашались даже сами военные деятели. Бывший командующий ВМС Мульяди на встрече с правым студенческим фронтом КАМИ специально счел своим долгом указать на «ранние симптомы милитаризма» [36, 1.VII.1967]. Даже такой последовательный сторонник увеличения руководящей роли армии в государстве, как генерал Насутион, усмотрел рост в стране милитаристских тенденций на латиноамериканский манер [27, 1968, № 12, стр. 62].

В дальнейшем, по мере консолидации своей власти, генералы начали применять более гибкую тактику в вопросе насаждения высших офицерских кадров на государственные посты. В последующих кабинетах количество министров-военных было сокращено, а гражданских — увеличено. Исполняющий обязанности президента генерал Сухарто даже пошел на такой неожиданный шаг, как роспуск своего «личного штаба». Этот орган по существу играл роль теневого «правительства», через посредство которого осуществлялись тесные связи между армией и генералом Сухарто. Все члены «личного штаба» были военными, игравшими роль наиболее доверенных советников Сухарто [95, 158].

Меры по прикрытию «гражданским фасадом» военно-бюрократического режима не могли изменить его природы. Несмотря на существование конституционных органов, таких, как Временный народный консультативный конгресс, парламент и другие, генералы видели свою главную силу в армии, тесной связи с ней, использовании ее персонала в исполнении различных административных функций. «Огражданствование» правительственного кабинета не было отступлением от этой политики, ибо военные с самого начала вводили в его состав политических деятелей не по принципу их партийной принадлежности, а, как правило, в зависимости от степени их лояльности в отношении новой власти. При этом в первую очередь учитывались классовая принадлежность ли-

деров, их связь с буржуазно-бюрократическими, военными кругами.

Выборы 1971 г. в парламент не внесли существенных изменений в военно-бюрократическую систему власти. По-прежнему высшие административные и политические посты в стране занимают представители военщины. Военные власти в районах продолжают контролировать гражданский аппарат через специальные военно-административные органы (муспида). Разветвленная система так называемого командования общественного порядка и безопасности осуществляет военно-полицейский контроль над всей жизнью страны.

Поведение индонезийской военщины характеризуется ныне откровенным антикоммунизмом, в котором нашли воплощение социальные антипатии новой имущей прослойки к демократическим национально-патриотическим силам. При своем негативном отношении к партийной системе, партиям вообще высшее офицерство сухопутной армии ныне склонно идти на сотрудничество с другими национально-буржуазными группировками и представляющими их партиями вплоть до самых правых, хотя и на своих условиях.

Еще один пример военно-бюрократического правления дает нам Судан в 1958—1964 гг. В программе компартии Судана от 1956 г. отмечалось, что государственный аппарат страны создан империализмом из бюрократов, обладающих неограниченной властью, и крупных деятелей племенной администрации [52, 24]. Суданская бюрократия была глубоко связана с феодалами, племенной верхушкой, с крупными финансовыми домами. Этим готовым аппаратом и воспользовалось командование армии в утверждении своей власти после переворота 1958 г.

Высший и старший офицерский состав, придерживавшийся консервативной ориентации, боялся допустить среднее и младшее офицерство к исполнению административных функций. Ему гораздо ближе по духу были высокопоставленные гражданские бюрократы английской школы [80, 161]. И хотя на наиболее ответственные министерские должности и посты губернаторов провинций были назначены высшие офицеры, ряд министерских постов и все остальные должности в средних и низовых звеньях бюрократической иерархии занимали граждан-

ские чиновники, служившие прошлой власти [49, 1962, № 6, стр. 262].

Курс на сотрудничество с бюрократией сохранялся и после того, как суданские военные предприняли ряд мер, направленных на реорганизацию госаппарата, а также на создание видимости «демократизации» военно-бюрократического режима. Образованный в начале 60-х годов новый орган — Центральный совет, частично избиравшийся провинциальными советами, насчитывал в своем составе 39% крупных чиновников государственного аппарата [52, 107]. Военные власти делали все возможное, чтобы сохранить влияние бюрократии, видя в ней гарантию стабильности своего правления.

Вышеописанный принципиальный механизм функционирования военно-бюрократического режима, его двух основных институтов — армии и гражданской бюрократии — внешне напоминает систему управления народами Азии и Африки в колониальный период. Многие западные авторы видят в утверждении армии у власти просто возвращение к старым порядкам, господствовавшим при колонизаторах. Например, английский африканист Е. Фейт считает, что в государствах Африки к югу от Сахары вмешательство военных в политическую жизнь означает возвращение к «традиционному административному порядку прошлого». Он пишет: «В каждой стране, где произошел военный путч, офицеры находят одинаковое решение: в Гане и Нигерии офицеры, видимо, избрали ту же самую альтернативу, что и британцы в свое время, — запретить всякую политическую деятельность, править административными методами сверху и возродить союз с (племенными. — *Р. С.*) главами в местном масштабе, другими словами, возродить традиционную административную систему, в которой офицеры приняли на себя роль британского правительства» [48, 1968, январь, № 2, 188].

Хотя сравнение военно-бюрократического правления с колониальным в целом и неприемлемо, оно позволяет обнаружить элементы возврата к прошлому в национальном режиме под властью армии, заключающиеся в широком использовании института бюрократии.

Местные условия накладывают определенный отпечаток на институт бюрократии. Если в странах Азии в силу их более высокой степени социально-экономическо-

го развития чиновничий аппарат более приближается по своему характеру к бюрократии классового государства, в странах Африки к югу от Сахары огромную роль продолжают играть родо-племенные, этнолингвистические моменты, которые во многом определяют лицо бюрократического аппарата, включившего в себя бывших племенных глав, а ныне представителей правительственной службы. Освобожденная от строгого контроля колонизаторов современная бюрократия получила несравненно большую свободу действий. Если раньше она рассматривалась лишь как служанка хозяев — англичан, французов, бельгийцев, то теперь, после перехода суверенитета в руки местных правительств, она выступила как влиятельная политическая сила. Роль и значение бюрократии возрастали по мере того, как национальное государство расширяло свои функции, активно вовлекалось в экономическую жизнь, регулирование социальных отношений и т. д.

Однако повсюду бюрократия сохраняла основные черты колониальной эпохи. А это означало, что новые правители в силу тех или иных причин увековечивали господство косной и реакционной по своей классовой сути административной системы, которая не отвечала долгосрочным целям национального развития. Временный эффект сосредоточения власти в единых руках мог привести к избавлению госаппарата от наиболее коррумпированных элементов, наведению санитарного порядка на улицах, улучшению гигиены или расстрелу спекулянтов. Но очень быстро эти меры исчерпывали себя, ибо за редкими исключениями они не были связаны с попытками хотя бы частичного решения стоявших перед развивающимися странами проблем.

Таким образом, в результате военных переворотов в ряде стран Востока возникла парадоксальная ситуация. Многие годы национальной борьбы против господства колониализма и империализма, попытки подорвать влияние традиционных, консервативных сил оказывались зачеркнутыми армией. Причем делала это национальная армия. Она возвращала к жизни скомпрометированную в глазах народа систему бюрократического правления, в которой прочно утвердился дух колониальной эпохи.

Революционная военная диктатура в Египте

В весьма многочисленной литературе по Египту немалое место уделяется истории участия египетской армии в политической жизни. Это вполне понятно. Опираясь на армию, патриотическое офицерство свергло монархию, из рядов военных вышли виднейшие национальные лидеры, под руководством которых были совершены как послереволюционные демократические преобразования, так и позднее преобразования некапиталистического характера.

Какую форму организации власти избрали египетские военные, чтобы перевести страну на новые рельсы? Анализ важнейших социально-экономических реформ, проведенных в первые годы после революции, строго говоря, еще не дает ответа на вопрос о внутренних прогрессивных изменениях в системе власти и характере ее функционирования в послереволюционный период. А между тем именно этот вопрос представляет особый интерес, учитывая тот факт, что Египет дает пример одного из первых революционных выступлений военных на Востоке после второй мировой войны. Остановимся на некоторых точках зрения по этой проблеме, бытующих в советской и зарубежной литературе.

В интерпретации Г. Мирского правление военных в Египте прошло две фазы, которые в целом составляют «военный режим», — с 1952 по 1956 г. и с 1956 по 1961 г. Первая фаза совпадает с так называемым «переходным периодом», когда в результате политики египетского руководства новая власть, так сказать, узаконила себя: был избран президент, принята конституция. Основным итогом этого периода было разрушение старой политической системы: монархии, партий буржуазно-помещичьей олигархии. Однако режим в это время еще не определил, по мнению Г. Мирского, своей социально-политической ориентации [57, 54].

Следующая фаза «военного режима» начинается со времени создания первого представительного института — Национального собрания. Но этот орган не имел значения в решении действительно важных дел [57, 61]. «Все знали, что реальной силой в стране является армия, а важные вопросы решает Насер, — пишет Г. Мирский. — Он один пользовался подлинным и неоспоримым

авторитетом...» [57, 63]. С переходом же Египта на путь некапиталистического развития в начале 60-х годов «„военный режим", по мнению Г. Мирского, трансформировался в „режим социальный, режим революционно-демократический"» [57, 86].

По мнению французского ученого М. Саблие, опыт развития Египта после революции показывает следующее: «Между угнетенным империализмом обществом и „социалистическим обществом" лежит период „военного режима"... Все слаборазвитые страны должны пройти эту фазу...», — пишет он [93, 172].

Со своей концепцией «военного режима» в Египте выступает и П. Ватикиотис. Он называет его стратиотократией (от греческого «стратиотес» — солдат). В одной из последних работ П. Ватикиотис пишет: «Под стратиотократией я понимаю режим, который в противоположность военной олигархии включает весь военный институт как новую политическую элиту» [91, 370]. Ход рассуждений автора приблизительно таков: в послереволюционном Египте были запрещены партии, заморожена политическая активность, не доверявшие политикам военные были вынуждены комплектовать администрацию из своих рядов, что позволило им осуществлять эффективный контроль над обществом. «Потребовалось рекрутировать (в госаппарат. — *Р. С.*) собственные кадры из вооруженных сил, в результате чего в течение первых пяти лет хунта постепенно превратила свой режим в то, что я называю здесь стратиотократией», — делает заключение П. Ватикиотис [91, 370].

Таким образом, мы видим, что все авторы, точку зрения которых мы рассматривали выше, употребляют термин «военный режим». Этот термин широко используется в советской и зарубежной литературе в применении к различным странам, пережившим военные перевороты. Однако существует принципиальное отличие в оперировании им у буржуазных и советских ученых. Если первые понимают под «военным режимом» правление армии вообще без учета классового существа власти, то вторые рассматривают его конкретно как воплощение определенного социального типа власти.

Вместе с тем представляется вряд ли оправданным с терминологической точки зрения и по существу использование этой категории в характеристике различных по

своей классовой сути политических режимов. Иначе в ряду «военных режимов» окажутся послереволюционный Египет, с одной стороны, и Индонезия после 1965 г. — с другой, как это, например, имеет место в неоднократно цитированной работе Г. Мирского «Армия и политика в странах Азии и Африки». Кроме того, понятие «военный режим» мало что дает и для характеристики конкретных методов руководства обществом, особенностей функционирования механизма власти.

Объективная трудность классификации форм власти, олицетворяемой военными кругами, офицерством, заключается в том, что иногда весьма сложно провести строгую разграничительную линию между, казалось бы, различными социальными типами диктатур — правлением революционного офицерства и бонапартистским военно-бюрократическим режимом. Опыт Ирака, например, показывает, насколько стремительно там произошло вырождение революционного режима в единоличную диктатуру Касема, опиравшегося на милитаристско-бюрократическую касту.

Отсюда возникает необходимость использования в классификации политических режимов наиболее емких, сущностных критериев. Одним из них является социальная природа и характер власти. В соответствии с этим критерием мы рассматриваем политический режим в Египте в 1952—1961 гг. как революционную военную диктатуру блока радикальных мелкобуржуазных и буржуазных сил, не связанных с находившимися ранее у власти политическими и классовыми группировками.

Классовый характер власти в послереволюционном Египте повлиял на всю систему ее реализации. Направленная против монархии революция также была направлена против ее исполнительного аппарата — государственной машины и орудия подавления — армии.

Мы не оговорились, ибо речь идет о той армии, которая под руководством реакционного генералитета служила королевской камарилье и буржуазно-помещичьему классу. Г. Мирский справедливо пишет о том, что революция была осуществлена, строго говоря, не армией, а тайной организацией внутри армии [28, 1968, № 6, стр. 10]. Именно она поставила первые кадры новых военных руководителей, сменивших реакционных военачальников на командных постах [67, 322].

В первые недели после революции был издан закон о ликвидации политической полиции и специального отдела министерства внутренних дел, была арестована группа высших офицеров полиции. Был принят закон о чистке госаппарата от коррумпированных элементов, в соответствии с которым несколько сот высших гражданских чиновников, а также старших армейских офицеров были уволены в запас. Специальный дисциплинарный суд занимался разбирательством дел чиновников, виновных в нарушении законов [63, 407].

Вместе с тем в первые месяцы после революции египетские военные, чтобы обеспечить бесперебойное функционирование государственной машины, проводили осторожную политику в отношении бюрократического аппарата [57, 36]. Ведь они оказались вовлеченными в совершенно новое революционное дело, по существу не имея сколько-либо укоренившейся традиции вмешательства в гражданские дела. «Гражданская» миссия армии ограничивалась до этого времени лишь ее постоянным участием в полицейских акциях [30, № 8, 1966, стр. 38]. В то же время опыт общения египетского офицерства с политическими организациями, в частности с «братьями-мусульманами», привел их к пониманию необходимости полагаться в первую очередь на самих себя.

Военные уничтожили монархию. Но они разрушили только ее прогнивший фасад. Им еще предстояло подорвать корни всей системы консервативной, связанной с империализмом власти. К такой гигантской работе чисто военный аппарат армии не был приспособлен. Кроме того, эта работа требовала поддержки организованного политического движения, т. е. партий, к которым и обратилось революционное руководство, олицетворяемое новым органом — Советом руководства революцией (СРР).

9 сентября 1952 г. был опубликован закон о реорганизации политических партий. СРР намеревался поставить под свой контроль крупнейшие из них. Об этом свидетельствовали записанные в законе положения о том, чтобы партийные лидеры информировали министра внутренних дел об организационной структуре, программах и материальных ресурсах партий [69, 409]. Египетские лидеры еще питали иллюзии, что реформированная партийная система сможет стать эффективным полити-

ческим инструментом новой власти. Однако переход партий в оппозицию к революционным руководителям развеял эти иллюзии. В январе 1953 г. египетское руководство пошло на роспуск политических партий. Их имущество и фонды были конфискованы. Созданный позднее революционный трибунал разбирал дела наиболее скомпрометированных партийных лидеров прошлого режима [14, 206 — 207].

Новые египетские руководители не делали секрета из того, что цели революции выходили за рамки слома монархии. В речи от 23 февраля 1953 г. Г. А. Насер подчеркнул, что новая власть стремится к «изменению всей политической системы на пользу народу» [101, 82]. Взамен существующих партий военные намеревались создать собственную организацию, которая сыграла бы роль моста между ними и широкими слоями египтян. Ею стала Лига освобождения. По заявлению Насера, последняя не являлась партией. Ее цель — организовать массовую поддержку новой власти.

С запрещением партий и созданием Лиги освобождения был объявлен трехлетний переходный период, сущность которого заключалась в максимальной централизации власти в руках военных руководителей. Высшими органами государства оставались Совет руководства революцией и Совет министров, члены которых входили в исполнительный комитет, формировавший государственную политику.

В результате действий египетских лидеров в стране политическая активность была полностью заморожена. Попытки организовать массовую поддержку режиму через собственные невоенные организации типа Лиги освобождения носили пока характер начинаний. То же самое можно сказать и о политике египетских лидеров, направленной на установление личных контактов с широкими слоями египетского народа путем частых поездок членов СРР по стране, выступлений, митингов, собраний. Хотя вследствие проводимой аграрной реформы и других прогрессивных мероприятий популярность новой власти была велика, это еще не означало, что в лице митингующих толп она имела организованную, постоянную поддержку масс.

В этих условиях, хотело оно этого или нет, революционное руководство было вынуждено полагаться только

на свой аппарат, на свои военные кадры. Участие военнослужащих в исполнении различного рода административных функций вызывалось, во-первых, тем, что революция не могла ждать, пока она воспитает верный персонал из гражданской среды. Пропустить время означало увеличить шансы на захват власти буржуазно-помещичьей оппозицией, активно саботировавшей политику египетских лидеров. Во-вторых, революция требовала осуществления новых государственных функций для исполнения прогрессивных мероприятий в различных областях. Их проведение могло быть поручено только доверенным кадрам, т. е. военным. Вот почему мероприятия режима были направлены на свержение «всех столпов гражданской власти» и их замену военным персоналом [101, 81]. Чистка экономического аппарата, а также различных государственных служб, проводившаяся в 1952—1956 гг., была направлена в первую очередь на подрыв влияния высшего слоя бюрократии, служившей монархии, помещичье-буржуазным кругам. Египетское руководство сделало то, что не побоялись сделать военно-бюрократические режимы в ряде других стран.

Важной особенностью процесса перехода административной власти в руки военных было то, что в условиях максимальной централизации, господства отношений строгой субординации исполнительные функции военнослужащих имели тенденцию к превращению в постоянные бюрократические. Возникла значительная опасность появления и развития военно-бюрократических черт в режиме, буржуазного перерождения части вышедших из среды революционного офицерства администраторов. Однако невозможность введения в тот период более демократической системы правления — возвращение к ней означало бы не более чем уступку контрреволюции — делало единственной альтернативой для египетских лидеров поддержание системы организации власти, в которой постоянные бюрократические функции закреплялись за офицерством. Выходцы из рядов армии занимали посты провинциальных губернаторов, руководителей районов, дипломатов, хозяйственников в расширявшемся после национализации государственном секторе экономики [91, 369].

Анвар Садат писал: «Революция вначале была сек-

ретной организацией, затем руководящим комитетом, затем правительством, направляющим народ без помощи *посредника* (курсив мой. — *Р. С.*)» [88, 79]. В этих словах заключен глубокий смысл. Развитие египетской революции показывает, как по мере проникновения военных в госаппарат постепенно эволюционировал политический режим. Правление «без посредников», т. е. путем прямого использования офицерских кадров, было необходимой фазой в развитии Египта по прогрессивному пути.

Переход Египта на путь некапиталистического развития в начале 60-х годов способствовал эволюции режима революционной военной диктатуры. Одной из важнейших причин этого явилось изменение социальной ориентации египетских лидеров, выразившееся в целой серии экономических и политических мероприятий, положивших конец господству крупной национальной буржуазии в жизни страны. Параллельно с антибуржуазными и антифеодальными реформами происходил процесс расширения классовой основы революционно-демократической власти за счет крестьянства, рабочего класса, служащих и интеллигенции.

Отрицание капиталистического пути развития и утверждение социализма как формы общественного устройства в качестве цели египетской революции как никогда остро поставили на повестку дня вопрос об изменении политического режима, его демократизации. В свете новых задач, вставших перед страной, военно-диктаторская система власти, крайняя централизация всех исполнительных функций в руках узкой группы руководителей и бюрократии стали тормозом на пути дальнейшего проведения социально прогрессивных мероприятий в различных областях. Форма диктатуры пришла в противоречие с ее новым социальным содержанием. Положение в значительной мере усугублялось также тем, что в силу буржуазного перерождения части высокопоставленного военного чиновничества возникла опасность его сближения со свергнутыми революцией эксплуататорскими классами.

Процесс создания нового политического режима Египта в условиях развернувшейся социальной революции представляет собой напряженный поиск новых форм и методов руководства обществом. Он сопряжен с от-

казом от изживших себя, но весьма укоренившихся командных, бюрократических методов, требует постоянного совершенствования работы новых политических и государственных институтов. Однако до тех пор, пока не совершилось окончательное утверждение новых политических форм, политический режим сохраняет многие переходные черты.

Авторы труда «На новом пути» следующим образом определили переходный характер политического режима Египта в 60-е годы: «В ОАР существует режим революционно-патриотической диктатуры с элементами военного правления и однопартийной системой» [61, 373]. В этом высказывании, пожалуй, верно подмечены черты двойственности в характере функционирования механизма власти.

С одной стороны, опора на армию, аппарат, бюрократические методы управления, разведывательные органы продолжали сохранять свое значение. В пользу сохранения военно-бюрократических методов руководства жизнью страны в первую очередь выступали противники продолжения и углубления социальной революции, защитники привилегий «военной» буржуазии. Со временем они образовали «параллельный центр власти» наряду с революционно-демократическим руководством президента Насера. Однако после израильской агрессии 1967 г. по позициям этих сил был нанесен серьезный удар. В результате решительных действий широких народных масс в защиту революционно-демократической власти были сорваны антиправительственные заговоры бывшего военного руководства армии.

С другой стороны, важная черта эволюции системы власти в 60-е годы заключалась в том, что процессу постепенной «девоенизации» диктатуры сопутствовал рост значения и влияния массовой революционно-демократической организации Арабского социалистического союза (АСС), политической активности широких слоев трудящихся масс Египта. Именно при опоре на АСС президент Насер повел борьбу против военно-бюрократической буржуазии, за дальнейшую демократизацию режима.

ГЛАВА V

НА ПУТИ К НОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ

Необходимость перехода к новой политической организации общества

Революционная военная диктатура, так же как и бонапартистский военно-бюрократический режим, возникает в чрезвычайных условиях в результате совершенного армейскими кругами переворота. Однако уже на другой день после переворота связанные с вооруженными силами лидеры начинают задумываться о создании политической системы, которая должна закрепить планируемые новой властью экономические, социальные, политические изменения, создать условия для продвижения общества по тому или иному пути социально-экономического развития. Характер новых политических институтов, их роль в жизни страны в первую очередь определяются классовой природой самой власти. Тем не менее существует ряд общих моментов, которые необходимо учитывать в анализе перехода от чрезвычайных бонапартистско-диктаторских или революционно-диктаторских методов правления к новой политической организации общества, воплощающей «нормальный» политический режим.

В большинстве государств приход военных к власти совершался в обстановке острого социально-экономического и политического кризиса. Военный переворот знаменовал собой в различных случаях или падение политического господства феодальной аристократии и буржуазно-помещичьего блока, или замену власти одной буржуазно-помещичьей группировки другой, от лица

которой выступали военные. В обоих случаях военный переворот сопровождался резкими обвинениями в адрес свергнутого режима. Однако во втором случае, несмотря на резкий, подчас непримиримый тон критики армейским руководством прошлой власти, эта критика ограничена классовыми интересами военщины. Неудачи и провалы буржуазных политиков рассматриваются ею иногда как имманентно присущие гражданскому правлению. Правое офицерство склонно осуждать лишь прошлую политическую систему, оставляя в стороне глубокие противоречия социально-экономического строя, который она олицетворяла.

Особое недовольство правого офицерства вызывало и то, что прошлый политический режим создал обстановку кризиса, грозившего перерасти в революционный взрыв. Привилегированная офицерская прослойка опасалась за собственную судьбу и руководствовалась в немалой степени чувством самосохранения. Не удивительно, что после переворота оно выступало с резкими упреками в адрес других буржуазных и буржуазно-помещичьих группировок. Так, представитель индонезийской военщины Росамона осуждал буржуазные партии страны за то, что накануне событий 30 сентября 1965 г. они «не осуществляли подхода к армии» с целью собирания сил для борьбы против компартии.

Осуждение военными прежних политических порядков обычно сопровождается резкой критикой олицетворявших их институтов: многопартийной системы, парламентской «игры» и т. п. В ряде случаев такая позиция вытекает из всей истории противоречий военного руководства с буржуазными группировками, правление которых, по их мнению, характеризовалось отсутствием «фокуса власти». Пришедшая к руководству страной армия в своем лице создает этот «фокус». Она становится как бы стержнем политической структуры, которой предстоит сменить или видоизменить прежнюю. Но, даже разрушив политические организации прошлого режима, распустив конституционные органы, новая власть тем самым не решает важнейшей проблемы: в каких формах в дальнейшем будет развиваться политический процесс, как отныне должны строиться взаимоотношения между классами. Отсюда значительное внимание военных правителей к выработке основ функционирования

политической системы, которая должна прийти на смену военно-бюрократическому режиму. В этом отношении для представителей высшего офицерства чрезвычайно важен их прошлый политический опыт.

Вызванное различными причинами недовольство военных прошлой властью, ранее господствовавшим политическим режимом далеко не сразу вылилось в их отрицание. Нельзя не учитывать то, что в течение значительного времени военные руководители сотрудничали с гражданскими правительствами, осуществляли проводимую ими политику. Они имели широкие контакты с местной гражданской администрацией. Нередко военные и гражданские были связаны личными узами. Отдельные офицерские фракции могли до поры до времени с симпатией относиться к идеологическим воззрениям, программам некоторых политических лидеров и партий. Более того, на определенном этапе даже патриотические элементы среди офицерства стремились усовершенствовать отдельные звенья существовавшей политической системы, вдохнуть в нее жизнь.

Ярким примером этого может служить Бирма. Когда генерал Не Вин временно стал заместителем премьер-министра в 1949—1950 гг., он со всей серьезностью и ответственностью подходил к вопросам, связанным с парламентской деятельностью [87, 225]. Делалось это в момент, когда роль парламента резко упала в условиях усиления активности вооруженных оппозиционных движений.

Иллюзии в отношении буржуазного парламентаризма и буржуазной демократии у части патриотического бирманского офицерства не были изжиты и впоследствии. В 1958 г. представители командования в известном смысле пошли на компромисс с буржуазной группировкой У Ну. В заявлении последнего о передаче всех исполнительных функций генералу Не Вину подчеркивалось, что новое правление будет использовано для подготовки «свободных и честных выборов» в течение шести месяцев [24, 542]. Военные питали надежду, что, хотя «демократический образ жизни» еще и не пустил крепких корней в Бирме, период военно-бюрократического правления позволит ускорить этот процесс. В документе новой власти под названием «Национальная идеология и роль института обороны» говорилось: «*Демократия*

(курсив мой. — *Р. С.*) расцветет, если только народ будет уважать закон... Говорить на словах о принципах демократии недостаточно — наши действия должны быть воплощением этих принципов» [24, 539].

Действительно, период военно-бюрократического правления в Бирме в 1958—1960 гг. характеризовался как относительной свободой политической деятельности, так и настойчивыми попытками военных строго соблюдать конституционный порядок, изданные ранее законы [87, 258—260]. Не Вина в первый период его правления даже прозвали «конституционным солдатом» за строгое следование выработанным ранее нормам государственной жизни. Впоследствии бирманский лидер признавал, что он сам длительное время был среди тех, кто считал прогрессивным для страны путь парламентской, т. е. буржуазной, демократии [50, 60].

Однако таков был лишь фасад военно-бюрократического режима 1958—1960 гг. Характерно, что, несмотря на заявления военных о верности парламентаризму и конституционным нормам, партии не играли в нем сколько-нибудь значительной роли. Новая власть предпочитала полагаться во всей своей деятельности на прослойку профессиональных администраторов, которые могут быть отнесены к числу бюрократии. Негативное отношение армейского командования к партиям во многом проистекало из весьма разочаровывающего для обеих сторон опыта сотрудничества. Ведь было время, когда военные пытались реорганизовать отдельные из существующих буржуазных партий. В первой половине 50-х годов группа высших офицеров во главе с Не Вином убеждала деятелей Социалистической партии провести реорганизацию, послать подготовленные кадры на работу в широкие массы с целью укрепления социальной базы организации. Они настаивали на том, чтобы правые социалисты приняли идеологию, «соответствующую бирманским нуждам и условиям» [87, 235]. В то же время военные указывали своим гражданским коллегам на то, что нельзя допускать зависимости партии от крупных торговцев. По их мнению, это могло привести лишь к подчинению партии интересам бизнеса [87, 235].

В других странах, так же как и в Бирме, военные неоднократно предпринимали попытки использовать в своих целях существующие или создать новые полити-

ческие партии, действующие открыто или тайно от лица армии. В Индонезии, например, некоторые деятели из числа военнослужащих сформировали в 50-х годах собственную партию — Союз сторонников индонезийской независимости.

Но, как правило, существующие буржуазные или мелкобуржуазные партии редко превращаются в эффективный инструмент офицерства. Даже там, где военные стали инициаторами создания в рамках буржуазного парламентского режима собственных политических организаций, последние довольно быстро отходили от офицерства и «увязали» в существующей партийной системе. Примером может служить эволюция вышеупомянутого Союза сторонников индонезийской независимости, который, хотя и продолжал симпатизировать определенным представителям высшего офицерства, в дальнейшем перестал быть выразителем их воли. Это объясняется тем, что созданная частью офицерства партия вынуждена выступать на равных правах со всеми остальными. Однако, принимая во внимание гораздо больший опыт, влияние и охват населения другими партиями, такой партии трудно было играть такую же роль в рамках «нормального» политического процесса.

Таким образом, прошлый политический опыт военных, в частности их опыт общения с буржуазными партиями, их попытки создать собственные партии или использовать существующие не давали результатов в условиях гражданских режимов. Ни одна из партий буржуазии не нашла для себя возможным вступить в тесное сотрудничество с вооруженными силами, подчиниться военному руководству. Наоборот, партии, стоявшие у власти, старались найти противовес растущему могуществу армии.

С момента прихода военных к государственному руководству проблема «армия — политические партии» решается в одностороннем порядке. Монополия политической власти при опоре на вооруженную силу позволяет им избавиться от неугодных партий и в то же время предпринять шаги по созданию связанных с режимом организаций. Подобные организации становятся важным звеном рождающейся политической системы как в странах прогрессивной ориентации, так и в странах с диктатурой бонапартистского типа. Во второй группе стран

военные помимо создания новых организаций в определенных случаях пытаются приспособить к своему режиму ряд буржуазных партий путем перестановок в их руководстве. Об этом, например, свидетельствует эволюция ряда индонезийских организаций во второй половине 60-х годов. Таким путем новая власть стремится преодолеть узость военно-диктаторских методов правления, создать собственные инструменты политического действия.

Создание политических организаций новой власти требует общественной поддержки. Ее отсутствие является, кстати, главной слабостью всякой военной диктатуры. Хотя в военных кругах афро-азиатских стран принято считать, что приход армии к руководству страной получает безоговорочное одобрение населения, последующая пассивность или настороженность населения в отношении новой власти вряд ли подтверждает эти оптимистические взгляды. Длительное господство колонизаторов и эксплуататорских классов породило слишком большое недоверие к государственной власти вообще, чтобы народ сразу протянул руку армии, несмотря подчас на прогрессивность ее выступления. Строгие меры, предпринимаемые против массового движения, профсоюзов и крестьянских организаций после переворота, естественно, не ведут к реабилитации армии как стража и хранителя нации в глазах соотечественников. Новой власти еще только предстоит доказать, на что она способна.

Понимание необходимости общественной поддержки появляется у руководителей режима не сразу. Так, например, в Египте организация «Свободные офицеры» готовила свержение монархии в строгой тайне, и лишь после переворота 1952 г. революционные лидеры убедились, насколько одинока армия, не имеющая организованной поддержки народа [12, 31—33]. Только тогда, в обстановке острой внутриполитической борьбы в послереволюционный период, они повели борьбу за завоевание на свою сторону масс. Для этого было недостаточно осуществить давно назревшие реформы. Требовалось создать новый механизм управления, который выполнял бы роль своего рода приводного ремня от узкой группы лидеров к широким слоям египтян. Шагом в этом направлении было образование Лиги освобожде-

ния, которая в напряженный момент противоборства двух течений в египетской революции — национально-революционного, олицетворяемого Насером, и либерально-буржуазного, олицетворяемого генералом Нагибом, — в немалой степени способствовала победе прогрессивной группировки [57, 44—45].

Но привлечение массовых организаций к решению тех или иных вопросов в кризисных ситуациях не снимает основной проблемы — как выработать формы постоянного участия определенных классов в политике режима. По-видимому, египетские лидеры в полной мере осознавали важность этой основной задачи, приступая к созданию новой политической системы, стержнем которой должен был стать в соответствии с конституцией 1956 г. Национальный союз [22, 66]. Египетские лидеры считали, что в рамках Национального союза народ сможет участвовать в осуществлении целей революции, строительстве «кооперативного демократического социализма» [30, 1966, № 8, стр. 43]. Египетский деятель Закариа Мохи эд-Дин называл план создания союза «исторической, экономической и социальной необходимостью» [101, 103]. Руководители Египта предполагали, что Национальный союз в своей законченной форме будет играть роль института, формулирующего национальную политику, а также контролирующего ее исполнение правительством [101, 113].

Национальный союз был основан в мае 1957 г. Его состав тщательно проверялся с целью не допустить в этот орган представителей распущенных оппозиционных партий. Низовая структура союза представляла собой сеть комитетов, создаваемых в различных территориально-административных единицах, начиная с деревни и кончая провинцией. В обязанности местных отделений входило: выдвижение кандидатов в комитеты местного самоуправления, приобщение населения к производственной кооперации, изучение проблем районов и предоставление рекомендаций местной администрации [101, 109].

Однако попытка ввести новый политический режим в Египте характеризовалась двойственностью — стремлением совместить военно-диктаторское, бюрократическое и выборно-демократическое начало. В условиях, когда армия и аппарат гражданской администрации продол-

жали играть огромную роль в жизни Египта, естественно, прежняя система сохранялась. Новый общенациональный форум — Национальное собрание, кандидатов в который выдвигал Национальный союз, не приобрел значения органа, облаченного властью.

Мы не случайно сделали экскурс в историю формирования новой политической системы послереволюционного Египта. Опыт египетской революции показывает, что наступает момент, когда вставшие во главе страны военные лидеры приходят к пониманию ограниченности военно-диктаторских методов управления и необходимости перехода к новой политической организации общества, перехода к представительному режиму [1].

К такому переходу толкает правящие военные круги и проблема административных кадров. Они не могут не считаться и с тем, что военные в администрации выполняют далеко не свойственные им функции. Использование аппарата насилия в общественной жизни ставит под угрозу не только престиж армии в широких кругах населения, но и ее боеспособность. Ведь основная задача армии — отражение внешней агрессии — по-прежнему остается. В ряде случаев в силу осложнения международной обстановки и других причин ее значение даже возрастает. Логика развития армии как военной организации приходит в противоречие с характером той административно-политической деятельности, которой приходится заниматься ее персоналу.

В то же время по мере все большего вовлечения профессионально подготовленных военных в решение всевозможных экономических, политических, социальных проблем перед правящими кругами встает вопрос: так ли глубок армейский «источник», чтобы комплектовать госаппарат доверенными военными кадрами? Ведь в большинстве афро-азиатских стран величина вооруженных сил непропорционально мала по сравнению с

---

[1] Но, говоря о переходе от военной диктатуры к представительной форме правления, необходимо подходить к оценке военной диктатуры, а следовательно, и ее эволюции в зависимости от классового характера диктатуры. Так, если в современной Бирме возвращение к буржуазно-демократическому режиму было бы шагом назад от антибуржуазного режима Революционного совета, то в Индонезии насущной задачей всех демократических и патриотических сил является борьба против военно-полицейской диктатуры.

потребностями в таких кадрах. При этом немаловажно учитывать тот факт, что к управленчеству в широком смысле могут быть допущены лишь наиболее подготовленные, квалифицированные специалисты, составляющие в то же время опору боевой силы армии.

В этих условиях власть оказывается перед необходимостью прибегнуть к услугам гражданских лиц, пополнять административный аппарат квалифицированными кадрами из числа интеллигенции. Венгерский ученый Дж. Богнар пишет: «Есть военные режимы, которые пытаются завоевать массы, но исключают при этом образованные слои из руководства. Ясно, что проблемы экономического роста и управления в общем не могут быть решены без активного участия этих слоев. Недостаток сотрудничества с их стороны не может быть компенсирован за счет „переподготовки" военных офицеров в гражданских экспертов» [69, 133].

Опыт Египта воочию подтверждает справедливость высказанной выше мысли. По мере того как государственный сектор в 50-х годах принимал на себя все более широкие функции в области промышленности, торговли, страховом деле и т. д., возрастала необходимость в рекрутировании на новые должности гражданских кадров. Армия не была способна дать такое количество плановиков, экономистов, инженеров, статистиков и экспертов, в которых нуждается современное государство. Роль вооруженных сил как поставщика квалифицированного персонала еще более сократилась в конце 50-х — начале 60-х годов, когда страна вступила на путь некапиталистического развития. П. Ватикиотис пишет: «Экспроприация собственности иностранных и местных капиталистов, национализация коммерческих предприятий, сферы коммунального обслуживания, Суэцкого канала и социалистические законы 1961—1962 гг. сделали невозможным для новой элиты остаться ограниченной военным институтом» [91, 373].

Если раньше группа национальных военных лидеров во всем зависела в первую очередь от той организации, при помощи которой она пришла к власти, отныне жизнь заставляет их в большей мере полагаться на специалистов из гражданской среды. Объективно роль военных сокращается, хотя далеко не полностью. Нельзя не учитывать то, что гражданские «спецы» попадают

в государственный аппарат не как представители каких-то политических партий. Их нанимают на государственную службу, и они сохраняют многие черты бюрократии — инструмента правящей власти. В то же время ключевые посты по-прежнему остаются за выходцами из военной среды.

Проблема установления контроля над армией

Процесс перехода к представительному режиму, сокращения влияния армии на общественную жизнь отличается крайней сложностью и противоречивостью. Армия в большинстве стран является привилегированным институтом. Практически повсюду, от Ганы до Индонезии, высшее, старшее, а отчасти и среднее офицерство является привилегированной высокооплачиваемой прослойкой. Офицерство пользуется различными льготами и благами, получает регулярные надбавки к зарплате, командному составу предоставляются земельные участки в частное пользование. Военные живут в роскошных по сравнению с остальным населением условиях. Правящие круги прибегают и к подкармливанию офицерства, предоставляют ему ответственные посты в гражданском аппарате в случае ухода с военной службы, заботятся в целом о его благосостоянии и достатке [2]. Многие офицеры рассматривают вооруженные силы как важнейший канал продвижения в имущие классы, источник привилегий и богатства, некоторые из них связаны с представителями крупного бизнеса. Пребывание в гражданском аппарате прививает военным бюрократам привычку управлять, ставит их в положение незаменимых администраторов, традиционно связанных с армией. Любая попытка «девоенизации» режима буржуазными или революционно-демократическими правительствами воспринимается офицерами, занимающими

[2] Красноречивым примером этого явилась так называемая «отставка» большой группы генералов в индонезийской армии в 1970 г. Фактически она мало что изменила в их материальном положении, ибо эти военнослужащие последние годы были заняты в экономическом и административном аппарате республики. Сохранение за ними гражданских постов означало сохранение привилегий и богатств этих представителей «военной» буржуазии.

ответственные посты в госаппарате, а также их коллегами на действительной службе как угроза их интересам.

Однако интересы военной бюрократии, привилегированного военного и вышедшего из его среды гражданского чиновничества, с одной стороны, и группы вышедших из армейских рядов политиков, непосредственно реализующих власть, с другой, не всегда совпадают. Если бюрократы в военной и гражданской форме в первую очередь думают о собственных привилегиях и привилегиях армии, любой военный правитель олицетворяет в первую очередь не правление армии, как таковое, а власть определенных классовых сил, которая сохраняется и поддерживается при помощи вооруженных сил. Править же, полагаясь лишь на военно-бюрократический аппарат, означает по существу оставаться глубоко зависимым от него. Поэтому перед армейскими лидерами встает проблема эффективного контроля над военным институтом.

Формально государственный контроль над вооруженными силами осуществляется всей системой учреждений и служб, поддерживающих существование военного организма. Однако, учитывая громадную политическую роль военной верхушки офицерства, с одной стороны, и слабость контролирующих армию государственных органов — с другой, большое значение в установлении контроля над армией приобретают связи военных правителей с высшим офицерством на действительной службе, которое обычно после переворота надолго становится органической частью реализующей власть группы. Эти связи имеют свою историю. Повсюду в странах Азии и Африки приходу военных к государственному руководству предшествовал значительный период тесных контактов между будущими правителями и их единомышленниками. Нередко они реализовались в рамках единой организации, как это было в египетской организации «Свободные офицеры», а затем в Совете руководства революцией. В бирманской армии существовала глубокая взаимосвязь между ветеранами Армии независимости Бирмы. Почти все члены Революционного совета Бирмы являются выходцами из ее рядов. В Алжире вокруг Хуари Бумедьена со времени освободительной войны сплачивалась группа руководителей, бывших уча-

стников «внешней АНО», а ныне членов правительства и Революционного совета.

Вообще революционные советы в различных странах явились важной формой консолидации всех единомышленников — выходцев из военной среды. Опираясь на них, политик в военной форме имеет возможность контролировать институт вооруженных сил. Сказанное выше, конечно, не означает, что он всегда может считать личную и идейную преданность, исторические связи с членами своего окружения гарантией контроля над армией. Разрыв отношений с бывшими единомышленниками вплоть до смертельной вражды — явление довольно частое в офицерских кругах. Об этом с достаточной очевидностью свидетельствует опыт Ирака, Египта и ряда других стран Востока. В действиях государственных руководителей из числа военной верхушки в отношении своего окружения имеют место перетасовки, замена менее «верных» более «верными», стремление уравновесить противоборствующие силы в высшем органе руководства страной.

Для стран прогрессивной ориентации наиболее зрелой и эффективной формой контроля над вооруженными силами потенциально является партийный контроль. Однако последний в силу неразвитости самих партий не пустил глубоких корней. Для военных лидеров характерны половинчатость в вопросе установления партийного руководства над армией, стремление сочетать личный контроль над ней как представителей армии и партии в одном лице. В вооруженных силах обычно не существует партийных ячеек, что военные объясняют нежеланием нарушать армейские порядки и дисциплину.

Тем не менее существует объективная необходимость в организации, которая могла бы выступать в качестве органа, планирующего самую общую политику в различных областях общественной жизни. Отсюда значительное внимание правителей в военной форме к партии. Последняя может стать единственной политической организацией, осуществляющей руководство всеми областями жизни общества, в том числе и военной. В Алжире, Бирме и некоторых других государствах уже не первый год идет строительство кадровых партийных организаций, причем в Бирме постоянно подчеркивает-

ся, что армия должна признавать руководство Партии бирманской социалистической программы в политической области [40, 1969, № 17, стр. 7].

Итоги развития военно-бюрократических режимов

Опыт подавляющего большинства государств, переживших бонапартистское правление, свидетельствует о том, что начало или возобновление деятельности представительных институтов, органов самоуправления на местах, партий и общественных организаций не приводит к автоматической отмене военно-бюрократических методов управления жизнью общества и его демократизации. Диктатура эксплуататорских классов продолжает осуществляться при опоре на армию, полицию, тайную службу, государственный аппарат в целом, несмотря подчас на вполне респектабельный фасад режима.

Тем не менее в зависимости от конкретных условий степень непосредственного использования откровенно военно-диктаторских методов, а также форма их использования может быть различной. Различна и роль представительных органов в странах с бонапартистским правлением. Наконец, помимо общих черт военно-бюрократические режимы в различных странах имеют свои особенности и присущую именно этим странам логику развития. В качестве примера рассмотрим историю эволюции военно-бюрократического режима в Судане, Пакистане и в Бирме.

С самого начала правящие круги в Судане взяли курс на развитие связей с иностранным капиталом, широко распахнули двери перед империалистическими монополиями. Предпринимались также попытки оживить деятельность местной буржуазии, для чего проводились различного рода стимулирующие мероприятия по созданию организаций местных промышленников, суданских банков и т. п. Преобладавшая во внутренней политике тенденция к стимулированию процесса капиталистического развития при поддержке империализма предопределила непоследовательность внешней политики режима. Провозглашенный в тот период правителями Судана нейтралистский курс, сопровождавшийся многочисленными уступками бывшим империалистическим хозяевам, носил чисто формальный характер.

Все это привело к тому, что уже в первый год существования военно-бюрократического правления в Судане обнаружилась органическая слабость власти генералов. Весьма характерно, что разложение диктаторских порядков началось с армии. Попытки выступлений нескольких офицерских фракций вооруженных сил в 1959 г. свидетельствовали о недовольстве радикальных мелкобуржуазных слоев армии и гражданского общества всем характером проводимой военными правителями политики в экономической, социальной и внешнеполитической областях.

С каждым годом господства военно-бюрократического режима нарастала забастовочная борьба, все большее недоверие к нему испытывали даже привилегированные классы и социальные слои, тяготившиеся авторитарными методами правления военных. Местная буржуазно-помещичья верхушка, сначала молча согласившаяся на правление генералов, была глубоко разочарована роспуском всех политических партий, игнорированием ее политических интересов и перестала смотреть на военщину как на желательную руководящую силу в государстве.

Логика политической борьбы вынудила буржуазно-помещичьи круги пойти на сотрудничество с левыми силами. В результате возник весьма пестрый оппозиционный фронт всех недовольных режимом политических группировок. В нем участвовали такие «полярные» силы, как компартия и буржуазно-помещичья партия Аль-Умма.

Появление мощной оппозиции в условиях господства авторитарной власти вело к еще большему углублению противоречий между военной верхушкой и остальной частью суданского общества. Социальная иммобильность суданских генералов окончательно завела в тупик военно-бюрократический режим. Все их попытки как-то видоизменить политическую систему лишь усиливали военно-бюрократическое начало в характере власти, ее чрезвычайную централизацию.

Борьба левых сил против режима, недовольство правлением генералов со стороны демократически настроенного младшего офицерства, а также противоречия между правящей военной верхушкой и буржуазно-помещичьими партиями — все это способствовало дальнейше-

му кризису военно-бюрократической власти и ее падению в октябре 1964 г. в результате мощного наступления демократических сил, выступивших против диктатуры. Однако внутренняя реакция продолжала сохранять свои позиции в системе государственной власти.

В мае 1969 г. при опоре на армию к власти в Судане пришло правительство генерала Нимейри, провозгласившее программу позитивных социально-экономических мероприятий. Суданские коммунисты поддержали эту программу. Однако лидеры режима стали все более заметно эволюционировать в сторону правонационалистического курса. В начале 1971 г. они запретили деятельность массовых демократических организаций, а суданскую компартию пытались поставить в один ряд с реакционными организациями, распущенными после переворота в мае 1969 г. События 19 июля 1971 г., когда группа молодых офицеров пыталась совершить переворот, были использованы в течение некоторого времени для кампании, направленной против левых, демократических сил страны.

Опыт правления военно-бюрократической верхушки в Пакистане отличается от суданского «образца». Военные правители, выражавшие интересы крупной западнопакистанской торгово-промышленной буржуазии и обуржуазившихся помещиков, с самого начала взяли курс на такое изменение политического режима диктатуры, при котором механизм бюрократической власти оказался бы интегрирован в новую политическую систему. Институты последней должны были возникнуть в соответствии с указом от октября 1959 г. о введении так называемых «основ демократии» — пятиярусной системы управления и самоуправления, которая после 1960 г. пришла на смену прежней, фактически развалившейся накануне переворота 1958 г. [58, 203—208]. Пакистанские лидеры ставили своей целью добиться путем введения новой системы управления стабилизации всего общественного порядка на достаточно продолжительный период. Они рассматривали реформы в аграрной, экономической, судебной и других областях не только как самостоятельные акции, направленные на модернизацию экономического и социального порядка, но и как важное средство подготовки необходимой социальной базы, на которой,

как говорилось в одной из речей генерала Айюб-хана, «могла развиться вертикальная пирамида здоровой политической системы» [16, 19].

Однако, несмотря на попытки буржуазно-помещичьих сил выдать «основы демократии» за подлинную революцию в системе управления страной, консервативный характер этой «революции» вытекает уже из факта сохранения контроля бюрократической машины над представительными органами, которые были созданы впоследствии путем антидемократических выборов и назначений административных чиновников в различных районах и городах страны. По существу представительные органы стали придатками государственного аппарата [58, 211].

Несмотря на такие мероприятия, как выборы в Национальное собрание, выборы президента, восстановление деятельности политических партий, возрождение оппозиции, отмена в 1962 г. военного положения, буржуазный пакистанский историк и социолог К. Сеед счел возможным в 1968 г., через десять лет после переворота 1958 г., так охарактеризовать политический режим Пакистана: «Президентская власть осуществляется в консультативных рамках бюрократической системы, унаследованной от англичан...» [32, 1968, февраль, № 2, стр. 97].

Глубоко бюрократический характер политического режима Пакистана проглядывал в любых мероприятиях правящих кругов. Так, создание Айюб-ханом правительственной партии Мусульманская лига не привело к разделению труда между собственно бюрократическим исполнительным аппаратом и политическим руководством. Эта отколовшаяся от старой Мусульманской лиги организация рассматривалась правителями как своего рода комитет по мобилизации массовой поддержки режиму после разрешения деятельности оппозиционных партий. После реорганизации партии в 1965—1967 гг. была усилена связь между органами «основ демократии» на всех административных уровнях и партийными организациями Мусульманской лиги. Согласно ее новому уставу от 1966 г. в высшей партийной иерархии была принята система назначений или автоматического членства. Президент партии назначал генерального секретаря, а президенты провинциальных отделений Лиги получили полномочия принимать самостоятельные решения в особых

случаях, не предусмотренных уставом или вызванных особыми обстоятельствами. Губернаторы провинций и все министры центрального и провинциальных правительств автоматически становились членами совета Лиги. Таким образом, происходило интенсивное сращивание государственного бюрократического и партийного аппарата.

В новой политической системе Пакистана сохранялось значение армии и полиции как инструментов «политической стабильности». Специалист по Пакистану Р. Лапорте пишет о том, что возвращение военных в казармы после переворота 1958 г. не означало падения их влияния в гражданской жизни. «Хотя военные и оставались на заднем плане и воздерживались от вмешательства,— указывает он,— они делали косвенный вклад в существование режима» [32, 1969, ноябрь, № 11, стр. 853]. Армия часто напоминала о себе, в особенности в периоды острого политического противоборства, принимала участие в подавлении и разгоне демонстраций, преследованиях демократических сил. Она продолжала служить прикрытием режима от оппозиции, стремительно расширявшей свои ряды в конце 60-х годов.

В социально-экономической области десятилетнее правление Айюб-хана ознаменовалось ускоренным ростом капитализма,

«Основы демократии» создавали более благоприятные, чем прежде, условия для развития капиталистических отношений в стране. К власти были подключены новые группы буржуазии, что в определенных пределах расширило социальную основу режима. Расширялись и усиливались позиции местных монополий, интересы которых все более тесно переплетались с интересами военной верхушки и высшего звена гражданской бюрократии.

Одновременно правящие круги попытались покончить с наиболее вопиющими пороками прошлого, осуществить реформы в аграрной, промышленной и других областях.

Однако, несмотря на значительные успехи в экономическом развитии Пакистана в период десятилетнего правления Айюб-хана, а также позитивные изменения во внешней политике (отход от односторонней прозапад-

ной ориентации), военно-бюрократическая система власти сохраняла прежний социальный порядок.

Но по мере дальнейшего развития капитализма в Пакистане происходил рост новых классов и социальных слоев — пролетариата, разночинной интеллигенции из мелкобуржуазной среды, студенчества, непролетарских слоев трудящихся. Социальные сдвиги в пакистанском обществе предопределили дальнейшее углубление несоответствия между новыми общественными потребностями и характером бюрократической системы правления. Со второй половины 60-х годов режим стал подвергаться все более сильному давлению со стороны самых различных классовых сил. Расширение рядов рабочего класса, возникновение новых профсоюзов привело к резкой активизации рабочего движения, забастовочной борьбы. Все активнее выступали в политической жизни средние слои — городская мелкая буржуазия, адвокаты, учителя, студенты,— требовавшие решения насущных проблем Пакистана. В конце 60-х годов давление на режим Айюб-хана стало настолько сильным, что правящие круги оказались перед выбором: или уйти со сцены, или применить чрезвычайные меры для спасения существовавшего социального и политического порядка. Новое руководство во главе с генералом Яхья-ханом, пришедшее к власти в 1968 г., вновь прибегло к испытанной чрезвычайной мере — введению военного положения.

Однако обстановка в стране была совершенно иной, нежели в 1958 г. Выросли социальные силы, которые уже не позволяли «верхам» править «по-старому». Это заставило новую военно-бюрократическую власть выдвинуть программу реформ, которых многие годы требовали демократические силы страны. Но эта программа так и не была воплощена в жизнь. Победа национального движения бенгальского народа на выборах 1970 г. в Национальное собрание стала причиной невиданных расправ и вооруженного подавления, а затем и оккупации бывшей восточной провинции Пакистана, верной властям, западнопакистанской армией. Действия реакционной военщины привели к гибели миллионов бенгальцев. Многомиллионный поток беженцев, спасавшихся от репрессий западнопакистанских властей, искал убежища в соседней Индии.

Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косы-

гин следующим образом сформулировал политический смысл кризиса конца 60-х — начала 70-х годов на Индостанском субконтиненте: «Он определялся столкновением противоположных сил: с одной стороны, сил национального освобождения, с другой — сил антинародной военной диктатуры, сомкнувшихся с внешними агрессивными кругами, враждебными народам Индостана, в том числе и пакистанскому народу» [29, 18.III.1972]. В самый разгар военных действий в Индостане Соединенные Штаты оказывали военно-политический нажим на Индию и, несмотря на свои заявления о нейтралитете в происходящих событиях, изыскивали средства прямой и косвенной поддержки западнопакистанских властей. Позиция США имела целью укрепление власти пакистанской военщины внутри страны, ибо с момента начала агрессии против Индии судьба военно-бюрократического режима в огромной мере зависела от того, в пользу какой из сторон будут развиваться дальнейшие события.

Активное военно-политическое содействие западнопакистанским властям оказывали маоисты. Их курс на поддержку бонапартистской реакционной диктатуры полностью совпал с позицией Соединенных Штатов и был направлен против справедливой национально-освободительной борьбы народа Восточной Бенгалии за создание независимого демократического государства.

Внутренняя реакционная политика и внешнеполитическая авантюра пакистанского военно-бюрократического режима предрешили его судьбу. После создания на территории бывшего Восточного Пакистана суверенного демократического государства бенгальского народа власть генералов в Пакистане в результате мощного оппозиционного движения пала и в стране было установлено гражданское правление.

В ином направлении, нежели в Пакистане, эволюционировал военно-бюрократический режим в Бирме. Избрание гражданской бюрократии в качестве опоры режима «военной опеки» 1958—1960 гг. лишило его всякого динамизма и перспективы. Фактически он олицетворял статус-кво в социально-экономическом строе, общественных отношениях и лишь несколько оттянул кризис, к которому вели страну предшествовавшие ему буржуазные правительства. Военные правители в тот период не

имели никакой другой программы, как оздоровление обстановки в стране путем строгого соблюдения буржуазно-демократических конституционных норм. Санкционированные ими выборы 1960 г. вернули их к тому, с чего они начали, а именно к правлению прежних буржуазных группировок.

Период 1958—1962 гг. был чрезвычайно важным для бирманского офицерства. Именно в эти годы происходила скрытая от внешних глаз борьба в рядах военных, мучительная переоценка ценностей патриотическими элементами, увидевшими всю ограниченность и обреченность военно-бюрократического режима, глубину кризиса не только политического, но и всего социально-экономического строя страны. Прогрессивные элементы среди офицерства постепенно приходили к пониманию необходимости опоры на новые общественные силы, которые стали бы движущей силой революционных преобразований.

Результатом этих серьезных сдвигов внутри офицерства и армейского командования явился революционный переворот 1962 г. Хотя во главе правительства «военной опеки» 1958 г. и взявшего в свои руки всю полноту власти в результате переворота 1962 г. Революционного совета стояло одно и то же лицо — генерал Не Вин, изменился состав его ближайших помощников. Многие из старших офицеров, придерживавшихся правых взглядов и занимавших ключевые посты в 1958—1960 гг., были отправлены на пенсию или назначены послами за границу [35, 1967, январь, стр. 42]. Процесс чистки высшего и старшего офицерства от правых элементов продолжался и после утверждения у власти Революционного совета [50, 69]. Американские авторы А. Винденбош и Р. Батуэл пишут: «Люди, которые убеждали его (Не Вина. — *Р. С.*) взять власть из рук У Ну в 1958 г., бригадный генерал Аун Джи и полковник Маунг Маунг, давно с тех пор покинули ряды его верховных советников... Либеральные социалисты были заменены... более доктринерски настроенными людьми типа бригадного генерала Тин Пе...» [100, 258]. Вышеназванные авторы отмечают отсутствие в нынешнем режиме «качественного», по их мнению, «человеческого материала» в лице Аун Джи и его единомышленников.

В словах западных ученых чувствуется тоска по про-

шедшим временам военно-бюрократического правления, когда Аун Джи и его единомышленники пытались использовать пребывание военных у власти для утверждения позиций военно-бюрократической буржуазии, видевшей свой идеал в форсированном развитии капитализма, в том числе местных бирманских монополий. Однако вышеназванные авторы правы в том отношении, что, действительно, в армейском командовании на передний план выдвинулись не либеральные, а радикальные элементы. Притом новый, прогрессивный выбор был сделан ими лишь после того, как совершилось размежевание в рядах офицерства и патриотическая часть армии была в состоянии взять инициативу в свои руки. Не случайно Не Вин отказался совершить новый переворот сразу после выборов 1960 г., несмотря на давление правых офицеров [87, 291].

Выступление Революционного совета под руководством Не Вина в 1962 г. представляло собой подлинно революционную меру, направленную против господства буржуазной власти. В рамках программы бирманского пути к социализму впервые были сформулированы и начали проводиться в жизнь планы перестройки экономической, социальной и политической структуры общества на некапиталистический лад. Учитывая характер нашей работы, а также широкое освещение этих вопросов в советских научных и популярных изданиях, мы не будем на них останавливаться. Посмотрим, однако, как изменилось отношение бирманских военных лидеров к одному из важнейших механизмов режима 1958—1960 гг.— к институту бюрократии.

В опубликованной 30 апреля 1962 г. Политической декларации Революционного совета под названием «Бирманский путь к социализму» говорилось: «Большое препятствие на нашем пути к социализму — существующий бюрократический аппарат. При помощи такого аппарата невозможно достижение наших социалистических целей. Будут приняты меры к ликвидации этого бюрократического аппарата, к созданию твердых основ социалистического демократического аппарата» [9, 146].

Бирманский журнал «Форвард» писал в августе 1969 г.: «Социалистическая система не может быть создана в стране до тех пор, пока не упразднена бюрократическая машина. Трудящиеся Бирмы уже испытали на

себе зло бюрократии. Сейчас они осознают, что она служит интересам колонизаторов и капиталистов... Познав негативные стороны бюрократии, Революционный совет возлагает свои надежды на программу Партии бирманской социалистической программы, в которой говорится о том, что бюрократическая машина должна быть заменена демократической формой администрации» [40, 1969, август, № 24, стр. 3].

Вот уже не один год в Бирме развертывается кампания борьбы против бюрократии. Она проводится с с одобрения и при прямом участии властей. В одном из своих выступлений перед старшими чиновниками генерал Не Вин специально указывал на опасность попыток бюрократии сосредоточить в своих руках значительную власть [66, 437]. Бирманские руководители осознают, что не отдельный бюрократ, как таковой, а вся система бюрократического управления тормозит развитие страны по прогрессивному пути [41, 1969, № 5, стр. 6]. На страницах периодических изданий бюрократы, бюрократический аппарат, бюрократический подход подвергаются постоянной критике и разоблачению.

Курс Революционного совета на борьбу с бюрократией нашел отражение в составе этого высшего органа власти, в котором практически все посты принадлежали военным. После того как старшие гражданские чиновники были переведены на пенсию, посты секретарей в министерствах и директоров в департаментах заняли представители армии [66, 437]. Аналогичные изменения произошли во всех звеньях гражданской администрации: в районах, подрайонах, даже в деревнях. На смену деревенскому старосте и другим административным должностным лицам пришли комитеты местного управления, в которых важнейшие должности заняли представители армии. Последняя поставила свои кадры на все ответственные посты, принадлежавшие раньше гражданской бюрократии.

Процесс внедрения военных в гражданскую администрацию напоминает то, что происходило в Египте в 1952—1960 гг. Так же как и египетские, бирманские руководители допустили в госаппарат наиболее доверенную силу — офицерство, ибо только в военных они могли найти замену прежним бюрократам. Однако важное отличие бирманского опыта от египетского состоит в том,

что в Бирме офицеры пришли в гражданский аппарат в период, когда, во-первых, произошло размежевание сил в офицерском корпусе, окончившееся победой антибуржуазных элементов, а во-вторых, новая власть вполне определила свою социальную ориентацию и приступила к созданию предпосылок перехода Бирмы на социалистический путь. Антикапиталистическим преобразованиям после 1962 г. в сфере национальной экономики соответствуют прогрессивные изменения в надстройке, выразившиеся в создании революционной партии, рабочих и крестьянских советов.

В Египте же попытки создания новой политической системы предпринимались в период, когда власть еще не определила окончательно своей социальной ориентации. Возникавшие гражданские институты (Национальный союз) как организации каких-то общественных классов устаревали раньше, чем они могли начать функционировать. Их социальный состав, в котором преобладали имущие слои, буквально через два-три года уже не отражал изменений, происшедших в социальной структуре.

Конечно, замена старших представителей гражданской бюрократии офицерами еще не означает, что с бюрократическим механизмом, как таковым, покончено. Опыт Бирмы, Египта, Ирака и многих других стран показывает, насколько это сложная задача. Она может быть решена лишь тогда, когда обретет жизненность новая прогрессивная организация общества, ее институты начнут работать, на смену командным методам управления придут демократические.

Так, из опыта Бирмы видно, что чрезвычайный характер методов управления, до сих пор практикующийся в стране и нашедший воплощение в комитетах безопасности и администрации, объективно противоречит демократическим нормам управления. Занявшие место гражданских, военных чиновников весьма склонны править командными директивными методами. Не случайно в полуофициальном еженедельнике «Гардиан» говорится о том, что в сегодняшней Бирме существует опасность появления «бюрократов новой разновидности» [43, 1969 г. № 3, стр. 4]. И хотя авторы статьи видят спасение от них в установлении контроля за «новой» бюрократией со стороны рабочих и крестьянских советов, тем

не менее, учитывая незрелость этой формы общественного управления, трудно полагать, что опасность развития различного рода деформаций в нынешнем режиме перестала существовать.

Есть еще одно обстоятельство, которое не может не осложнять борьбу с бюрократией, наследием прошлой власти. Заменить всех чиновников, в том числе специалистов в определенных областях, естественно, невозможно. Однако, будучи представителями буржуазной интеллигенции, они в общем тяготеют к старому порядку. Их не устраивают радикальные реформы в различных областях, в том числе в административной, ибо эти реформы лишили их привилегированных позиций, низвели до положения «спецов» [66, 440]. Это касается в первую очередь административных чиновников, врачей, адвокатов и т. д. Вместе с тем Революционный совет вынужден считаться с их присутствием в административном аппарате, принимать во внимание их профессиональную полезность. Более того, попытка демократизации режима, предпринятая в конце 60-х годов, связанная с освобождением из заключения видных буржуазных деятелей Бирмы (У Ну, У Ба Све и др.), была вызвана в известной мере стремлением лидеров Революционного совета пробудить к активному сотрудничеству с властью эти слои буржуазной интеллигенции, относящейся к ней пока недоверчиво, скептически.

Хорошо известно, чем окончилась эта попытка Революционного совета расширить базу своей власти. Буржуазные лидеры потребовали от правительства возвращения к старым порядкам [32, 1970, № 2, стр. 141]. Это и понятно. Бюрократия тайно и явно пытается саботировать мероприятия Революционного совета, тормозить развитие радикальных перемен, опасаясь, что революционная власть полностью уничтожит ее влияние и значимость. О том, что события развиваются именно в этом направлении, свидетельствуют такие акты режима, как создание Центрального народного крестьянского совета и Центрального народного рабочего совета, проведение в 1971 г. съезда Партии бирманской социалистической программы и, наконец, разработка и обсуждение проекта конституции в 1972 г. Становление и развитие новых, прогрессивных отношений в Бирме резко сужает сферу воздействия бюрократии на государственную жизнь, а

начавшаяся весной 1972 г. серьезная перестройка административного аппарата имеет целью его радикальное изменение и демократизацию, приближение к сегодняшним нуждам страны.

* * *

Итак, военно-бюрократические режимы в большинстве стран современного Востока оказались не в состоянии преодолеть своих внутренних противоречий и эволюционировать в стабильный буржуазный представительный режим. Система бонапартистской власти освящала реакционный социально-экономический строй, углубление кризиса которого неминуемо вело к разложению и краху всей политической системы диктатуры. Несмотря на попытки правящих кругов в некоторых странах покончить с наиболее вопиющими пороками социального и экономического порядка, расширить основу своей власти за счет новых нарождающихся групп буржуазии, политика «модернизации» консервативных укладов, экономических и политических форм оказалась на руку лишь верхушке имущих классов. В оппозицию к военно-бюрократическому режиму становились все новые классы и слои общества. Возвращение к более демократическим методам правления, когда оно имело место, происходило прямо вопреки воле реакционной военщины и связанных с ней буржуазно-помещичьих и бюрократических кругов в результате всеобщей борьбы демократических сил. Лишь в редких случаях, как, например, в Бирме, патриотическая часть армии, убедившись в социальной ограниченности своего правления, вставала на путь подлинно революционных действий.

ГЛАВА VI

ВОЕННО-БЮРОКРАТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ В ПЛАНАХ ИМПЕРИАЛИЗМА

В конце 50-х годов во многих государствах Азии и Африки начался кризис послеколониальных политических структур, еще более усилившийся в 60-х годах. На смену либерально-буржуазным парламентским режимам в одних странах и монархии в других приходили режимы военной диктатуры, отражавшей интересы определенных социальных сил. Армия, офицерство все чаще становились новой политической группировкой в национальной жизни.

По мере того как усиливается загнивание не соответствующих общественным нуждам политических порядков в странах Азии и Африки, изменяется и модифицируется империалистическая стратегия, вынужденная считаться с реальностями сегодняшнего дня. Если в прошлом основной формой правления для послеколониального общества империалистические стратеги считали буржуазно-демократический парламентский режим, ныне его жизнеспособность все чаще ставится ими под сомнение. В 1967 г., за год до своего избрания на пост президента США, Р. Никсон откровенно заявил: «Американцы должны признать, что... высокоразвитая политическая система, потребовавшая столетия для своего становления на Западе, возможно, не является лучшей для... других наций, которые имеют иные традиции и пока находятся на раннем этапе развития» [39, 1967, октябрь, стр. 117].

Вот уже четверть века многотысячная армия западных идеологов лихорадочно ищет новые формы органи-

зации послеколониального общества, которые позволили бы добиться стабилизации буржуазных порядков в молодых странах, предотвратить их «сползание» в сторону подлинно народной революции, не допустить укрепления связей между развивающимися государствами и мировой системой социализма. Все большие надежды Запад возлагает на армии афро-азиатских стран. В них он видит необходимый инструмент «опеки» над «взрывчатым, полным неожиданностей» развитием местного общества.

Почему армия? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо учитывать следующие основные моменты.

Во-первых, империализм рассчитывает на то, что вооруженные силы молодых государств Азии и Африки находятся в зависимости во всех вопросах военного строительства от более экономически развитых капиталистических государств. В условиях хозяйственной отсталости, отсутствия современной промышленности превратить национальные армии в институты, оснащенные современной техникой, подготовленными кадрами, можно только при их помощи.

Во-вторых, важную роль с точки зрения Запада играет генетическая связь ряда молодых армий с колониальным войском. «Было бы неверным недооценивать терпеливую заботу, которая сопровождала развитие и подготовку колониальных армий»,— пишет американский идеолог Л. Пье [90, 380]. Речь идет в первую очередь о тех странах, где процесс освобождения протекал в относительно мирных формах, а институт колониального войска был фактически в целости интегрирован в надстройку нового политически независимого государства. И поныне в армиях этих стран нередко искусственно сохраняется и поддерживается прежняя социальная организация. Происхождение офицерства из консервативных слоев населения, сохранение на командных постах военных профессионалов колониальной выучки, а в некоторых случаях теснейшая связь между неоколонизаторами и местной военщиной служат для империализма гарантией того, что вмешательство высшего офицерства в политику не приведет к радикальным переменам, реформам или крупным преобразованиям прогрессивного характера.

В-третьих, неоколониалистская политика в отношении армий Востока позволяла в течение всего послевоен-

ного периода оказывать прямое и косвенное воздействие на местные военные круги. Военное присутствие Запада во многих районах мира призвано создавать определенный политический климат, в котором должны расти и воспитываться армии афро-азиатских государств. Военные миссии главных капиталистических держав выполняют каждодневную работу по привитию местным военным угодных империализму взглядов. «Помощь» оружием, подготовка кадров в военных колледжах США и бывших метрополий закрепляет зависимость многих афро-азиатских армий в военной области от их могущественных «покровителей».

С возрастанием политической активности военных кругов стран Востока в конце 50-х — начале 60-х годов империализм начал делать определенную ставку на так называемые «военные» режимы. В итоге родилось еще одно направление политики неоколониализма, получившее идеологическое обоснование в различных концепциях западных ученых о роли вооруженных сил в странах «третьего мира». Буржуазная социология увидела в них «инструмент модернизации», новую силу, которой предстоит воплотить в жизнь идеалы «модернизации». Последняя обычно рассматривается как целенаправленная политика различного рода преобразований буржуазного характера, призванных расчистить путь для более «гладкой» капиталистической эволюции местных обществ, причем армии отводится роль важнейшего орудия «политической модернизации», а точнее — инструмента политической стабильности.

«Модернизаторское» течение объединяет целую группу западных ученых, каждый из которых предлагает собственную концепцию роли армии как преобразователя отсталых обществ. Однако в их взглядах много общего, что в конечном счете и позволяет говорить об их единой методологической основе.

Эти буржуазные ученые считают армию в странах Азии и Африки наиболее современной организацией, отличающейся как от политических партий, носящих нередко коммуналистский, религиозно-общинный характер, так и от государственных бюрократических институтов, связанных с консервативными кругами. По мнению западных ученых, вооруженные силы, в отличие от гражданских организаций, не разъединяют, а сплачивают

различные этнические элементы в более широкую национальную общность [94, 33], причем приобщение представителей отсталых народностей к современным порядкам может происходить наиболее легким для них путем, ибо, как указывает один из этих ученых, Л. Пье, «водораздел между традиционным и рационально ориентированным поведением не очень велик в армиях». Причина тому — иерархический характер их организации, который, по мнению Пье, одинаково подходит как к традиционным, так и к современным нормам поведения [90, 380].

Огромное значение в трудах западных авторов придается характеру военного образования офицерства, способности членов армии владеть современным оружием, подчеркивается общая техническая направленность их профессиональной подготовки. Большинство буржуазных социологов видят в военных последовательных сторонников технических изменений в жизни молодых государств, «технократов», мыслящих категориями модернизации.

Попытки представить военных в первую очередь как некую надклассовую технократическую силу, имеют вполне определенный классовый подтекст. Не случайно ряд западных теоретиков специально подчеркивает «органически присущее армии равнение на внешний мир». Речь обычно идет о равнении на капиталистический мир, вооруженные силы империализма. Л. Пье пишет: «Военные лидеры часто менее подозрительны по отношению к Западу, чем гражданские, ибо они чувствуют себя эмоционально в безопасности. Чувство эмоциональной безопасности дает возможность армейским руководителям реалистичнее смотреть на свои страны... Для них легче воспринять тот факт, что их страны слабые, а Запад силен... Так как этим лидерам, кажется, менее необходимо избегать реальностей, они в действительности являются более сговорчивыми людьми, если иметь с ними дело» [94, 87—88].

Еще более откровенно на этот счет высказывается английский автор Д. Ли. Он пишет: «После того как военные режимы созданы, они обычно осознают, что связи с бывшей метрополией или другими великими державами мира делают для них гораздо более легким получение признания... Армейская интерпретация своих

собственных интересов, кажется, может совпадать с интересами западных держав...» [84, 114].

В то же время западные стратеги прекрасно понимают, что «военный» режим является временным этапом в жизни молодого государства. Задержка на стадии армейского правления рассматривается ими как потенциально чреватая угрозой отрыва военных правителей от существующих буржуазных группировок, сужения классовой базы их власти, что ведет к общей нестабильности режима. Э. Шилз специально указывает на то, что «военный» режим не может создать «политического общества», под которым подразумевается буржуазный порядок, воплощенный в системе развитых буржуазно-демократических институтов [94, стр. 29]. Э. Шилзу вторит Л. Пье, критикующий «военное» правление за то, что оно не создает механизма регулирования чреватых конфликтами различных интересов в обществе [94, 250—251].

В этой связи можно с уверенностью сказать, что «военный» режим рассматривается в империалистической стратегии лишь как один из важных этапов в консолидации буржуазных порядков в ряде стран «третьего мира». Однако в отличие от первых послеколониальных лет ныне ориентация на буржуазно-демократические режимы — это лишь перспектива, путь к которой лежит через правление «армейской опеки». Поэтому курс на «военные» режимы в планах империалистических стратегов имеет вполне самостоятельное значение для сегодняшнего дня, как, впрочем, и для ближайшего будущего. В антинародном, буржуазно-бюрократическом характере власти офицерства в ряде государств Азии, Африки и Латинской Америки они видят необходимую предпосылку выгодной Западу эволюции молодых стран.

Расчеты империализма на военно-бюрократические режимы проверялись в течение всего последнего десятилетия в двух группах государств. Первая группа была представлена политически независимыми государствами Азии и Африки. Как было показано в предыдущей главе, в большинстве из них военно-бюрократические режимы потерпели крах, что заставило ряд буржуазных идеологов в конце 60-х — начале 70-х годов начать определенный пересмотр своей ориентации на реакцион-

ные военные круги. В их среде все чаще раздаются голоса, ставящие под сомнение «модернизаторскую» роль армии. Если в начале прошлого десятилетия в западной политической науке почти безраздельно господствовало мнение об «особо современном», «передовом» характере военного института, сейчас некоторые буржуазные специалисты начинают говорить о консерватизме военщины, ее корпоратизме и т. д.

Вторая группа государств была представлена странами, политическая независимость которых носила чисто формальный характер. На рубеже 50—60-х годов в странах Азии возник ряд режимов, которые явились порождением неоколониалистской стратегии. В первую очередь к ним относятся южновьетнамский и южнокорейский режимы. Они — детище американского империализма и наиболее консервативных сил Южного Вьетнама и Южной Кореи. Причем ни один из этих режимов не имеет, так сказать, «собственной основы». Общие политические, а в огромной степени и экономические условия их существования создаются внешними империалистическими силами в лице США и их союзников по военным и экономическим блокам.

В Южной Корее и Южном Вьетнаме армия — основной инструмент власти — не является производным независимого национального государства. С момента своего возникновения и по сегодняшний день она остается искусственным образованием, которое целиком и полностью выкроено по иностранному образцу. Она находится на полном иностранном содержании, является фактически прямым придатком вооруженных сил империализма. «Специалист» по Южному Вьетнаму Д. Дункансон пишет о том, что идеал, который ставила себе военная миссия США в этой стране, было создание такой южновьетнамской армии, которая являлась бы «дубликатом» американской армии [71, 298]. Структура ее командования, военного управления, службы обеспечения — все это почти полное повторение организации вооруженных сил США [71, 298].

Следует несколько более подробно остановиться на проблеме военно-бюрократических режимов неоколониалистского типа. Дело в том, что именно на армии, целиком и полностью зависимые от империализма, западные стратеги возлагали особые надежды, выдавая их за об-

разец «модернизирующей» силы, противопоставляя местную военщину «традиционным» политикам.

Под «традиционными» политиками имеются в виду те гражданские лидеры и организации, которые до прихода к власти неоколониалистских военно-бюрократических режимов выполняли роль главного инструмента американского империализма в борьбе против национально-освободительного движения в этих странах. Однако чрезвычайно узкая внутренняя социальная база гражданских неоколониалистских режимов вела их к неминуемому краху в течение всего послевоенного периода. В начале 60-х годов Южная Корея и Южный Вьетнам оказались на грани общенациональной революции. Небывалая активность широких народных масс, студенчества, различных религиозных групп фактически парализовала гражданский «конституционный» механизм правления в этих государствах и заставила империализм США срочно искать ему замену. Она была найдена в военно-бюрократическом режиме неоколониалистского типа.

Южная Корея и Южный Вьетнам стали опытным полем американских стратегов, попытавшихся применить на практике теории о модернизаторской роли армии в молодых государствах. Местные вооруженные силы были наиболее удобным инструментом для этой цели. Они находились под контролем американских генералов и целиком и полностью зависели от США во всех областях. Офицерский корпус этих армий был подготовлен западными инструкторами. В его высшие и средние звенья набирались обычно выходцы из привилегированных буржуазно-помещичьих кругов, а иногда из среды сельской буржуазии. Воспитание в глубоко проимпериалистическом духе сделало высший офицерский состав этих армий надежной опорой неоколонизаторов. Последние настолько тщательно контролировали внутреннюю жизнь этих армий, что всякие сдвиги в ней практически всегда направлялись империалистическими хозяевами. По их воле в так называемой Армии Республики Южный Вьетнам осуществлялись в начале 60-х годов перемены в командовании. На смену высшим офицерам «французской школы» пришли молодые военнослужащие американской выучки, выпускники военных школ и колледжей США [65, 125—126]. В отличие от прошлых лет им была

предназначена гораздо более широкая политическая миссия. Д. Дункансон указывает, что еще до того, как в 1963 г. совершился первый проамериканский военный переворот, американские эксперты в течение ряда лет подталкивали южно-вьетнамское офицерство в центре и на местах принять более широкое участие в гражданских делах, в территориальной администрации [71, 292]. К этому вынуждала все более широко развертывавшаяся с начала 60-х годов национально-освободительная борьба вьетнамского народа под руководством Фронта национального освобождения Южного Вьетнама.

Захват высшего государственного руководства местной военщиной в 1963 г. в Южном Вьетнаме и еще ранее, в 1961 г., в Южной Корее привел к изменению формы осуществления власти, но мало что изменил в ее классовой сущности. В противовес тому, что утверждали теоретики модернизации, называвшие местное офицерство «младотурками» и «революционерами», внутреннее развитие военно-бюрократических режимов неоколониалистского типа показало, что они никак не представляют новые социальные силы. Запрет буржуазно-помещичьих партий — верной опоры американского империализма — не носил в этих странах характера революционной меры. Опыт Южной Кореи воочию показывает, как практически вся прошлая гражданская политическая верхушка через несколько лет была интегрирована в состав новой правящей группировки, возглавляемой военными. Особенно явственно это стало видно после 1963 г., когда под давлением американцев южнокорейская диктатура приняла обличье «законного», «избранного» народом правления. В избирательной кампании 1963 г. военщина широко использовала помощь политиков «старого образца» и высокопоставленных чиновников бывшего режима Ли Сын Мана [39, 1969, апрель, стр. 563]. Союз «старых» и «новых» неоколониалистских сил из военной и гражданской среды окончательно оформился в правящей Демократическо-республиканской партии Южной Кореи (ДРП). Многие ее участники — это бывшие члены лисынмановской Либеральной партии. Ее средние звенья укомплектованы, по мнению специалиста по Южной Корее Хана, «оппортунистами», в большинстве своем из числа гражданских чиновников, служивших Ли Сын Ману, привлеченными в организа-

цию деньгами и перспективой быстрого продвижения по службе [45, 1969—1970, зима, стр. 449—450]. ДРП зависит в своих средствах и «политических фондах» от южнокорейской буржуазии, связанной с американским капиталом.

Давая характеристику Демократическо-республиканской партии, Хан пишет: «Во всяком случае сейчас ДРП так близко ассоциируется со старыми силами, что ориентация военных на развитие объединенной и эффективно правящей элиты оказалась не более чем лозунгом. Возможно, единственным крупным изменением в старой форме правления в Южной Корее является то, что военные ныне включены в список старых сил... представляют в большой мере те же самые старые силы. В итоге господство ныне существующей правящей группы в Южной Корее — это продукт четырехстороннего альянса военных, крупного бизнеса, высокопоставленных бюрократов и ДРП» [45, 1969—1970, зима, стр. 451].

Аналогичные процессы происходили в Южном Вьетнаме, где военщина также во многом опирается на прошлую гражданскую администрацию Дьема, принимает на службу дьемовских министров и высокопоставленных бюрократов.

Однако тон в правящих верхах Южной Кореи и Южного Вьетнама задают представители армии. В условиях углубляющегося кризиса прогнившего до основания социального порядка именно армия стала наиболее доверенным инструментом американского империализма. На нее тратятся огромные суммы, от нее по идее должно зависеть существование неоколониалистских режимов, подвергающихся ударам национально-освободительного движения. Создание правящей партии в Южной Корее, «представительных» институтов в Южном Вьетнаме в принципе не изменило механизма военно-бюрократического правления. В Южной Корее, например, основателем правящей партии был полковник Ким Чон Пхиль, глава креатуры ЦРУ — южнокорейского центрального разведывательного управления, правительство в значительной степени состоит из генералов, сменивших военную форму на гражданскую, в составе так называемой Национальной ассамблеи насчитывается 25 генералов в отставке, а $^3/_4$ государственных пред-

приятий и компаний возглавляют бывшие генералы [39, 1969, апрель, стр. 572]. Так, в политической системе страны закреплена главенствующая роль военно-полицейского истеблишмента. Режим застрял на этапе полицейской государственной опеки, которая, как и десятилетие назад, рассматривается в качестве пути к «подлинной демократии» [39, 1961, октябрь, стр. 134].

На этом же этапе находится южновьетнамская неоколониалистская диктатура. Марионеточный режим опирается во внутренней жизни на искусственно поддерживаемую структуру военно-бюрократического управления, олицетворяемую назначенными из Сайгона в районы военными и гражданскими чиновниками [37, 29.VIII.1970, стр. 30]. Для южновьетнамской военщины поддержание этой глубоко централизованной системы управления имело особое значение, учитывая как чрезвычайно узкую социальную базу ее власти, так и условия внутренней партизанской войны, которую вели патриоты Южного Вьетнама. В обстановке нарастания национально-освободительной борьбы южновьетнамская армия широко использовалась в так называемых «противоповстанческих» («контринсургентских») действиях, а также в гражданском управлении оккупированными территориями. Контринсургенция в Южном Вьетнаме стала основным направлением внутренней политики реакционного режима, в которой воплотилась его глубокая связь с главным теоретиком и практиком войн против национально-освободительного движения в 60-е годы — империализмом США.

Необходимо отметить ряд общих и частных черт «противоповстанческой» стратегии империализма в 50—60-е годы.

В течение всего послевоенного периода доктрина контринсургенции продолжала служить в качестве важного орудия борьбы империализма и связанных с ним реакционных сил внутри молодых государств против национально-освободительных движений. В определении империалистических стратегов она представляет собой сочетание «военных, политических, экономических, психологических и гражданских акций», которые направлены на подавление «повстанцев» [70, 17]. Причем «военные акции» против «повстанцев» или по существу борьба военными средствами против национально-освободи-

тельного движения рассматриваются империалистами в качестве основного средства. Все же остальные играют не более чем подчиненную роль. В этом отношении американская стратегия во Вьетнаме была прямым продолжением французской «противоповстанческой» стратегии.

Однако в отличие от французской практики контринсургенции в Индокитае и Алжире, английской — в Малайе, американо-филиппинского «опыта» подавления коммунистического движения на Филиппинах в конце 40-х — начале 50-х годов Южный Вьетнам стал ареной невиданной по *своим масштабам* в послевоенный период империалистической войны против широкого национально-патриотического движения. Здесь чисто военные методы подавления с использованием полумиллионной армии иностранной державы, самого современного по западным стандартам оружия оставили далеко позади все остальные. Несмотря на количественное увеличение южновьетнамской армии, участие американской армии в войне в Южном Вьетнаме продолжало неуклонно возрастать в течение почти всех 60-х годов. Роль марионеточной армии в «противоповстанческих» действиях увеличилась лишь в конце десятилетия в связи с принятием США доктрины «вьетнамизации»[1] и начавшимся выводом американских контингентов из Южного Вьетнама.

Приемы и методы контринсургенции для местных реакционных правительств всегда разрабатывались в «мозговых центрах» Запада, причем главным теоретиком и практиком «антиповстанческих» войн стали Соединенные Штаты. Они внесли ряд важных изменений в тактику ведения борьбы против национально-освободительного движения. Раньше сотрудничество местных вооруженных сил и иностранной армии в борьбе против патриотов носило в основном двусторонний характер. Ныне в результате небывалого размаха национально-освободительных движений стратегия контринсургенции превра-

[1] В конце 60-х годов, после придания военно-бюрократическому режиму Тхиэу конституционного фасада, США провозгласили курс на так называемую «вьетнамизацию», которая наряду с мерами по укреплению южновьетнамской армии, которые позволили бы ей взять на себя главную тяжесть борьбы с ФНО, включала также широкую группу мер, направленных на стабилизацию сайгонского режима в целях его последующего развития на «собственной основе».

тилась в коллективную. Империализм Соединенных Штатов широко использовал весь прошлый опыт борьбы с патриотами. Не случайно в начале 60-х годов в Южном Вьетнаме действовала английская военная миссия, дававшая практические советы по борьбе с Национальным фронтом освобождения исходя из опыта англичан в Малайе [71, 313].

Утверждение у власти реакционных неоколониалистских диктатур в Южной Корее и Южном Вьетнаме, участие ряда азиатских стран в военных блоках позволило империализму США вовлечь в интервенцию — иногда в весьма широких масштабах — местные азиатские вооруженные силы. Таков характер участия в войне против вьетнамского народа Южной Кореи, Таиланда, в недавнем прошлом Филиппин. Соединенные Штаты использовали части южновьетнамской армии в борьбе против национально-освободительного движения в Камбодже и Лаосе. Под прямым нажимом США велись трехсторонние консультации между нынешней камбоджийской администрацией, с одной стороны, и южновьетнамскими, а также таиландскими властями — с другой, относительно создания «структуры совместного командования» для борьбы с патриотическим движением [47а, 24.VIII.1970, стр. 51]. Журнал «Фар истерн экономик ревью» писал в июле 1970 г.: «В действительности командование южновьетнамского армейского корпуса играет такую же центральную роль в Камбодже, какую играют... американские офицеры в Сайгоне. Оно имеет право окончательного решения во всех камбоджийских военных планах... и во многих случаях берет верх над всем камбоджийским генеральным штабом в вопросах стратегии и тактики» [38, 23.VII.1970, стр. 17]. Хотя журнал явно преувеличивает «самостоятельную» роль южновьетнамской военщины, фактом остается ее широкое использование американцами в целях насаждения своего влияния в Камбодже.

Широкое применение военной силы США в Азии и все больший крен империалистической политики в сторону вовлечения в борьбу против национально-освободительного движения ряда азиатских армий не привели, однако, к каким-либо удовлетворительным результатам. В этом еще одно отличие опыта контринсургенции 50-х и 60-х годов. Если англичанам в Малайе и реакцион-

ным правительствам на Филиппинах удалось резко сократить масштаб вооруженных выступлений коммунистов путем широкого использования «политических, экономических» и главным образом «психологических акций», коллективная контринсургенция империализма на протяжении всех 60-х годов демонстрировала провал за провалом. Те же самые методы «мирных антиповстанческих» действий, которые прошли испытание в Малайе и на Филиппинах, потерпели крах в 60-е годы в Южном Вьетнаме. Создание «стратегических поселений», «поселений новой жизни» и другие аналогичные проекты, которые были призваны отгородить «лояльных» вьетнамцев от «инсургентов», не смогли парализовать национально-освободительного движения.

После неудачи применения военной силы США в рамках политики «вьетнамизации» стали делать упор на создание необходимых экономических, социальных и политических условий в Южном Вьетнаме для консолидации реакционного правления феодально-компрадорской верхушки в лице военных, определенных кругов помещиков и предпринимателей, высшего чиновничества, верхушки католического духовенства. Речь шла еще об одном варианте «модернизации», имевшей целью поправить тяжелое хозяйственное положение страны, преодолеть усиливающуюся с каждым днем инфляцию. Многие годы в «мозговых центрах» США дискутировался вопрос о целесообразности проведения аграрной реформы в Южном Вьетнаме, пропагандировалась так называемая программа «земля — земледельцу».

На рубеже 60—70-х годов ни одна из предлагаемых американскими советниками реформ так и не начала проводиться в жизнь. Почти все они выливались в еще один вариант контринсургенции и не имели никакого самостоятельного значения. Это и понятно. Ведь всякая сколько-нибудь последовательная реформа наносит удар по марионеточному режиму, подрывает основу его существования. Взять хотя бы аграрную реформу, которая в случае ее радикального проведения подорвала бы как раз основы господства землевладельцев — именно того класса, выходцы из которого пополняют ряды высшего офицерства. В итоге все попытки правящих кругов США найти какие-то новые политические, социальные и экономические формы укрепления антинародной вла-

сти в стране приводили лишь к дальнейшей централизации режима, милитаризации жизни страны.

* * *

Опыт общественного развития ряда стран Востока в 60-х — начале 70-х годов воочию свидетельствует о том, насколько внутренне шаткими и недолговечными оказались «военные» режимы в их неоколониалистском и буржуазно-бюрократическом варианте. Симптомы кризиса реакционных военных диктатур наблюдаются и там, где они продолжают еще существовать. Империалистическая ориентация на армии ряда стран, подход к ним как к сложившемуся институту буржуазного порядка явно оказываются несостоятельными. Расчет на вооруженные силы молодых стран как на элитную привилегированную организацию, в которой иерархия гарантирует консервативную ориентацию, не оправдался.

В 60-е годы можно наблюдать качественно новые явления и тенденции в развитии национально-освободительного движения в странах Азии и Африки. С дальнейшим ростом и углублением массового антиимпериалистического и демократического движения, в котором участвовали рабочий класс, крестьянство, служащие и интеллигенция, молодежь, национальная буржуазия, в ряде стран все большую роль стали играть революционно-демократические силы, в руках которых оказалось руководство этими странами. Увеличение роли этих сил является естественным результатом радикализации процессов национально-освободительной борьбы по мере углубления социальных аспектов национально-освободительной революции.

«Главное состоит в том, что борьба за национальное освобождение во многих странах стала практически перерастать в борьбу против эксплуататорских отношений, как феодальных, так и капиталистических»,— говорится в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду [8, 21]. При этом переход к более прогрессивным общественным порядкам совершается нередко быстрее там, где в недрах самих государственных институтов уже не один год вызревают силы антиимпериалистического протеста, требующие радикальных перемен в жизни своих стран. Правда, до поры до времени проимпериалистический

монархический и буржуазный строй внешне может скрывать то глубокое недовольство, которое существует внутри еще служащих монархам и местной буржуазии институтов.

В числе этих институтов — армия. Особенностью ее происхождения во многих государствах Азии и Африки является то, что в ее офицерстве представлены выходцы из самых различных классов и социальных слоев. Даже в странах, вооруженные силы которых возникли из «национализированных» колониальных формирований, сосредоточение военного руководства в руках профессионалов колониальной выучки, обычно буржуазно-помещичьего и аристократического происхождения, не означало, что в перспективе они будут служить имущим классам. Весьма значительная прослойка националистически настроенного радикального мелкобуржуазного офицерства в молодых армиях с самого начала оказывала возрастающее влияние на внутреннюю жизнь вооруженных сил. Впоследствии офицеры-патриоты стали руководящей силой антимонархических революций в Египте в 1952 г., в Йемене в 1962 г., в Ливии в 1969 г. Более того, опыт развития национально-освободительной революции в странах Арабского Востока и Юго-Восточной Азии в последние годы воочию показывает, что демократические офицерские круги в своих действиях идут подчас дальше преобразований общенационального буржуазного характера. Они выдвигают развернутые программы социального переустройства в интересах трудящихся классов. Офицерство выступает выразителем воли большинства народа. В этом отношении весьма показателен опыт стран, вступивших на некапиталистический путь развития под руководством офицеров-патриотов национальных армий (как, например, Бирма, Сирия, Сомали и ряд других).

Итак, национальная армия в послеколониальном обществе развивается по пути, не отвечающему интересам империализма. Безусловно, на этом пути немало трудностей. Неоколониализм использует любые уязвимые места вооруженных сил стран Азии и Африки, чтобы превратить их в продолжение своих «оборонительных рубежей» в борьбе против мирового социализма и национально-освободительного движения. Однако ныне развитие армии, как и других государственных ин-

ститутов молодых наций, происходит в совершенно иной международной обстановке в отличие от той, которая существовала четверть века назад. Рост могущества мировой системы социализма, прежде всего ее экономической и военной мощи, создает серьезную преграду на пути попыток неоколонизаторов использовать армии афро-азиатских стран против народов этих стран, демонстрирует антиимпериалистическим силам среди местного офицерства и рядового состава неуклонную волю социалистических государств и их армий противостоять происка м общего врага всех народов — империализма. Глубокое осознание демократическими военными кругами молодых стран этой новой реальности будет способствовать дальнейшему укреплению суверенитета афро-азиатских государств, превращению местных армий в подлинно национальную, революционно-демократическую силу.

БИБЛИОГРАФИЯ

Произведения классиков марксизма-ленинизма *, труды выдающихся деятелей КПСС и Советского государства, документы коммунистических и рабочих партий

1. К. Маркс, Восемнадцатое Брюмера Луи Бонапарта, т. 8.
2. К. Маркс — Ф. Энгельсу, 25 сентября 1857 г., т. 29.
3. Ф. Энгельс, Падение Меца, т. 17.
4. Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, т. 20.
5. В. И. Ленин, Задачи революционной молодежи, т. 7.
6. В. И. Ленин, Речь на III Всероссийском съезде Советов народного хозяйства, т. 40.
7. М. В. Фрунзе, Избранные произведения, т. 2, М., 1957.
8. Л. И. Брежнев, Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза, М., 1971.

8а. «Международное совещание коммунистических и рабочих партий», М., 1969, Прага, 1969.

Мемуары, речи и труды государственных деятелей

9. Не Вин, Бирма на новом пути, М., 1965.
10. Ayub Khan M., Friends not Masters. A Political autobiography, London, 1967.
11. Muqueem F. Khan, The Story of the Pakistan Army, Karachi, 1963.
12. Nasser Gamal Abdel, The Philosophy of the Revolution, Buffalo, 1959.
13. Nasser G. A., Speeches and press interviews, January — December 1963, Cairo Information.
14. Neguib M., Egypt's Destiny, London, 1955.
15. El Sadat A., Revolt on the Nile, London, 1957.
16. Within Quotes, Extracts from the Speeches of President Mohammad Ayub Khan of Pakistan, June 1964, Karachi.

---

* Произведения К. Маркса и Ф. Энгельса приводятся по 2-му изданию Собрания сочинений, труды В. И. Ленина — по 5-му изданию Полного собрания сочинений.

На индонезийском языке

17. Malik A., Riwajat Proklamasi 17 Augustus 1945, Djakarta, 1965.
18. Nasution A. H., Pokok-pokok gerilja, Djakarta, 1954.
19. Nasution A. H., Sedjarah perdjuangan nasional dibidang bersendjata, Djakarta, 1966.
20. Nasution A. H., Tentara Nasional Indonesia, Djl. I, 1956, Djakarta.
21. Nasution A. H., Tjatatan sekitar politik militer Indonesia. Djakarta, 1956.

Документы и официальные публикации

22. «Конституции государств Ближнего и Среднего Востока», М., 1956.
23. «The Armed Forces of Pakistan», (S. L.), 1963.
24. «Is Trust Vindicated?, A Chronicle of the Various Accomplishments of the Government headed by General Ne Win during the Peirod of Tenure from November 1958 to February 1960», Rangoon. 1960.
25. «Pakistan under the New Regime», (S. L.), (S. A.).

На индонезийском языке

26. Hakekat kekarjaan ABRI/TNI-AD bukan militarisme, Djakarta, 1967.

Периодика

27. «Мировая экономика и международные отношения».
28. «Народы Азии и Африки».
29. «Правда».
30. «Проблемы мира и социализма».
31. «Africa Report».
32. «Asian Survey».
33. «Australian Outlook».
34. «Comparative Studies in Society and History».
35. «Current History».
36. «Djakarta Times».
37. «The Economist».
38. «Far Eastern Economic Review».
39. «Foreign Affairs».
40. «Forward» (Rangoon).
41. «Guardian» (Rangoon).
42. «Hidu Times».
43. «Indonesia» (Conrnell University).
44. «International Affairs».
45. «Pacific Affairs».
46. «Sin Po» (Indonesia).
47. «The Times».

47a. «The United States News and World Report».
48. «World Politics».
49. «World Today».

Монографии, сборники статей и докладов

50. Гаврилов Ю. Н., Борьба за независимость и прогрессивные преобразования в Бирме, М., 1970.
51. Ганковский Ю. В., Гордон-Полонская Л. Р., История Пакистана, М., 1961.
52. Грядунов Ю. С., Новые горизонты Судана, М., 1969.
53. Данилов В. И., Средние слои в политической жизни современной Турции, М., 1968.
54. Другов А. Ю., Резников А. Б., Индонезия в период «направляемой демократии», М., 1969.
55. «Классы и классовая борьба в развивающихся странах», т. I, М., 1967.
56. «Крупный капитал и монополии стран Азии», М., 1970.
57. Мирский Г. И., Армия и политика в странах Азии и Африки, М., 1970.
58. Москаленко В. Н., Проблемы современного Пакистана, М., 1970.
59. «Проблемы современной Индонезии», М., 1968.
60. «Проблемы экономической самостоятельности стран Юго-Восточной Азии», М., 1970.
61. «На новом пути», М., 1968.
62. «Национально-освободительное движение в Индонезии (1942—1965)», М., 1970.
63. «Новейшая история арабских стран (1917—1966)», М., 1968.
64. Фролкин Н. М., Крестьянство в алжирской революции, Киев, 1967.

65. «The Army and Society», Social Sciences Today, Moscow, 1969.
66. «The Asian Bureaucratic Systems Emergent from the Pri-Imperial Tradition», Durham, 1966.
67. Be'eri Elizer, Army officers in Arab Politics and Society, New York, 1970.
68. Berger M., The Middle Class in the Arab World, Princeton, (W. L.), (S. a.).
69. Bognar J., Economic Policy and Planning in Developing Countries, Budapest, 1968.
70. Dow M. W., Nation Building in Southeast Asia, Boulder, 1966.
71. Duncanson D. J., Government and Revolution in Vietnam, London. 1968.
72. Feith H., The Decline of the Constitutional Democracy in Indonesia, New York, 1962.
73. Feldman H., Revolution in Pakistan. A Study of the Marti al Law Administration, London, 1967.
74. Gillespie J., Algeria, Rebellion and Revolution, London, 196...
75. Haddad G., Revolution and the Military Rule in the Middle East, The Northern Tier, New York, 1965.
76. Halpern M., The Politics of Social Change in the Middle East and North Africa, Princeton, 1963.

77. Halpern M., The Politics of Social Change in the Middle East and North Africa, A Report Prepared for United State Air Force Project «Rand», Santa Monica, California, September 1963.
78. Hindley D., The Communist Party of Indonesia 1951—1963, Berkeley and Los Angelos, 1964.
79. Humbaraci A., Algeria: A Revolution that Failed. A Political History since 1954, New York, 1966.
80. Hurewitz J. C., Middle East Politics; the Military Dimensions, New York, 1969.
81. Janowitz M., The Military in the Political Development of New Nations, Chicago, 1964.
82. Johnson J., Political Change in Latin America: the Emergence of the Middle Sectors, Stanford, 1958.
82a. Kahin Mc. T., Nationalism and Revolution in Indonesia, New York, 1952.
83. Laurent M., L'armee au Cambodge et dans les pays ev voice de développment du Sud-East Asiatique, Paris, 1968.
84. Lee J. M., African Armies and Civil Order, London, 1968.
85. Lev D., The Transition to Guided Democracy: Indonesian Politics 1957—1959, New York, 1966.
86. «Major Gouvernments of Asia», ed. by Kahin Mc. T., New York, 1965.
87. Maung Maung, Burma, and General Ne Win, London, 1969.
88. «The military in the Middle East. Problems in Society and Government», ed. by Fisher S. N., Columbus, 1963.
89. Nieuwenhuijze C. A. O., Social Stratification and the Middle East. Am Interpretation, Leiden, 1965.
90. «Political Development and Social Change», ed. by Jason L., Finle and Gable R. Q., New York, 1966.
91. «Political and Social Change in Modern Egypt», ed. by Holt P. M., London, 1968.
92. «Republic of Indonesia Cabinets. 1945—1946», Compiled by S. Finch and D. Lev., New York, 1965.
93. «Le roleextra-militaire de l'armée dans le tiers-monde», ed. Hamon L., Paris, 1966.
94. «The Role of the military in Underdeveloped Countries», ed. Joynson J., Princeton, 1962.
95. Roeder O., The Smiling General-President Soeharto to Indonesia, Djakarta, 1959.
96. Sayeed K., Pakistan. The Formative Phase, Karachi, 1960.
97. Sayeed K., The Political System of Pakistan, Boston, 1967.
98. Selosoemardjan S., Social Changes in Jogjakarta, New York, 1962.
99. «Southeast Asia in World War II: four Essays», ed. by Silverstein J., Yale, 1966.
100. Vandenbosch A. and Butwell R., The Changing Face of South-east Asia, Lexinger, 1966.
101. Vatikiotis P., The Egyptian Army in Politics, Bloomington, 1961.
102. Worsley P., The Third World: A Vital Force in International Affairs, London, 1964.
103. Zartman I., Morocco: Problems of New Power, New York, 1964.
104. Rosamona, Matinja Aidit marsekal Lobang Buaja, Djakarta, 1957.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 3

Глава I. Армия и социальная организация общества . 7

Обзор существующих концепций и взглядов . . . 7
Армия и общество 19

Глава II. Путь в политику 35

Социальный генезис разных типов армий 35
Политическая роль пакистанской армии 42
Политический опыт индонезийской армии 54
Сфера политической активности военных 73

Глава III. Некоторые особенности политической организации общества на современном Востоке 80

Партия и армия 80
Автономность армии в политической системе . 86
Роль гражданской бюрократии 93
Военные и гражданская бюрократия . . . 98

Глава IV. Армия у власти 102

Военно-бюрократический режим 103
Революционная военная диктатура в Египте . 115

Глава V. На пути к новой политической системе 123

Необходимость перехода к новой политической организации общества 123
Проблема установления контроля над армией . . . 132
Итоги развития военно-бюрократических режимов . . 135

Глава VI. Военно-бюрократический режим в планах империализма 148

Библиография 164

Рустэм Эрвандович Севортян

АРМИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ РЕЖИМЕ СТРАН СОВРЕМЕННОГО ВОСТОКА

Утверждено к печати Институтом востоковедения Академии наук СССР

•

Редактор *Б. Е. Косолапов.* Младший редактор *С. П. Какачикашвили* Художник *М. Р. Ибрагимов.* Художественный редактор *Э. Л. Эрман* Технический редактор *М. В. Погоскина.* Корректор *В. В. Воловик*

Сдано в набор 29/V 1973 г. Подписано к печати 14/IX 1973 г. А-06930. Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага № 1. Печ. л. 5,25. Усл. печ. л. 8,82 Уч.-изд. л. 9,03. Тираж 3200 экз. Изд. № 3259. Зак. № 505. Цена 57 коп.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука» Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука». Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4

Цена 57 коп.